



ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278



Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ПРОБЛЕМА
ИХ ТЕКСТОВОЙ СЕМАНТИКИ

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА
«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

О ДИСКУССИИ «АРЗАМАСА» И МЛАДОАРХАИСТОВ
В БОЛЬШОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ



2020 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 1

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — № 1. — 134 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kopusov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2020. – № 1. – 134 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Барминова С. В.</i> АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА	6
<i>Брагина Н. Г., Рябова Ю. А.</i> БАТЮШКИ! ОПЫТ ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ МЕЖДОМЕТИЯ ИСПУТА	15
<i>Девятова Н. М.</i> ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ПРОБЛЕМА ИХ ТЕКСТОВОЙ СЕМАНТИКИ	26
<i>Ли Шуцзинь, Ли Ли.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛЕДОВАНИЯ	37
<i>Луань Луань.</i> К УТОЧНЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЁМА ТЕРМИНОВ «ДИСКУРС» И «ДЕТСКИЙ ДИСКУРС»	51
<i>Лягунова С. В.</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОММЕНТАТОРА-АНАЛИТИКА В ЖАНРЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ	57
<i>Тихонова Е. Н.</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ..	65
<i>Хохлова М. В.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ», «СТИЛЬ» И «ДИСКУРС»	75
<i>Цынк С. В.</i> ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА	82

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Джанумов С. А.</i> ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»	93
<i>Иваницкий А. И.</i> О ДИСКУССИИ «АРЗАМАСА» И МЛАДОАРХАИСТОВ В БОЛЬШОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ	107
<i>Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В.</i> ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК КАК СИМВОЛ БЛАГОРОДНОГО ДЕЛА И БЕССМЕРТИЯ	115

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ

<i>Матвеев Е. М.</i> ПЕШКОВСКИЙ А. М. ЛИНГВИСТИКА. ПОЭТИКА. СТИЛИСТИКА / СОСТ., НАУЧ. РЕД., ПОДГОТ. ТЕКСТА, ВСТУП. СТ. И ПРИМ. О. В. НИКИТИНА. М.: ФЛИНТА, 2018. 712 С. (СЕРИЯ «СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»)	125
---	-----

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Свиридова Т. М.</i> ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ФИГУРОВСКИЙ: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА	130
---	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTIC STUDIES

<i>S. Barminova</i> . ADDRESSANT AND ADDRESSEE IN BUSINESS DISCOURSE	6
<i>N. Bragina, Yu. Ryabova</i> . BATYUSHKI! THE EXPERIENCE OF THE LINGUO-PRAGMATIC DESCRIPTION OF THE INTERJUNCTION OF FRIGHT ..	15
<i>N. Devyatova</i> . INTRODUCTORY-MODAL WORDS AND THE PROBLEM OF THEIR TEXT SEMANTICS	26
<i>Li Shujin, Li Li</i> . STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF TEMPORAL SENTENCES WITH MEANING OF SEQUENCE	37
<i>Luan Luan</i> . THE CONTENT AND SEMANTIC VOLUME OF THE TERMS "DISCOURSE" AND "CHILDREN'S DISCOURSE"	51
<i>S. Lyagunova</i> . LINGUISTIC PERSONALITY OF COMMENTATOR-ANALYST IN THE SPORTS COMMENTARY GENRE	57
<i>E. Tikhonova</i> . GRAMMATIC AND SEMANTIC FEATURES OF THE ASPECT OF THE VERB IN STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	65
<i>M. Khokhlova</i> . ISSUE OF CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «TEXT», «STYLE» AND «DISCOURSE»	75
<i>S. Tsynek</i> . DIALECTISMS IN PUBLICISTIC TEXTS BY A. SOLZHENITSYN	82

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>S. Dzhanumov</i> . THE IMAGE OF ST. PETERSBURG IN A. PUSHKIN'S POEM «THE BRONZE HORSEMAN»	93
<i>A. Ivanitsky</i> . ON THE DISCUSSION BETWEEN 'ARZAMAS' AND THE "YOUNG ARCHAISTS" IN THE GREAT HISTORICAL TIME	107
<i>A. Markova, G. Mamukina, M. Minova</i> . BLUE FLOWER AS A SYMBOL OF NOBLE CAUSE AND IMMORTALITY	115

SECTION III. REVIEW

<i>E. Matveev</i> . PESHKOVSKY A. M. LINGUISTICS. POETICS. STYLISTICS / COLLECTION, SCIENTIFIC EDITING, TEXT PREPARATION, INTRODUCTORY ARTICLE AND NOTES BY O. V. NIKITIN. MOSCOW: FLINTA PUBL., 2018. 712 P. (SERIES «STYLISTIC HERITAGE»)	125
--	-----

SECTION VI. SCIENTIFIC LIFE

<i>T. Sviridova</i> . IVAN ALEKSANDROVICH FIGUROVSKY: TO THE 120TH BIRTHDAY OF THE OF THE PROFESSOR'S BIRTH	130
--	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-6-14

АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Барминова С. В.

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
115409, г. Москва, Каширское шоссе, д. 31, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель: Рассмотреть особенности взаимодействия адресата и адресанта в деловом дискурсе, их стратегии и тактики в устной и письменной коммуникации.

Процедура и методы исследования. В основе анализа лежит гипотеза о том, что типы отношений участников коммуникативного акта в деловом общении, их стратегии зависят от речевого жанра. На основе анализа научной литературы и жанровых форм дискурса приводятся основные речевые стратегии отправителя сообщения. Рассматриваются статусно-ролевые конфигурации участников делового дискурса, приводятся основные способы адресации.

Результаты проведённого исследования. По итогам исследования автором сделан вывод о том, что самыми яркими признаками деловой речи, являются подчёркнутая директивность и стандартизированность, которые проявляются в жанровом разнообразии.

Теоретическая / практическая значимость. Выводы могут быть использованы в практическом обучении деловому общению, тренингах личностного роста, а также в описательных исследованиях, посвящённых деловому дискурсу.

Ключевые слова: субъекты речи, институциональный дискурс, речевые стратегии, речевые жанры, статусно-ролевые отношения, этикетизация, ритуализация дискурса, фактор адресата

ADDRESSANT AND ADDRESSEE IN BUSINESS DISCOURSE

S. Barminova

*National Research Nuclear University MEPhI
31 Kashirskoe sh., Moscow 115409, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. To explore the peculiarities of interaction between addressee and addressant in business discourse and its strategies and tactics in verbal and written communication.

Methodology and Approach. The study is based on the hypothesis that types of relationships between participants of the communicative act in business communications and their strategies depend on the speech genre. The analysis of scientific literature and genres of discourse showed the main speech strategies of the addressant of communication. The article examines the configurations of statuses and roles of the participants of business communications and basic addressing methods.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that the most striking signs of business speech are emphasized directivity and standardization, which are manifested in the genre diversity.

Theoretical and Practical implications. The conclusions can be used in practical learning of business communication, personal growth training, as well as in descriptive studies on business discourse.

Keywords: speech subjects, institutional discourse, speech strategies, speech genres, relations between status and role, etiquette, the ritualization of discourse, addressee factor

© CC BY Барминова С. В., 2020.

Деловой дискурс представлен значительным разнообразием текстов, в нём реализуется множество жанровых разновидностей: от законов, постановлений судов до зафиксированных на бумаге договоренностей, деловой документации и образцов риторики. Характеристика как самого дискурса, так и субъектов коммуникации в деловом общении исходит из общего представления о том, что в данном случае реализуется один из ярких типов институционального дискурса. Впервые обосновавший этот институциональный тип дискурса В. И. Карасик исходил как раз из типологизации статусно-ролевых отношений: общение здесь обуславливается выполнением отправителем и получателем сообщения некоторых социальных функций (*начальник – подчинённый; учитель – ученик* и т. д.). «Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента. Наряду с этим типом общения выделяется также общение учителей, а также учеников между собой. На периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту. Таким образом, устанавливается следующая иерархия участников институционального дискурса: агент – клиент – маргинал» [4, с. 10]. Обоснование типологических различий на основе учёта особенностей отношений участников коммуникации вполне закономерно. Но оно может быть дополнено и другими характеристиками, такими, например, как цели коммуникации.

Характерными для деловой коммуникации целями чаще всего являются различные директивы и комиссивы, то есть высказывания или тексты, которые побуждают субъекта речи или адресата к определённым действиям, реже – это асертивы, которые устанавливают особый порядок вещей. В таком случае очень важной особенностью коммуникации становится её эффективность, предопределяю-

щая точность речи и её конкретность. На это обратила внимание А. О. Стеблецова, заметившая, что «для делового дискурса характерны признаки целенаправленности и результативности, на основе которых его можно противопоставить дискурсу бытовому или личностному» [12, с. 13].

Ещё одна важная характеристика делового дискурса, которая в точности соответствует двум названным ранее, – это жанровое многообразие. Каждый жанр устной и письменной разновидностей деловой сферы характеризуется признаком конвенциональности, он проявляется в обязательной реализации типичных представлений о нормах коммуникации, о структуре высказывания, композиции жанровой формы. Иными словами, деловой дискурс отличается значительным уровнем регламентации и стандартизации; это проявляется в том, что подавляющее большинство письменных жанров практически никогда не выходит за рамки установленных представлений и ГОСТами формуляров, а в устной речи доминируют одни и те же речевые формулы и клише. Таким образом, деловой дискурс можно назвать жёстко регламентированной областью коммуникации, особенностью которой является следование установленным формулярам, традициям, этикету, нормам и стандартам, которые предписывают использование допустимых языковых средств.

Участники делового общения всегда наделены стандартными речевыми характеристиками, например, «должностное лицо», представляющее в данный момент орган государственной власти, (судья, прокурор, чиновник и т. п.), или обобщённое лицо – «государство/ государственная власть» (в текстах законов). Важно, что обобщённое лицо всегда персонализируется в конкретное путём подписания документа с указанием деловых реквизитов, прежде всего, занимаемой должности, которая предполагает определённые полномочия, в том числе позволяет создавать или присваивать подобные тексты.

Должностному лицу противостоит другое должностное лицо или гражданин, они

также наделены определёнными компетенциями, которые во многом определяют содержание и форму текста. Жанровое многообразие определяется конфигурацией равных или неравных статусов коммуникантов, которые находятся на разных ступенях иерархии. Есть в деловом дискурсе и институционально равновесные социальные роли, например, *истец и ответчик, стороны контракта, деловые партнёры по переписке, продавец и покупатель, поставщик и потребитель услуг*. Главный признак обозначенных ролей заключается в том, что при таком общении минимизируются важные социальные характеристики коммуникантов: возраст, пол, образование.

Несмотря на важность статусных характеристик субъекта и объекта речи, несомненной ценностью деловой коммуникации является принцип равноправия сторон, который всегда декларируется, хотя может и не соблюдаться. Эта ценность основывается на принципе кооперации Грайса-Лича и предполагает следование принципам вежливости, достаточности и полноты [2].

Стратегии участников делового дискурса легко поддаются стандартизации: адресант, преследуя личные цели, заинтересован в их достижении, реализации своего замысла. Следовательно, он строит речь так, чтобы добиться консенсуса, поэтому он использует определённые средства, облегчающие и корректирующие восприятие передаваемого сообщения. Даже при коммуникации субъектов с разными статусами, когда целью говорящего является прямое воздействие на слушающего для обеспечения регуляции его поведения, адресант не прибегает к угрозам, хотя и определяет ответственность адресата за отсутствие реакции на содержание сообщения.

Реализуемые в деловом дискурсе стратегии участников относятся к их производственной и общественной деятельности, следовательно, соответствуют стандартным стратегиям профессиональных сфер. Речевой замысел коммуникантов В. В. Красных характеризует так:

«Речевое общение в психологическом плане состоит в том, что в основе моделирования состояния сознания реципиента (по сути – двойного моделирования: наличного и желаемого состояния) и на основе знания о правилах оптимального перевода смысла (индивидуального) в значения (достояние общественное) говорящий кодирует желаемые изменения в сознании реципиента в виде языкового (речевого) сообщения. Реципиент, воспринимая данное сообщение, декодирует его и извлекает из него скрытую за внешним планом (планом значений) глубинную информацию, которая обуславливает реальное и потенциальное изменение его деятельности» [7, с. 171].

Между разновидностями институционального общения границы чётко не обозначены, так как жанры довольно быстро трансформируются под влиянием новых форм коммуникации, прежде всего цифровых форм. С одной стороны, это коммуникация через электронную почту, с другой – общение через социальные сети и сообщества. В результате экспансии таких средств коммуникации формируется новая коммуникативная среда, ориентированная на устное межличностное общение. Внутри подобных сред важное значение приобретает персонализация коммуникативных стратегий участников и игровые формы, они могут проникать как в отдельные жанры – деловая переписка, деловые переговоры, так и влиять на институциональный дискурс в целом, изменяя социальные роли участников коммуникации.

Абстрактное моделирование коммуникативных ситуаций делового дискурса, конечно же, несколько отличается от реальных речевых актов, в них безличностное общение часто сочетается с отдельными случаями проявления межличностной коммуникации, социальные роли участников институционального дискурса реализуются в совокупности с уникальными личностными репрезентациями. Именно поэтому в последнее время учёных привлекают не столько архетипические черты институциональной коммуникации,

а условия и факторы, влияющие на отклонение от архетипа, делаются попытки классифицировать и описать параметры общения, которые разрушают границы между персональным и институциональным. Например, как следует классифицировать коммуникацию в стихийно складывающихся группах: покупатели в очереди, посетители банка, театральные зрители и т. д., как подходить к анализу общения в устойчивых объединениях по интересам: с одной стороны, члены группы часто неосознанно подчиняются определённой социальной структуре, например, делятся на модераторов, участников и экспертов, эти роли они последовательно реализуют, но можно ли утверждать, что вследствие этого интернет-общение можно / следует рассматривать как институциональный дискурс, ведь зачастую реализуемые в интернет-коммуникации социальные роли могут совершенно не совпадать с реальным статусом. Однако становится очевидным, что, помимо доминирующей в деловом дискурсе письменной формы коммуникации, всё большее значение приобретают устная и электронная формы, которые не столь стандартизированы, поэтому в них постепенно проникает персонализированный дискурс, составляющий оппозицию деловому.

Для понимания специфики отношений адресат – адресат необходимо проанализировать интенциональную составляющую коммуникации. Как известно, важнейшим фактором, характеризующим успешность коммуникативного акта, является ясное целеполагание участников речевого акта. Речевые стратегии участников делового дискурса изучались во множестве научных исследований, однако следует признать, что изучение завершено и существует полная классификация основных интенций. Причины популярности классификации речевых стратегий, с одной стороны, и незаконченности этих исследований, с другой, пытается объяснить Е. В. Пономаренко: «Эта проблема всё ещё не имеет достаточно чёткой трактовки – начиная с того, что разные авторы в зависимости от цели или

стиля анализа используют разные термины (речевые стратегии, коммуникативные стратегии, прагматические стратегии, стратегии понимания связного текста, стратегии речевого поведения, стратегии общения, стратегии взаимодействия, стратегии коммуникативного воздействия, стратегии поведения в конфликтной ситуации, переговорные стратегии, стратегии овладения и пользования языком и т. п.) и заканчивая путаницей в определении того, что является стратегией, а что – тактикой речевого общения» [10, с. 78]. Важное наблюдение делает О. С. Иссерс, когда замечает, что доминанта стандартизации в целях экономии речевых средств приводит часто авторов исследований к тому, что они стремятся представить деловую коммуникацию как ритуальную или ритуализованную: «Ритуализация речевого поведения позволяет прогнозировать возможные речевые действия участников коммуникации и – соответственно – реализовать стратегический подход в стандартных речевых ситуациях» [3, с. 18–19]. Иными словами, ритуализация общения и его стандартизация не только организуют определённым образом участников общения, но и их целеполагание.

При выделении основных стратегий следует учитывать, что формализации и стереотипизации могут подвергаться только общие стратегии, направленные на достижение характерных для данного дискурса целей, частные же стратегии, характеризующие каждый конкретный речевой акт, могут быть весьма разнообразными, важным здесь является то, что они полностью подчиняются общим стратегиям и реализуются как дополнительные.

Безусловно, одной из наиболее частных стратегий адресанта в деловом дискурсе является *директивная* стратегия, нацеленная на доминирование в общении и на определённую коррекцию поведения адресанта. Близка к ней стратегия *манипулятивная*, цель которой несколько иная: в результате успешной реализации этой стратегии говорящему удаётся легко убедить слушающего, что именно он обладает

большим статусом в данном коммуникативном акте. Не менее значима и частотна стратегия *регулятивная*, реализую которую говорящий не просто пытается установить определённые правила, но и определённым образом «легитимизировать» их как разумные и единственно возможные.

Существует несколько заслуживающих внимания исследований, в которых делается попытка типологизации стратегий делового общения. Например, Е. Н. Малюга выделяет три класса стратегий для межкультурного делового общения, они представляют разнообразные вариации интенций участников коммуникативного акта, в итоге автор выделяет три основных инвариантных стратегии – презентационные, конвенциональные, манипулятивные. Первые (презентационные) направлены на изменение самой коммуникативной среды, её преобразование. Вторые (конвенциональные) фиксируют проведённые преобразования, а манипулятивные основаны на взаимодействии коммуникантов [9, с. 42–44]. Д. С. Храмченко, последовательно анализируя жанры деловой речи, выделяет следующее разнообразие стратегий (при этом автор следует главному принципу коммуникации – кооперации): взаимные уступки и допустимые компромиссы; ориентацию на сближение или изменение позиций; последовательное отстаивание своих интересов; попытки предвосхитить реакцию собеседника в процессе коммуникации, нацеленность на моделирование восприятия высказывания речевым партнёром; манипуляции выразительными средствами языка для целенаправленного воздействия, управления восприятием собеседника [14, с. 44–54].

Таким образом, обзор стратегий нам показывает, что институциональный дискурс строится по определённой модели, определённому шаблону, но степень подражания выделенным схемам различна – от абсолютно трафаретной в дипломатическом дискурсе до постоянно изменяющейся в бизнес-общении. В. И. Карасик указывал на существование мягких и жёстких разновидностей институционального дискурса [6].

Известный философ и культуролог М. Фуко считал, что институциональный дискурс – это дискурс власти, так как он стремится навязать обществу удобную власти оценочную и когнитивную модель мира. Данный вид дискурса стремится установить режим коммуникации и максимально его распространить, повсеместно обозначая и структурируя объекты путём ясного и непротиворечивого разграничения нормы и ненормы, «как следует» и «как быть не должно». С этих позиций адресант институционального дискурса может рассматриваться как субъект подавления и контроля [13, с. 58]. Социальные институты всегда являются одним из субъектов институционального дискурса, они рожают и транслируют его в форме категорий, идей, понятий и образов, формируют рамки видения картины мира, осмысления окружающего мира, учёный называл подобные рамки фокусными центрами («очками»). Таким образом, институциональный дискурс – это сложная коммуникативная среда, которая складывается на основе определённой системы статусно-ролевых отношений, стороны этих отношений всегда неравноправны либо на основании положения в системе, либо на основании коммуникативной роли в конкретной ситуации. Именно поэтому в институциональном пространстве в той или иной степени осуществляются властные функции символического принуждения, они выражаются в форме типовых стратегий коммуникации: нормативного предписания и легитимации определённых способов видения и восприятия окружающей действительности, тенденций в ценностной ориентации, в моделях поведения.

Социальный статус – это позиция в социальной структуре группы, связанная с другими позициями через систему прав и обязанностей. В статусе фиксируется тот набор конкретных действий, которые должны быть ему представлены для осуществления деятельности. Например, врач обязан лечить и одновременно наделён правом принимать серьёзные решения относительно пациента. Статус чиновника

предполагает его обязательство принимать определённые решения относительно жизни граждан. Однако доминирующий статус всегда связан с конкретным статусом подчинения, например: врач принимает решения только в отношении своего пациента, а чиновник – только в пределах своей компетенции, например, чиновник, занимающийся проблемами строительства, совершенно не может влиять на решение социальных проблем. Таким образом, конкретный социальный статус обладает ролевым набором и проявляется в шаблонах поведения, которые называют социальными ролями, потому что они соответствуют принятым в данном обществе поведенческим стандартам.

Научное описание социальных ролей всегда большее внимание уделяло говорящему, а между тем, коммуникативная реализация роли слушающего, её прагматический аспект, также весьма интересны и заслуживают внимания. Так, В. И. Карасик на основании обзора типов адресата [5] выделяет следующие: 1) «неграмотный», умеющий читать и писать, но социально не значимый исполнитель, который по преимуществу пассивен, то есть является только адресатом; 2) «прагматик», относится к активной части населения, участвует в деловых ситуациях в роли активного субъекта, как адресанта, так и адресата; 3) «специалист», его интересуют в первую очередь сложные проблемы и коллизии, он способен быстро охватывать содержание текста и видеть его положительные и негативные последствия. Если исходить из представленной типологии адресата, то можно предположить, что адресат институционального дискурса, являющийся целевой аудиторией деловых текстов различных жанров, относится скорее ко второй или третьей группе. У такого адресата примерно одинаковый речевой опыт с адресантом, именно поэтому говорящий, ориентируясь на речевой опыт своей аудитории, в основном опирается на собственные коммуникативные стандарты, и это отчасти является категориальным признаком как адресата, так и адресанта. При не-

равных статусно-ролевых отношениях они в принципе равны по коммуникативной компетенции общения в деловой среде.

Институциональные стандарты поведения закреплены нормативами социальных институтов, в которых осуществляется властная или профессиональная деятельность. Центральная миссия социального института – организационно-дисциплинарная, его цель – регламентация социальной жизни людей, стандартизация отношений и утверждение различных иерархий, которые характеризуют деловую среду.

Институциональный дискурс закрепляет и распространяет нормы и стратегии статусно-ролевого поведения, закрепляет бинарные иерархические отношения, которые всегда основаны на противопоставлении: говорящий – реципиент, норма – ненорма, законно – незаконно, допустимо – недопустимо, разрешено – запрещено. Эти стандарты выражаются в поведенческих и моральных императивах, сценариях, кодексах поведения, правовых актах. Каждый социальный институт стремится захватить и регулировать какое-либо предметно-практическое пространство деятельности и присваивает себе право говорящего и соответствующий статус, а всем остальным он оставляет позицию слушающих. Важную роль в этих отношениях играет профессиональный язык: с одной стороны, он не относится к всеобщим компетенциям, а доступен лишь узкой группе лиц, поэтому он выполняет определённые функции социальной сегрегации и иерархизации; с другой стороны, он сам по себе способен определять роли и ситуации, например: говорящий может лучше владеть этим языком, чем слушающий, это один тип отношений; говорящий и слушающий могут в равной степени владеть языком, и это другой тип отношений.

Для достижения успешного результата общения говорящий должен учитывать фактор адресата, то есть ориентироваться на его восприятие, предугадывать его реакции, облегчать ему процесс восприятия, если это необходимо. Фактор адресата – явление очень многообразное, он

находит выражение и в специальных языковых клише, и в композиции, и в реквизитах делового документа. Говорящий должен предполагать определённую реакцию адресата, так как эта реакция – «конечная цель коммуникации, и она должна быть только такой, какой он её себе представляет, и все используемые средства должны служить её реализации» [11, с. 81]. Однако стремление к успешной коммуникации, к достижению целей заставляет адресанта изучать своего адресата, представлять его потребности и желания, поэтому он стремится изучать представителей своей целевой аудитории, на которых можно было бы ориентироваться при выстраивании деловых связей.

Ориентация субъекта деловой речи на адресата традиционна часто выражается особыми средствами, перформативными глаголами: *приказываю, удостоверяю, разрешить, отказать* и под., которые являются частью клише различных жанров. Другой формой перформативности является этикетизация [1, с. 191]. Исследователь понимает под этим явлением стирающуюся формализованность, которая в определённых ситуациях снижает иллюкутивную силу высказывания. Речь идёт прежде всего о семантическом выветривании этикетных формул, которое, в свою очередь, заставляет субъекта обращаться к варьированию речевых средств, к определённым инновациям, трансформирующим традицию.

Существенно важны и для реципиента, и говорящего (пишущего) ограничения в объёме текста, так как длинные неструктурированные тексты трудны для восприятия, поэтому авторы часто прибегают к такому спасительному средству, как сложная композиция, разделяющая текст на основную часть (выражающую интенцию) и приложение, или многоуровневая пагинация, делящая текст на разделы, параграфы, абзацы.

Важным признаком адресации является материальное выражение в тексте элементов, обозначающих статус адресата. Это всегда связано с использованием определённых речевых средств.

Например, в статье Л. П. Крысина [8] значение социального статуса участников коммуникации рассматривается как социальный феномен, определяющий поведенческие ожидания участников коммуникации. Способы выражения социального статуса человека в речи многообразны, они проявляются в прагматических параметрах высказывания, в стилистических качествах речи и даже модальных аспектах. Очень важна дистанция между говорящим и слушающим, которая зависит от того, является, ли общение персонально-ориентированным или социально-ориентированным [6]. Если приложить параметр дистанции между участниками общения к деловому дискурсу, то можно говорить о том, что он проявляется по-разному в различных жанровых формах, например, общение на короткой дистанции преимущественно используются в служебных записках, извещениях, а в приказах и распоряжениях предполагается значительная дистанция.

Таким образом, самыми яркими признаками деловой речи, которая является частью институционального дискурса, являются подчёркнутая директивность и стандартизированность, которые проявляются в жанровом разнообразии. Участники делового дискурса всегда связаны парными статусно-ролевыми отношениями, актуальными только в конкретной ситуации, ограниченной жанром. Отправитель сообщения обладает более высоким статусом в действующей иерархии, он лучше владеет языковыми средствами, но при этом ориентируется на адресата, стремится облегчить ему восприятие. Для этого он использует перформативные глаголы, этикетные фразы и привычные речевые клише, композиционно сложно организует текст, выделяя главное и устанавливая отношения для важного и неважного.

Статья поступила в редакцию 25.09.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: дисс. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2016. 401 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2018. 308 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 7–12.
5. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи: сборник статей. Вып. 3. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 157–171.
6. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 431 с.
7. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекции. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
8. Крысин Л. П. О социальной дифференциации современного русского языка // Русистика сегодня. 1998. № 3–4. С. 10–24.
9. Малюга Е. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 320 с.
10. Пономаренко Е. В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка). М.: МГИМО Университет МИД РФ, 2010. 152 с.
11. Покровская Е. В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. 2006. № 3. С. 81–88.
12. Стеблецова А. О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2015. 500 с.
13. Фуко М. Нужно защищать общество. М.: Наука, 2005. 312 с.
14. Храмченко Д. С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 2014. 448 с.

REFERENCES

1. Gorbacheva E. N. *Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry: diss. ... dokt. filol. nauk* [Discursive performativity: features, types, genres: D. thesis in Philological Sciences]. Astrakhan, 2016. 401 p.
2. Graйс G. P. [Logic and speech communication]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vip. XVI* [New in Foreign linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., 1985. pp. 217–237.
3. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2018. 308 p.
4. Karasik V. I. [On the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific papers]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. pp. 7–12.
5. Karasik V. I. [Ritual discourse]. In: *Zhanry rechi: sbornik statei. Vip. 3* [Speech genres: collection of articles. Iss. 3]. Saratov, GosUNTs "College", 2002, pp. 157–171.
6. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [The language spiral: values, signs, motives]. Volgograd, Paradigma Publ., 2015. 431 p.
7. Krasnykh V. V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii. Lektsii* [Fundamentals of psycholinguistics and theory of communication. Lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2001. 270 p.
8. Krysin L. P. [On the social differentiation of the modern Russian language]. In: *Rusistika segodnya* [Russian Studies Today], 1998, no. 3–4, pp. 10–24.
9. Malyuga E. N. *Funktsional'naya pragmatika mezkul'turnoi delovoi kommunikatsii* [Functional pragmatics of intercultural business communication]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2008. 320 p.
10. Ponomarenko E. V. *Lingvosinergetika biznes-obshcheniya s pozitsii kompetentnostnogo podkhoda (na materiale angliiskogo yazyka)* [Linguosynergetics of business communication from the standpoint of a competency-based approach (based on English)]. Moscow, MGIMO University Publ., 2010. 152 p.
11. Pokrovskaya E. V. [Pragmatics of modern newspaper text]. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2006, no. 3, pp. 81–88.
12. Stebletsova A. O. *Natsional'naya spetsifika delovogo diskursa v sfere vysshego obrazovaniya (na materiale angloyazychnoi i russkoyazychnoi pis'mennoi kommunikatsii): diss. ... dokt. filol. nauk* [National peculiari-

ties of business discourse in higher education (on the material of English and Russian written communication): D. thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2015. 500 p.

13. Foucault M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo* [It is necessary to protect society]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 312 p.
14. Khranchenko D. S. *Funktsional'no-pragmaticheskaya evolyutsiya angliiskogo delovogo diskursa: diss. ... dokt. filol. nauk* [Functional-pragmatic evolution of English business discourse: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2014. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барминова Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный» Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»;
e-mail: frozen_ivy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Barminova – senior lecturer at the Department of Russian as a foreign language, National Research Nuclear University MEPhI;
e-mail: frozen_ivy@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Барминова С. В. Адресант и адресат делового дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-6-14

FOR CITATION

Barminova S. V. Addresant and Addressee in Business Discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-6-14

УДК 81'37 (045)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-15-25

БАТЮШКИ! ОПЫТ ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ МЕЖДОМЕТИЯ ИСПУГА

Брагина Н. Г.^{1,2}, Рябова Ю. А.¹

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотрение вербальных средств выражения испуга, а именно: описание особенностей употребления вторичного междометия Батюшки!, этимологически восходящего к вокативу батюшка.

Процедура и методы исследования. В статье мы обратились к истории возникновения междометия и к исследованию контекстов его современного употребления, что позволяет предложить комплексное описание данной единицы. Методом контекстного анализа были исследованы и расклассифицированы извлечённые из Национального корпуса русского языка тексты (более 100 примеров употребления). Семантическое описание междометия строилось с привлечением материала толковых и аспектных словарей русского языка.

Результаты проведённого исследования. В результате проведённого исследования был проиллюстрирован процесс образования междометия Батюшки! из этимологически родственного вокатива батюшка; предложена классификация контекстов употребления междометия; выявлены вербальные и невербальные характеристики эмоционального поведения человека в состоянии испуга.

Теоретическая / практическая значимость. Изложенные в статье результаты исследования помогут создать модель описания междометных выражений разных типов, характеризующих эмоциональное состояние говорящего. Работа может быть полезна в практике преподавания русского языка как родного, русского языка как иностранного, а также в теории и практике перевода.

Ключевые слова: чувство, эмоция, страх, испуг, речь, междометие, русский язык

BATYUSHKI! THE EXPERIENCE OF THE LINGUO-PRAGMATIC DESCRIPTION OF THE INTERJECTION OF FRIGHT

N. Bragina^{1,2}, Yu. Ryabova¹

¹ Pushkin State Russian Language Institute
6 ul. Akademika Volgina, Moscow 117485, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The paper examines the verbal means of the expression of fright, namely, we discuss the usage of the secondary interjection Batyushki!, which etymologically originates from the vocative batyushka (lit. daddy).

Methodology and Approach. In the article, we discuss the history of the interjection Batyushki! and analyse modern contexts of its usage, which helps us to propose the integrated description of this

lexical unit. The research methodology was based on contextual analysis. We analysed texts extracted from the National Corpus of the Russian Language (more than 100 examples). The semantic description of the interjection was based on the materials of general explanatory and specialized dictionaries of the Russian language.

Results. As a result of the study, the process of the formation of interjection *Batyushki!* from the etymologically originated vocative *batyushka* was illustrated. The paper proposes a classification of the contextual usage of the interjection *Batyushki!* It also describes the verbal and non-verbal characteristics of a person's emotional behaviour in the state of fright.

Theoretical and Practical implications. The proposed analysis can help to create a model for the description of different types of interjection expressions. It also helps to describe the means, by which the emotional state of a speaker is expressed in the Russian language. The results of our analyses can be useful in the practice of teaching Russian to Russians, Russian to foreigners, and in the theory and practice of translation.

Keywords: emotion, feeling, fear, fright, interjection, language, Russian language

Статья посвящена анализу языкового выражения эмоции страха. Страх как эмоциональная реакция на опасность имеет прямо противоположные характеристики, которые отражаются в описывающих его устойчивых словосочетаниях: по данным русского языка он проявляется в динамике (побежать от страха, отскочить в испуге) и в статике (цепенеть, замереть от страха); в крике (кричать от страха) и в молчании (онеметь от страха, терять дар речи). В работе мы рассматриваем эмоционально-речевое выражение значения слова испуг, входящего в группу слов, описывающих страх¹.

СИНОНИМЫ СТРАХ И ИСПУГ: ОБЛАСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

Страх является общим словом к группе синонимов боязнь, испуг, ужас, паника со значением: 'неприятное чувство или состояние, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может оказаться в опасной ситуации, над которой не имеет контроля'². При этом

лексемы страх – испуг разведены несколькими смысловыми признаками.

Во-первых, различие заключается в причине возникновения: *страх* может быть вызван как непосредственной опасностью, так и предположением человека о возможной угрозе, причиной же *испуга* становится внезапное ощущение непосредственной опасности, неожиданное и конкретное (пусть даже незначительное).

Испуг вызван непосредственной причиной – его внешнее проявление конкретно: нас *пугает* внезапность / громкость чего-либо – например, неожиданный звук (*ты меня испугал, потому что ты вдруг крикнул*) или громкий звук (*кто-то громко поперхнулся, я вздрогнул*), какая-либо мысль (*...испугался, потому что мне пришла вдруг в голову мысль...*), наступившая темнота (*отступить, испугавшись темноты*), пустяк, трудность, угроза и т. д.

Во-вторых, *испуг* не возникает в результате анализа ситуации, а в-третьих, он обязательно проявляется внешне (в поведении, в выражении лица, в речи и т. д.) и с трудом контролируется. Испуг трудно сдерживать и подавить, например, можно сказать: *сдержат страх, преодолеть страх*, – но не говорят: **сдержать испуг, *преодолеть испуг*.

Таким образом, испуг внезапен, он возникает без участия разума, скрыть эти переживания довольно трудно; но при этом он недолог (*Я только сначала испугалась*,

¹ Уточним, что все рассмотренные нами языковые единицы выражения *испуга*, касающиеся речевой активности субъекта, являются устойчивыми и привычными для носителей русского языка и русской культуры.

² См.: Страх 1, боязнь, испуг, ужас 1, паника // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка; 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1109.

потому что очень неожиданно... Н. Дубов «На краю земли»).

В настоящей работе на материале Национального корпуса русского языка языка¹ мы рассмотрим речевые фразеологизмы и междометия, выражающие испуг при помощи речевой формулы *батюшки!*

РЕЧЕВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИСПУГА

Человек, испытывающий испуг, может выражать его с помощью речевого действия, но порой оно выражается без участия голоса, только мыслится, т. е. совершается беззвучно. Здесь мы говорим о так называемой внутренней речи: это речь про себя и для себя, она также определяется как беззвучная речь, как скрытая вербализация. В нашей работе мы используем тексты, в которых междометие *Батюшки!* может употребляться и как фрагмент внутренней речи², и как отрезок звучащей речи. Например: – *Батюшки, пожар!* – подумал я ... (Ф. Шаляпин «Моим детям»); – *Батюшки!* – испуганно подумал Рюхин, – да он и впрямь нормален? (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Речевая реакция испуганного человека выводит нас в область речевых клише, среди которых можно выделить две группы клише-реакций: голосом человек, находящийся под властью негативного чувства, либо «кричит, говорит», либо «зовёт, призывает»³. Кстати говоря, интонация, с которой произносятся такие речевые клише, передаётся с помощью восклицательного знака; но так бывает не всегда, ср.: *Комок земли вывернул, лапу вытянул, а на лапе-то? батюшки мои...* (Э. Шим «Приключения зайца»).

К первой группе относятся первичные междометные реакции человека, испытывающего испуг (*Ай, Ой, Ах*); ко второй

группе – вторичные реакции, т. е. **этимологически** происходящие из вокативов.

Батюшки <мои светы (святые)>! Батюшки, сватушки! Боже!; <О (ах) (>) Боже <ты> <милостивый (правый, праведный)>! <Святая> Дева Мария!; <Ах(>) <ты> Святая Дева Мария! Мама мия! Матушки! Мамочка (-и) моя (-и)! и др.: – Батюшки, убьёт, архангелы, уморит! – завизжала Марья Григорьевна (П. Алешковский «Седьмой чемоданчик»).

Таким образом, мы выделяем две группы речевых реакций, употребляющихся испуганным человеком, являющихся устойчивыми и привычными для носителей русского языка: первичные и вторичные междометия⁴. В последнее время первичные и вторичные междометия, их функционирование в языке рассматривается в работах по сопоставительному анализу [4; 6; 7; 10].

Далее мы подробнее остановимся на группе вторичных междометий, происходящих от вокативов, основным компонентом которых является *отец*, а именно его «ласковый» вариант во множественном числе – *батюшки*.

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДОМЕТΙΑ БАТЮШКИ!

В отличие от простых междометных реакций испуга (*Ой! Ай!*) реакции-клише (*Господи! Мамочка! Мамочки! Батюшки!*) имеют семантическую мотивацию – испуганный человек ищет поддержку у воображаемых защитников и обращается – к Богу, Матери Божьей и другим святым или конкретным лицам – к *отцу, матери*. Интересно отметить случаи, когда обращение к заступнику переходит в молитву: ... *увязая не в раз в сугробы снежные, она не раз вычитывала с ужасом «Батюшки, мои свет-ты! вынеси, самсонова сила, лёгкое перо!..»* (И. Лажечников «Ледяной дом»); *Слышь, как резанул опять Кильмяк? Батюшки-светы, преподобный Прокопий! – молился вслух Арефа, прислушиваясь к заплечной работе* (Д. Мамин-Сибиряк «Охоины брови»).

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 10.05.2019).

² Более подробно о внутренней речи – см. [3].

³ См.: Голос // Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. С. 431.

⁴ Более подробно о первичных и вторичных междометных реакциях – см. [8].

В летописях мы изначально находим слово батя, далее обнаруживаем, что в русском языке XI–XVII вв. отца именуют батя¹, но первая его словарная фиксация – в «Словаре Академии Российской» – уже даётся с пометой «просторечное, простонародное»²; самые ранние примеры мы можем найти в летописях начиная с XII в.: река тако. ѿдаваеъ ти бата черниговъ а съ мною въ любви поживи (Киевская летопись³).

В дальнейшем появляется ласковое батюшка (у которого отсутствует помета «просторечное» как раньше, так и сейчас) – батюшка зафиксировано в деловых актах московского государства за 1619 г.⁴; в XVIII в. слово батюшка «уже не редкость»⁵:

Тогда к нему пришёл

От батюшки послал

И говорит: «Отец совсем твой умирает,

С тобой проститься он желает

И приказал к себе просить»

(И. Крылов «Стыдливый игрок», 1788).

В словаре русского языка XVIII в. находим толкование этого слова, а также то, что батюшка выступает не только в значении 'один из родителей мужского пола', но и как обращение к постороннему мужского пола⁶, и почтительное обра-

ние к священнику⁷, а также к человеку / государственному деятелю высокого статуса / ранга, от которого ждут заступничества, покровительства, и где предполагается заботливое отношение (отеческое): барин-батюшка, царь-батюшка, губернатор-батюшка. Таким образом, «говорящий метафорически распространяет модель семьи на весь мир» [5, с. 110].

Подчеркнём, что возникает обратная ситуация: «старший по чину или званию говорит иногда младшему батюшка, давая понять, что снисходит к нему, но что они, впрочем, не ровни»⁸.

Подытожим сказанное: батюшка – это и Бог, и царь, и духовник, и крёстный, и родитель, и учтивое обращение к постороннему собеседнику. Сейчас это слово сохраняет указанные выше значения, но в значении 'отец' оно даётся с пометой «устарелое» и «почтительное»⁹, в настоящее время возрастает частотность¹⁰ у слова в качестве «вежливого обращения к священнику»¹¹; как форма «ласково-фамильярного обращения к собеседнику»¹² также сохраняется, но ограниченно – при-

русском разговорном этикете ... допускается обращение к незнакомому человеку с помощью термина родства – *мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, дядя, тётя, внучок, внучка, братец/браток, сюда же отнесём матушка, батюшка* – все они «совмещают в себе фамильярность вместе с особой теплотой» [5, с. 110]. См. также: [1; 2].

⁷ См.: Батюшка, батюшко [Электронный ресурс] // Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 1 (А-Безпристрастие): [сайт]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ См.: Батя // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. С. 55.

⁹ См.: Батюшка // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985. С. 65.

¹⁰ См.: Батюшка // Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 02.05.2019).

¹¹ Толковый словарь Ушакова / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 02.03.2019).

¹² Там же.

¹ См.: Батя // Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1 (А–Б) / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1975. С. 80.

² См.: Батюшки // Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10107/#page/119/mode/1up> (дата обращения: 14.02.2019).

³ Киевская летопись – летопись за 1119–1199 гг. в составе Ипатьевского списка первой четверти XV в. опубликована в изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись (См.: Ипатьевская летопись [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004161787#?page=101> (дата обращения: 05.04.2019)).

⁴ См.: Батюшко, батюшка // Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 1 (А–Б) / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1975. С. 80.

⁵ См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=chernykh> (дата обращения: 10.02.2019).

⁶ В своей книге М. Кронгауз развенчивает миф о том, то в русском языке нет слов-обращений (в действительности нет нейтрального обращения): «... в

надлежит к разговорному жанру¹; кроме того, фиксируется существовавшее ранее значение 'о чём-л. дорогом, жизненно важном' (*хлеб-батюшка*) с пометой «народно-поэтическое»². *Батя* тоже существует как «отец» или «священник», но с указанием – «просторечное, фамильярное» и помечается как «устаревшее»³. Приведём примеры современного употребления:

Но сколько раз в дороге дальней

Я повторю – как лёг, как встал, –

И всё теплей и благодарней

Два слова: – Батюшка Урал...

(А. Твардовский «Две кузницы»);

Хромую кошку, бездомного щенка. Всех называла «батюшка». Анна Давыдовна – первая встреченная мной санитарка, которая любила – по-настоящему! – свою работу (И. Грекова «Перелом»); *Батюшка ходит и окропляет их святой водой – для пропитания тела и преображения души* (В. Дашкова, Месяц трёх спасов); *Вслед за этим батюшка-губернатор собственноручно подписал указ о принятии программы по очистке и благоустройству Омска...* (Омский мусорный абзац (2003) // Криминальная хроника).

Таким образом, все указанные значения сохраняются и в настоящее время, но как «уходящие»⁴, кроме значения 'православ-

ный священник', которое всё активнее употребляется в современных условиях.

Что касается вторичного междометия *Батюшки!*, то мы найдём его во всех современных словарях русского языка (начиная со словаря XVIII в.): данное слово используется для выражения изумления, радости, испуга и возмущения в следующих сочетаниях в качестве междометия: *Батюшки*⁵; *Батюшки мои*⁶; *Батюшки-светы*⁷; *Батюшки мои, светы*⁸; *Батюшки, сватушки*⁹; *Батюшки святы*¹⁰; большинство исследователей сопровождает их пометами: *Батюшки (мои)!* («разговорное») и *батюшки светы!* («устарелое и просторечное») ¹¹.

Если обратиться к литературным текстам, то находим *батюшка* / *батюшки* в качестве междометия для выражения эмоциональных состояний, в том числе и испуга:

Мужик метаться и кричать: «Ой! батюшки, тону! тону!» (И. Хемницер «Друзья», 1782);

Я так подумал и очнулся, Из Талыжни черпнул воды, Умылся, проглянул, встряхнулся, Аи, батюшки, беды, беды! (Н. Львов «Фортуна», 1797).

славянской культуры, 2014. С. 168.

⁵ См.: Батюшки // Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 1 (А–Безпристрастие): [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0/slov.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

⁶ См.: Батюшки мои! // Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/11646/Батюшки> (дата обращения: 02.05.2019)

⁷ См.: Батюшка // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=батюшка+&all=x> (дата обращения: 02.04.2019)

⁸ См.: Батюшки мои, светы! // Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи / В. Ю. Меликян. М.: Флинта: Наука, 2001. С. 53.

⁹ См.: Батюшки // Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Т. 1 (А–М) / А. И. Фёдоров. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. С. 22.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Батюшка // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. С. 38.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985.

² См.: Батюшка // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=батюшка+&all=x> (дата обращения: 02.04.2019).

³ См.: Толковый словарь Ушакова / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 02.03.2019).

Такое обращение актуализируется в последнее время в неофициальном обращении к священнику, который теперь всегда присутствует в армии: «... Новые правила не предписывают, как обращаться к военному священнику и надо ли отдавать ему воинскую честь. Обращение осталось прежним: «батюшка», «отец» (некоторые командиры, у которых сложились хорошие отношения со своими помощниками, называют их «батя»...)» (В. Сокирко. Военных священников оставят в армии на договоре // Известия. 2013.08.22).

⁴ См.: Батюшка // Активный словарь русского языка. Т. 1 (А–Б) / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки

Это самая ранняя его фиксация¹. В начале XIX в. продолжают использовать междометие – мы находим его и у П. Сумарокова (Ах, батюшка!), у А. Грибоедова – у него батюшки выступает в качестве междометия единожды² (при многочисленном использовании единственного числа этого существительного):

Ах! батюшка, ах, ах!

Какой я видел страх!

(П. Сумароков «Ах! батюшка, ах, ах!..», 1808);

Батюшки, мне нужен бенефис!
(А. Грибоедов «Проба интермедии», 1818).

В дальнейшем XIX век активно употребляет *Батюшки!* – множество примеров можно найти в художественных текстах (в том числе в рифмованных текстах) разных авторов:

Ой, господи-светы! Ой, батюшки мои!
Опять выжгут наши слободы! (А. Толстой «Царь Фёдор Иоаннович», 1868);

Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!»
(П. Ершов «Конёк-горбунок», 1834).

Примеры позволяют убедиться в том, что использование междометия *Батюшки!* в литературных текстах этого времени частотно; особенно часто его можно встретить у М. Загоскина:

... – вскричал Алексей, – сорвался... упал в воду! ... Ах, батюшки! ... тонет, сердечный! ... (М. Загоскин «Юрий Милославский, или русские в 1612 году», 1829);

– Небось, братец; мертвецы через дорогу не перебегают, – сказал с улыбкою Рославлев. – Глядь-ка, барин!.. – закричал ямищик, – глядь! вон и огонёк в окне показался – свят, свят!.. Ух, батюшки!.. Ажно мороз по коже подирает!.. Куда это нелёгкая его понесла? (М. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 году», 1829).

Обратившись к словарю языка А. Пушкина, мы обнаружим огромное количество примеров интересующего нас

слова (*батюшка*) и его производные (*батюшкин, батюшкинов*³) и междометие *Батюшки!*:

– Батюшки, беда! – отвечала Василиса Егоровна. – Нижнеозёрная взята сегодня утром (А. Пушкин «Капитанская дочка»); День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику (А. Пушкин «Капитанская дочка»); Андрюха, земский, посадил, вишь, их в колодки – и хочет везти к батюшке-государю (А. Пушкин «Капитанская дочка»); Что касается до 1270, требуемых за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите (А. Пушкин, Переписка 1826–1837).

Если взять словарь языка Ф. Достоевского⁴, то выяснится, что батюшка встречается в значительной степени реже и используется как вокатив, а как междометие совершенно не используется: Я, батюшка, останусь здесь со свечой и буду ловить мгновение (Ф. Достоевский «Братья Карамазовы»); – Да вы, батюшка, чего обижаетесь? – отвечал толстяк, – нечего вам обижаться! (Ф. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»); – А, почтеннейший! Вот и вы ... в наших краях... – начал Порфирий, протянув ему [Раскольникову] обе руки. – Ну, садитесь-ка, батюшка! (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»⁵).

Подводя итоги, можно сказать, что вначале появляется *батя*, потом *батюшка* и затем уже вторичное междометие *батюш-*

³ Сейчас существует только как фамилия (по данным авторов статьи).

⁴ См.: Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Е. Л. Гинзбург и др.; гл. редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. 442 с.

⁵ Постоянное ласковое обращение батюшка Порфирия Петровича к Раскольникову явно характеризует их отношения и делает очевидной игру следователя с преступником в «кошки-мышки»: – Да не беспокойтесь же вы о форме, – перебил Порфирий, с прежнею лукавою усмешкой и как бы даже с наслаждением любуясь Раскольниковым, – я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этап по-дружески! (Ф. Достоевский «Преступление и наказание»).

¹ По данным Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.05.2019)

² См.: Батюшки // Словарь языка А. С. Грибоедова. Том 1. / А. Е. Поляков [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 05.03.2019).

ки, которое относим к разговорному пласту. Ниже мы рассмотрим именно вторичное междометие.

ВТОРИЧНОЕ МЕЖДОМЕТИЕ *БАТЮШКИ!*

Как показывают примеры литературных текстов, междометие употребляется в нескольких формах: *Батюшки (мои)!*, *Батюшки (мои) светы!* (в словарях мы их видим с пометой «разговорное») и *Батюшки святы!* (словари фиксируют как «просторечное»); иногда это междометие осложняется прилагательным (*Батюшки родимые!*); вариант *Батюшки, сватушки!* встречается всё реже (обозначается как «устарелое»).

Стоит упомянуть, что возникают случаи, когда разные чувства имеет сходное выражение, так, по данным русского языка человеческие реакции испуга пересекаются с радостью, восторгом, удивлением, негодованием, возмущением, со стыдом и т. д. И рассматриваемые нами клише с центральным междометием *Батюшки* являются формой выражения разных (в том числе полярных) ситуаций: с одной стороны – испуга, обиды, жалобы, ругани, а с другой – радости, особенно удивления: *Батюшки! как я обрадовался!* как бросился туда, где послышался мне голос... (И. Тургенев, Стук... стук... стук!); – *Что ты, батюшка? Не с ума ли спятил, али хмель вчерашний ещё у тя не прошёл?* (А. Пушкин «Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Гробовщик»); – *Батюшки, что ж это такое? – удивился неподалёку от Дрынова пожилой красноармеец...* (В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»).

Сосуществование испуга-удивления можно частично объяснить этимологической памятью слова *ужас* (один из синонимов группы *страх*) родственен словам «изумление, изумится, поразиться»¹. Но в сферу наших интересов входят только

лингвистические единицы, выражающие испуг.

Любопытно, что иногда междометная реакция соединяется с обращением за спасением к заступникам, порой мы наблюдаем употребление первичных и вторичных междометий в одном тексте: *Боже мой! Батюшки!*; *Ах, батюшки!*; *Ой, батюшки!*; *Батюшки! Угодники!*; *Матушки-батюшки!*; *Батюшки, сватушки!* *Выносите, святые угодники!* и т. д.

Приведём примеры совместного употребления:

– *Ах, ох, батюшки!* – ужасалась старуха. – *Святители-угодники!* (А. Чехов «Моя жизнь»); – *Боже мой! Батюшки!* Он себе шею сломит (А. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского»); Не успела я со двора выехать, как слышу, низок-то подо мною тресь-тресь-тресь. «Ах, – думаю, – батюшки, ведь это я проваливаюсь!» (Н. Лесков «Воительница»); *Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники!* В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! (Н. Гоголь «Ревизор»).

В современном русском языке обнаруживается множество примеров с междометием *батюшки (мои)*: – *Лид, а Лид, – тут Кудинкин заметил разъярённую Трёхдюймовочку, – батюшки, у меня же кипятильник на подоконнике не выключен!* (О. Некрасова «Платит последний»).

Здесь отметим, что, это междометие чаще поизносят женщины, чем мужчины², ср.: – *Батюшки-светы, – пробормотала Таня, – сейчас будет чай. И какие базы он взламывал?* (Т. Устинова «Подруга особого назначения»); ... *мать в одной комбинашке коло окна стоит. Ну, возле то есть. Стоит и ревьт белугой «Ой, батюшки, конец света наступил, ой, батюшки, конец света настал, конец света, конец света!!!»* (Н. Коляда «Мурлин Мурло»).

Как правило, авторы, употребляющие его, – люди среднего возраста. Он не характерен для речи подростков. По меткому замечанию русского писателя Виктора Астафьева, само слово *батюшка*, от которого происхо-

¹ См.: Ужас // Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. С. 151.

² По нашим данным, собранным путём неформального опроса.

дит междометие, «старинное и редкое, будто бульжину с военно-полевой дороги выворотил...» (В. Астафьев «Обертон»).

В художественных текстах, например у «писателей-деревенщиков», это междометие используется для речевого портрета говорящего. Относительно часто оно встречается в произведениях В. Шукшина, ср.: *Утром её вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.* – **Батюшки святые!** – испугалась мать (В. Шукшин «Материнское сердце»).

Словосочетание *батюшки свет* в одном из толковых словарей даётся с пометой «устаревшее и просторечное»¹, подобное видение можно заметить и у сегодняшних авторов, к примеру: **«Батюшки свет!»** – ещё раз повторил про себя Яков Александрович, смакуя это нелепое старушечье выражение, казавшееся вкусным и смешным одновременно (Н. Щерба «Цыганский перстень»). Хотя, честно говоря, «трудно поймать момент ухода» [5, с. 88] слова и пока «лингвисты не умеют фиксировать это довольно условное прочтение слова с языком» [там же, с. 88].

Батюшки! в современном языке, несомненно, представлено.

ГРУППЫ, ОБРАЗУЕМЫЕ МЕЖДОМЕТИЕМ БАТЮШКИ!

Анализ примеров позволяет выявить основные варианты употребления данного междометия. Мы можем выделить несколько контекстов:

I. С другими «страшными» характеристиками страха: *свет в глазах меркнет, небо с овчинку покажется, мороз по коже* и др., например: *Лупите! Режьте! Мерчуткина. Ах, ах... батюшки, в глазах томно! Ах!* (А. Чехов «Юбилей»).

II. В абсолютном употреблении, ср.: **«Батюшки!** Соловей-то как страшно поёт. Цветы-то цветут как жутко...» (П. Крусанов «О природе соответствий»); *На поляне, кое-как освещённое, стояло*

огромное яйцо. Причём безо всякой подставки. – **Батюшки свет!** – охнула бабушка (Л. Петрушевская «Город Света»).

III. Соединение с последующим вопросом (в основном о том, что было и что будет): *Батюшки! Что такое у вас?; Батюшки мои, что же будет теперь?; Батюшки, что же мы будем делать?; Ах батюшки, да что я сделал?; Батюшки мои, что случилось?; Батюшки мои, что ж это? Ах, батюшки-светы! что это? и т. д.*, например: – **Что? Что? Батюшки мои, что случилось?** – раздаётся на печке испуганный нянькин голос (А. Пантелеев «Лёнька Пантелеев»); *Когда Пётр Ефимович умер, его жена в ужасе всплеснула руками и закричала на весь дом:* – **Батюшки! Что мы будем делать-то?** Сироты остались горемычные, – **батюшки!** (М. Горький «Мужик»).

IV. С последующим описанием ситуации: *Ой, батюшки, давят! Ой, голубчики, давят!; Ай, батюшки, лошадь кончается!; О, батюшки, где я?; Батюшки, беда!; Ой, батюшки, до смерти забьют!; Батюшки, вода, вода везде!; Батюшки, он умер; Батюшки свет, мертвецы!; Батюшки, горим!; Ой, батюшки, ослеп я!* и т. д. Приведём несколько примеров: – **Горим! Батюшки, горим!** (М. Дяченко, С. Дяченко «Магам можно всё»); – **Батюшки свет, они стреляют!** – крикнул Саша (М. Баконина «Школа двойников»); *Меня удерживал от падения только меч. Батюшки свет, мертвецы!* (А. Белянин «Свиристый ландграф»).

V. С последующей просьбой-криком-мольбой о помощи, например, *Батюшки родимые, спасите, помогите* и др.: *Схватившись руками за место, где за несколько секунд до этого висел замок, и увидев, что замка нет, женщина диким пронзительным голосом заорала:* – **Батюшки! Милые мои! Караул!** (А. Пантелеев «Лёнька Пантелеев»).

VI. С указанием на источник испуга: *Батюшки, батюшки, помогите!.. Беда... Помогите... Валимся, падаем!; Батюшки! Разбой! Помогите!; Батюшки, помогите, умираю!* и т. д. Приведём примеры сказанному: – **Батюшки, помогите!** – завопил земский. – **Погибаю... помогите!..** (М. Загоскин

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. С. 38.

«Юрий Милославский, или русские в 1612 году»); *Петух страшно перепугался, распустил крылья и заорал благим матом: – Ой, батюшки, убили... живого петуха убили. Караул... Батюшки, батюшки!..* (Д. Мамин-Сибиряк «Упрямый козёл»).

Таким образом, мы смогли выделить несколько разнообразных групп употребления междометия *Батюшки!* в современном русском языке.

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОЛОСА И ПОВЕДЕНИЯ ИСПУГАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Интересно проследить и явные изменения человеческого голоса под воздействием испуга. Человек *ахает, кричит, вскрикивает, голосит, орёт, вопит, визжит, взвизгивает, воет и восклицает*, а его голос бывает *режущим, диким, плачевным, отчаянным, пронзительным, раздражающим душу, истошным, утробным, очень громким*, так что *уши затыкай* – человек кричит что есть сил, во всю глотку, *благим матом, на весь дом, с повторами* – и всё это с целью привлечь внимание и добиться помощи. Или, наоборот, речь его негромка, иногда неясна: субъект *говорит, бормочет, шепчет*.

Необходимо сказать, что речевая активность субъекта, испытывающего испуг, может сопровождаться внешней активностью тела. Так, человека иногда *бежит и кричит, с визгом выбегает* и т. д.; от испуга человек *всплёскивает руками, хлопает ладонями, хватается за сердце или голову, приседает со страху, а также падает на пол, на окружающие предметы – на стул или кому-то на руки* (особенно в предшествующие века), ср.: *Страшный, раздражающий душу вопль вырвался из груди Катерины; она схватила себя за волосы и вдруг бросилась бежать, как сумасшедшая, к улице, не переставая кричать на всю деревню: – Батюшки! парниш-*

ку украли! Спасите, родные! помогите! (Д. Григорович «Переселенцы»).

Для усиления мольбы о помощи обращение к заступникам подкрепляется и мимикой, например, мольбой в глазах¹: – *Батюшки!.. грабят!.. Толпа тотчас же задержала испитого мазурика, который, весь дрожа и приседая от страха, кидал вокруг себя дикие, молящие взгляды* (В. Крестовский «Панургово стадо»).

Интересно, что иногда перед подобным активным поведением субъект может находиться в полной, но недолгой статике, ей на смену приходит *необыкновенная прыткость, осложнённая, как правило, криком* (как было выше указано): *Пьяшка остолбенела; но это продолжалось секунду: каждый её суставчик, каждая жилка получили вдруг прыткость необыкновенную; она выскочила на улицу, потом метнулась к барскому дому, снова вернулась на улицу, прокричала несколько раз сряду «Пожар! Батюшки, пожар! Касатики, пожар!»* (Д. Григорович «Переселенцы»).

Таким образом, испуг находит выражение как в речевой форме, так и в разнообразных поведенческих реакциях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы рассмотрели речевое выражение испуга на материале примеров эмоциональных восклицаний с вторичным междометием *батюшки!*

Мы отметили несколько контекстов употребления междометия *Батюшки!* и коснулись поведенческой формы испуга.

Работа проводилась в русле подготовки исследования, посвящённого анализу вербальных средств, используемых носителем русского языка в ситуации эмоционального переживания.

Статья поступила в редакцию 17.09.19.

¹ О роли симптоматики см. также [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Н. Г. Мужские апеллятивы в мужском дискурсе: образы «своего» // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 371–381.
2. Брагина Н. Г. «Родственные» обращения к неродственникам и принципы их описания // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения: сборник докладов / Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. С. 32–42.
3. Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи [Электронный ресурс] // Флогистон: психология из первых рук : [сайт]. URL: http://flogiston.ru/library/galperin_talk (дата обращения: 01.03.2019).
4. Диневи́ч И. А., Бутакова А. А. Сопоставление междометий как специфической единицы языка в русском и английском языках // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: сборник материалов VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2015. С. 105–110.
5. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
6. Лазухина Л. В. Об исследованиях междометий в русском, английском и казахском языкознании // Современный ученый. 2017. № 3. С. 55–62.
7. Мехраби К. Сопоставительный анализ междометий и звукоподражаний в русском и персидском языках // Преподаватель XXI век. 2016. № 1-2. С. 291–304.
8. Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 296 с.
9. Шаронов И. А. О роли симптоматики в коммуникации. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 9 (18). С. 52–60.
10. Шатилова Л. М., Ануфриева Е. И. Сравнительная характеристика междометий в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). С. 407–410.

REFERENCES

1. Bragina N. G. [Male appellatives in the male discourse: images of “their own”]. In: Arutyunova N. D., chief ed. *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing Discourse]. Moscow, Indrik Publ., 2012. pp. 371–381.
2. Bragina N. G. “Related” addresses to non-relatives and principles of their description]. In: Rozanova N. N., chief ed. *Russkii yazyk segodnya. Vip. 5. Problemy rechevogo obshcheniya: sbornik dokladov* [Russian language today. Issue 5: Problems of verbal communication: a collection of reports]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 32–42.
3. Gal'perin P. Ya. [On the question of inner speech]. In: *In: Flogiston: psikhologiya iz pervykh ruk* [Phlogiston: psychology firsthand]. Available at: http://flogiston.ru/library/galperin_talk (accessed: 01.03.2019).
4. Dinevich I. A., Butakova A. A. [Comparison of interjections as a specific unit of language in Russian and English]. In: *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom prostranstve: sbornik materialov VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii shkol'nikov, studentov i aspirantov* [Language and intercultural communication in the modern information space: a collection of materials of the 6th All-Russian scientific conference of schoolchildren, students and graduate students]. Kursk, The Southwest State University Publ., 2015. pp. 105–110.
5. Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. M.: Znak, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 232 p.
6. Lazukhina L. V. [On the studies of interjections in Russian, English and Kazakh linguistics]. In: *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist], 2017, no. 3, pp. 55–62.
7. Mekhrabi K. [Comparative analysis of interjections and onomatopoeia in Russian and Persian languages]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century], 2016, no. 1-2, pp. 291–304.
8. Sharonov I. A. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjections in speech, text, and dictionary]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2008. 296 p.
9. Sharonov I. A. [On the Role of Symptomatology in Communication]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2016, no. 9 (18), pp. 52–60.
10. Shatilova L. M., Anufrieva E. I. [Comparative characteristic of Russian and German interjections]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2018, no. 8-2 (86), pp. 407–410.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брагина Наталья Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: natasha_bragina@mail.ru

Рябова Юлия Андреевна – старший педагог Центра обучения русскому как иностранному, Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

e-mail: YuARyabova@pushkin.institute

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya G. Bragina – Doctor of Philological Science, Professor at the Department of Language Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute; Professor at the Department of Russian language, Russian State University for the Humanities;

e-mail: natasha_bragina@mail.ru

Yulia A. Ryabova – senior lecturer at the Centre for Teaching Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute;

e-mail: YuARyabova@pushkin.institute

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Брагина Н. Г., Рябова Ю. А. *Батюшки!* Опыт лингво-прагматического описания междометия *испуга* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 15–25.

DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-15-25

FOR CITATION

Bragina N. G., Ryabova Yu. A. *Batyushki!* The Experience of the Linguo-pragmatic Description of the Interjection of *Fright*. Addresser and addressee of business discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 15–25.

DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-15-25

УДК 81'37:81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-26-36

ВВодно-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ПРОБЛЕМА ИХ ТЕКСТОВОЙ СЕМАНТИКИ

Девятова Н. М.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Выявить и описать дискурсивную семантику модального слова *вообще*, его роль в организации точки зрения текста.

Процедура и методы исследования. Автором проанализирован корпус текстов, включающих в свой состав модальное слово *вообще*, сделаны наблюдения о зависимости дискурсивной семантики от позиции в предложении, выявлены модусные смыслы единицы в разных её употреблениях.

Результаты проведённого исследования. Представлены различия модальной частицы и вводно-модального слова. Во всех своих употреблениях *вообще* передаёт оценку. Каждое, выступая как средство связи – частица и вводно-модальное слово, – соединяет и обобщает разные смыслы. Выявлена модусная специфика частицы, аккумулирующей такие смыслы, как близость к порогу нормы – предельность, обычность, повторяемость. Вводное слово имеет свои особенности. Оно обобщает предшествующий контекст, смягчает смысл сообщения, предупреждая, что говорящий не придаёт особой значимости выделяемой информации.

Теоретическая / практическая значимость. Заключается в выявлении дискурсивной семантики модального слова *вообще*, формируемой условиями текстового употребления. Показана связь разных употреблений *вообще* с внутренней или внешней точкой зрения. Представлены модусные особенности частицы и вводно-модального слова.

Ключевые слова: модус, дискурсивная семантика, точка зрения, вводно-модальное слово

INTRODUCTORY-MODAL WORDS AND THE PROBLEM OF THEIR TEXT SEMANTICS

N. Devyatova*Moscow City Pedagogical University**4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi pr., Moscow 129226, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The article deals with the discursive semantics of the modal word *вообще* and its role in the formation of the text's point of view.

Methodology and Approach. The author analyzes the corpus of texts that include the modal word *вообще*, makes observations about the dependence of discursive semantics on the position in a sentence, and reveals modal meanings of the unit in its different uses.

Results. The article presents differences between the modal particle and the introductory modal word. In all its uses, *вообще* gives an assessment. Each, acting as a means of communication, a particle and an introductory modal word, combines and generalizes different meanings. The work demonstrates the modus specificity of a particle accumulating the meanings of the proximity to the threshold of the norm – commonness, conventionality, repeatability. The introductory word has its characteristics. It generalizes the previous context, softens the meaning of the message, warns that the speaker does not attach particular importance to the information.

Theoretical and Practical Implications. Implications relate to the identification of the discursive semantics of the modal word *вообще* formed by the conditions of text use. The connection of different uses *вообще* with an internal or external point of view is shown. The modus features of the particle and the introductory modal word are presented.

Keywords: modus, discursive semantics, point of view, introductory-modal word

© СС ВУ Девятова Н. М., 2020.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование вводно-модальных слов лежит в русле тенденций современной антропоцентрической лингвистики.

Вводно-модальные слова привлекают внимание исследователей в связи с изучением категории модальности – разных проявлений говорящего в языке [7; 9; 10]. В первую очередь речь может идти о проблеме модуса предложения и текста. Кроме того, вводно-модальные слова выступают и как средство текстовой связи [3]. В семантике вводно-модальных слов могут находить отражение обе семантические составляющие – особое модусное значение и значение, возникающее как результат взаимодействия единиц в тексте.

Вводно-модальные слова связаны с такой сферой модальности, как отношение говорящего к высказыванию, и справедливо считаются одним из средств выражения этой категории.

Один из уровней многослойной семантики вводно-модальных слов – модусная семантика, отражающая специфику проявления точки зрения говорящего или другого модусного субъекта.

Другой слой семантики определяется отношениями вводно-модального слова с окружающим контекстом. Вводные слова встраиваются в текст и включаются в систему точек зрения текста. Это может быть точка зрения субъекта, названного в основной конструкции, либо другая точка зрения. Здесь могут отражаться и отношения автора и адресата [6].

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей статье ставится цель выявить антропоцентрическую специфику одной из модальных единиц – *вообще* и её разных вариантов, показать их роль в тексте, описать их текстовую семантику. Вариантами единицы мы считаем разные её употребления, различающиеся позицией в предложении. Включаясь в текст, вводные слова выполняют связующую функцию, выделяют отдельные смысловые

части предложения и текста, «наполняются» текстовой семантикой.

Материал исследования составили варианты вводно-модального слова *вообще*, входящие в состав предложений и текстовых фрагментов. Материал исследования составляют извлечённые методом сплошной выборки примеры предложений и текстовых фрагментов, включающие *вообще*. Преимущественно материал составили художественные тексты, а также данные Национального корпуса русского языка.

Для исследования модусной специфики и текстовой семантики *вообще* используются общенаучные методы: наблюдение, описание, обобщение, методика семантического и синтаксического анализа.

ВВОДНО-МОДАЛЬНОЕ СЛОВО *ВООБЩЕ* И ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЕГО МОДУСНОЙ СЕМАНТИКИ

О проблеме модальности существует богатая литература [2; 7; 8; 13; 14], однако, несмотря на значительный интерес к проблеме, многие её аспекты оказываются не до конца изученными. Это касается семантики отдельных вводно-модальных слов, специфики их модусного значения, особенностей текстовой семантики.

Модус – это одна из частей высказывания, выделяемая наряду с диктумом. Если диктум представляет объективное содержание предложения, то модус – отражение точки зрения говорящего. О связи вводно-модальных слов с категорией модальности и модуса одним из первых писал швейцарский учёный Ш. Балли, выделявший модус как отдельную часть высказывания [2, с. 47]. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова рассматривают модус как особую пропозицию, «модусное событие» [16, с. 36].

В русской лингвистике пристальный интерес к вводно-модальным словам связан с работами В. В. Виноградова, определившего такие направления исследования вводных слов, как их происхождение, место в системе частей речи, отношение к категории модальности, связь с определёнными частями предложения [7]. В. В. Виноградов

очертил границы этого класса слов и представил их классификацию.

Выделяемые В. В. Виноградовым вводные слова так или иначе связаны с проблемой модуса. Связь одних вводных слов очевидная. Это вводные слова, «1) содержащие оценку степени достоверности сообщения; 2) вводные слова, выражающие эмоциональную оценку, 3) вводные слова, указывающие на источник сообщения»¹. Связь других вводно-модальных слов с модусом не всегда прямая. Это касается и исследуемой в настоящей работе единицы *вообще*. В существующих классификациях они обычно включаются в состав единиц, указывающих на отношения между частями высказывания². В зависимости от позиции в предложении *вообще* выступает то как вводное слово, то как частица. Во всех употреблениях мы будем считать *вообще* целостной единицей, а разные её употребления – вариантами одной единицы.

Необходимость различать частицу и вводное слово диктуется потребностями пунктуации. Однако проблема семантических особенностей разных вариантов единицы не связана напрямую с проблемой пунктуации. Наш материал позволяет говорить о преобладании частицы. Вводно-модальное слово не имеет особой позиции в предложении, поэтому граница между вводным словом и частицей не всегда очевидная. Чаще вводное слово можно встретить в начале предложения, оно имеет и особую интонацию. Можно говорить и об особой семантике вводного слова.

Включаясь в текст, вводные слова выполняют связующую функцию, выделяют отдельные смысловые части предложения и текста, «наполняются» текстовой семантикой.

Анализируя проблематику изучения частиц в исследованиях 80-х годов, И. М. Кобозева отмечает внимание к их прагматическим функциям, отражающим

«связь с фигурой говорящего, коммуникативной организацией высказывания» [12, с. 147]. Е. Г. Борисова говорит о коммуникативном компоненте их лексического значения, выявляемого как часть их текстовой семантики, отражающей связь частицы с коммуникативной организацией высказывания [6]. О разных проявлениях фигуры говорящего при анализе семантики союзов пишет Е. В. Урысон [15].

В современной лингвистике единицы, семантика которых формируется текстом, или дискурсом, получили название дискурсивных слов. Такие слова «обеспечивают связность текста <...> выражают истинностные и этические оценки, presupпозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч.» [4, с. 7]. Их влияние, как замечают авторы, может распространяться на контекст больший, чем пропозиция. К дискурсивным словам относят не только вводно-модальные слова, но и многие союзы, частицы, наречия и др.

Семантика отдельных вводно-модальных слов в работах Е. С. Яковлевой [17], Е. Р. Ионесян [11] описывается как особое отношение диктума и модуса. Исследуя отдельные модальные слова, выражающие уверенность / неуверенность говорящего, авторы отмечают отражение в семантике вводных слов разного опыта контакта говорящего с ситуацией. Мнение говорящего о ситуации может быть основано, по мнению авторов, на прямом или опосредованном контакте с ситуацией, а также на отсутствии такового. В нашей работе, где исследуется семантика вводного слова *похоже*, значение единицы объясняется комплексом признаков, на которых базируется единство и целостность единицы *похоже* [9].

Вводно-модальное слово *вообще* обладает сложной семантикой, что объясняет внимание к нему в работах [1; 8].

Наше исследование *вообще* также лежит в русле антропоцентрической лингвистики и призвано выявить в них особое проявление интенций говорящего. *Вообще* – частотная единица, употребляющаяся в

¹ Светлышева В. Н., Лещенко В. Л., Воителева Т. М. и др. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы: Орфография и пунктуация. М.: Просвещение, 1997. 240 с. С. 188.

² Там же, с. 188.

разных позициях, с чем связано и богатство выражаемых ими смыслов.

Вообще и вводно-модальные единицы этого корня словообразовательно связаны с прилагательным *общий* и в разной мере «наследуют» этот смысл.

Идея «общности» подчёркивается и в словарных толкованиях. Приведём пример словарной статьи *вообще* Толкового словаря С. И. Ожегова:

«Вообще, нареч. 1. В общем, в большей части случаев. *Вообще это верно*. 2. Всегда, при всех условиях (разг.) *Этот человек вообще необщителен*. 3. Взяв в целом, в общем, обобщая. *Я говорю о людях вообще, а не о тебе*. 4. Употр. (обычно в сочетании с союзом) при выделении или противопоставлении. *С ним спорят, а вообще-то (но вообще) он прав. Вообще он чужак, но с ним интересно. = И вообще (разг.)* – употр. при присоединении предложения (или его части), выражающего мысль, более общую по сравнению с предыдущим. *Он гулял, купался и вообще отдыхал. Ты не спал и вообще нездоров*»¹.

Разные значения представляют интерпретацию отдельных примеров и подаются недифференцированно, без учёта контекста. В толковании семантики не находит отражения антропоцентризм единицы. Н. В. Гатинская [8] выявляет богатство смыслов, однако не связывает это с позицией единицы и её текстовой функцией.

Текстовый материал показывает, что значение единицы существенно меняется в зависимости от положения в предложении и тексте, употребляется ли единица в начале предложения, при сказуемом или другом слове предложения, является ли она частицей или вводным словом. Каждое из употреблений *вообще* отражает и разные отношения с ближайшим контекстом.

Выступая как средство связи предложений и частей внутри предложения, эти единицы уникальным образом соединяют смыслы объективные (диктумные) и смыс-

лы субъективные (модусные) – представления говорящего об отражённых реалиях.

Как вводное слово, *вообще* чаще встречается в начале предложения, частица обычно употребляется внутри предложения, выделяя слово, при котором стоит. Однако границу между модальным словом и частицей провести трудно. Для этого важно учитывать не только позицию единицы, но и её особый смысл [5].

Мы рассмотрим разные позиции с целью показать, как изменяется значение при изменении положения единицы в предложении.

ВАРИАНТЫ ЕДИНИЦЫ: МОДУСНАЯ СПЕЦИФИКА И ТЕКСТОВАЯ СЕМАНТИКА

Анализ единицы *вообще* начнём с позиции перед сказуемым. В таком контексте *вообще* выступает как частица. Сказуемое может стоять в отрицательной или утвердительной форме. При отрицательном сказуемом частица *вообще* часто акцентирует смысл ‘никогда’. Например: *Возвращались они поздно; после очередного концерта Лора делала томные глаза и говорила, что ей надо немного пройтись, всё это «переварить», но никогда не предлагала свекрови остаться на ночь. Она вообще не любила причинять себе неудобства* (М. Метлицкая).

Семантическая связь с предшествующим контекстом проявляется как связь частного и общего: не предлагать свекрови остаться на ночь, представленное как повторяющееся, обычное действие, даёт основание говорящему сделать вывод: не любила причинять себе неудобства. Интерпретация действий персонажа принадлежит автору и связана с оценкой ситуации.

Н. В. Гатинская в семантике частицы выделяет семы ‘всеобщности’ и ‘категоричности’, «по-разному реализующееся в функциональных вариантах этой единицы» [8, с. 122]. Н. Д. Арутюнова, анализируя дискурс, куда входит *вообще*, отмечает такие его свойства, как «соответствие или несоответствие частного случая общему

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. 917 с.

правилу <...> распределённость частного и общего суждения по общим собеседникам» [1, с. 826].

Вообще выступает здесь как средство, через которое выражается оценка говорящего. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «*вообще* в таких контекстах движет мысль к пределу от ненормативного положения вещей к экстремальному» [1, с. 829].

Оценка, в зависимости от ситуации, может быть отрицательной или положительной, принадлежать лицу, совпадающему или не совпадающему с субъектом диктума.

Характер оценки зависит от семантики слова, при котором употребляется частица, а также от того, кому она принадлежит. Например: *В группе, где учился брат, были дети из самых культурных польских семей города. Так или иначе, ни ему, ни его двоюродному брату не приходилось драться, защищая своё достоинство. Даниэль вообще не дрался – это было не в его характере* (Л. Улицкая). Без *вообще* неактуализированным оказывается и смысл 'никогда', и сама оценка. Здесь оценка внешняя и принадлежит не тому лицу, которое названо подлежащим. Оценка положительная, однако и здесь выражается выход за пределы нормы: обычно дети дерутся.

Субъектом оценки может быть участник действия, как в следующем примере: *Нас вообще не пеленали, Мы росли просторно и легко* (Б. Слуцкий). Оценка действия *пеленать* принадлежит субъекту, названному местоимением первого лица. Оценка, в данном случае оценка положительная, связана с положительным результатом действия.

Оценка может опираться на такой смысл, как 'нисколько'. Например: *И всё это вот здесь вот, и я не могу сказать, каким именно образом это влияет на мою жизнь, я ведь об этом постоянно не думаю, я об этом вообще не думаю, просто я об этом сейчас говорю* (Е. Гришкова). По отношению к представляемой ситуации *никогда, нисколько не думаю* было неактуально до определённого времени. При обычном порядке вещей человек думает об этом. *Вообще* выражает движение

в сторону от нормы, и на этом базируется оценка. Или: *Другой ямщик, сидевший в одних санях с советчиком, ничего не говорил Игнашке и вообще не вмешивался в это дело* (Л. Н. Толстой). Скрытые диктумные смыслы – это 'нисколько, ни в коей мере'. Оценка, принадлежащая внешнему субъекту, отрицательная. Скрытый смысл – 'мог бы вмешиваться'; то, что 'не вмешивался ни на грамм', может определённым образом влиять на ситуацию. И этот результат ситуации становится предметом оценки.

Вообще может включаться в контекст, где противопоставленными оказываются разные точки зрения. Например: *Теперь с берегов Балтийского моря слышны утверждения, что это положение вроде бы носит формальный характер и ни к чему не обязывает, и вообще не касается Латвии и Эстонии* (НКРЯ¹). Здесь *вообще* входит в контекст, где противопоставляются две точки зрения. Одна из точек зрения представлена как *слышны утверждения*. Эта точка зрения подвергается оценке, и это выражается при помощи частицы *вроде бы*, с помощью которой говорящий признаёт эту точку зрения ложной, и поддерживается неопределённым значением субъекта при предикате *слышны утверждения*. *Вообще* представляет пересечение точек зрения. Без этой частицы высказывание можно было бы приписать неназванному субъекту речи. Частица переводит оценку в другой субъектный план – это уже оценка говорящего субъекта. Оценка относится к утверждениям неназванного субъекта: те, кто считают, что это не касается Латвии и Эстонии, не правы. Говорящий же считает, что названное положение вещей касается Латвии и Эстонии, и поэтому высказанное мнение признаётся говорящим ошибочным.

Сопоставляться могут разные точки зрения одного персонажа. Например: *Её сознание никогда не заглядывало дальше поцелуя и свадебного букета. Да она, оказывается, вообще ни о чём не подумала*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25. 09. 2019).

серьёзно (Т. Веденская). Здесь противопоставляются две позиции одного субъекта – позиция я-настоящего и я-вчерашнего. *Вообще* оформляет определённый вывод субъекта модуса. Предмет оценки – мнение говорящего о ситуации. Соответствующее положение вещей может влиять на дальнейшее развитие ситуации.

Чаше в предложении или тексте выражается внешняя точка зрения. Это точка зрения субъекта, обычно не совпадающего с субъектом диктума. Об этом говорят многие приведённые выше примеры. Оценка выявляет и обобщает такие смыслы, как ‘никогда’, ‘нисколько’, ‘ни в какой мере’. Помимо актуализации определённых смыслов и оценки *вообще* усиливает и актуализирует смысл глагола. О роли отдельных частиц в акцентировании внимания на отдельном фрагменте текста пишет Е. Г. Борисова [6].

Вообще может включаться в контекст, организованный внутренней точкой зрения – точкой зрения субъекта диктума, названного в предложении. Например: *Ольга Петровна продолжала сидеть. Подняться со стула не было сил. Не было сил подумать. Не было сил всё это осознать, перемолоть, прокрутить в гудящей и пустой голове. Вообще не было сил. Жить не было сил* (М. Метлицкая). Приведённый контекст – один из типичных контекстов *вообще* + глагол с отрицанием. *Вообще* обобщает предшествующий контекст и, находясь в конечной позиции, поддерживает градацию смысла. Перечисляемые действия оцениваются отрицательно. *Вообще* осмысливает предыдущую ситуацию, обобщает её и усиливает оценку.

О внутренней точке зрения речь идёт и тогда, когда называются внутренние состояния, размышления персонажа. Например: *Я мешаю тебе отдыхать по вечерам. На самом деле я вообще не знаю, где ты отдыхаешь по вечерам. И по утрам. И днём* (Т. Веденская). Здесь можно восстановить целую цепочку модусных смыслов: Ты говоришь, что я мешаю тебе отдыхать. Я не интересовалась тем, как ты отдыхаешь. Я не знаю, как ты это делаешь. Мне странно,

что ты об этом говоришь. Твоё мнение я считаю неправильным. Мне это не нравится. Предмет оценки – твоё мнение о моём отношении к ситуации. Оценка, выражаемая в приведённом примере, скорее, оценка отрицательная. В примере представлены две точки зрения. Помимо целого спектра модусных смыслов *вообще* вместе с другой частицей *на самом деле* выполняет и связующую функцию.

Вообще часто встречается и при утвердительном сказуемом и выделяет группу сказуемого. Как и в ситуации с отрицательным сказуемым, *вообще* может включаться в контекст, передающий определённую последовательность и подчёркивающий градацию смысла: Например: – *Ты бы зашёл сегодня, – ласково улыбалась она оперуполномоченному, – у меня столько всего с праздников осталось: и шампанское, и водка. Про закуску вообще не говорю. Посидим, как в былые времена* (Е. Островская). (То есть закуски очень много, и это имеет особое значение для описываемой ситуации.)

Включаясь в определённую последовательность, *вообще* помещается перед последним членом этой последовательности, усиливая смысл выделенного компонента. Самый сильный член ряда для говорящего – последний. Например: *Реагируют по-разному: кто-то впадает в депрессию, кто-то пытается приспособиться и найти своё место в новом и непривычном мире (жена рассказчика Катя), наконец люди постарше (тёща – бабушка Феня) вообще ведут себя, словно бы ничего не случилось* (НКРЯ)¹; *А с мотивацией у нас не очень, вернее, никак. Ни кофе, ни пиццы. Может, без пиццы он и палец о палец не ударит? Уткнулся в монитор, занимается своими делишками и плевать ему с высокой колокольни на пропавшую Кристину. А может, и вообще спать улёгся* (И. Грин).

Отношения внутри последовательности могут быть отношениями частное – общее: *Маленький Шурка кривился и начинал пиццать, а отец громко и раскатисто смеял-*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25. 09. 2019).

ся. Он вообще был человеком громким, его отец (М. Метлицкая). Обобщение делается на основании действия смеялся и других (здесь о них не говорится, но они подразумеваются).

Контекст может выражать обратные отношения «общее – частное». Частица может находиться при компоненте с частным значением: Они всё-таки поженятся. И, кажется, его семья приняла их не так же плохо. Отцы вообще подружились на почве артритов, вот ведь чудеса (Т. Веденская). О роде Арсеневых, о его происхождении мне почти ничего не известно. Что мы вообще знаем! Я знаю только то, что в Гербовнике род наш отнесён к тем, «происхождение коих теряется во мраке времён» (И. Бунин).

Вообще отражает диалогичность текста, определённое соотношение внутренней (точки зрения субъекта диктума) и внешней (говорящего) точки зрения. Например: *Разговор (точнее сказать, монолог) перекинулся на личную жизнь. Роза поведала, что она не замужем (многозначительный взгляд на Ивана Дмитриевича), бездетная и вообще человек лёгкий и простой* (Н. Нестерова). Вообще отражает оценку субъекта диктума – Розы, однако здесь находит проявление и другая оценка – оценка говорящего, который не готов присоединиться к выраженной оценке. Говорящий делает вывод из ситуации, обобщает её и как бы предупреждает, что разговор об этом закончен.

Отношения «общее – частное» выражаются и фразеологизмами *вообще* и *в частности*. Например: *Несомненно, что в задачи лингвистики входит изучение процессов речетворчества вообще и в частности в области словоупотребления* (Л. В. Щерба); *Лиза слушала вполуха, сплетни вообще и в частности мало её интересовали, но перекрыть поток Петиного тусовочного сознания было практически невозможно* (НКРЯ)¹. Вывод, обобщение может оформляться присоединительной конструкцией и *вообще*, да и *вообще*. Например: *Жена Зоя*

ждала отъезда как соловей лета. Америка вернёт ей мужа. В заграничных командировках семья обычно спланивается. К тому же хотелось хорошо пожить в другом климате, вкусно покушать, поправить своё материальное положение. Привезти кое-что на продажу, заработать. И вообще... Америка – это Вавилон, который всё поглотит и переварит (В. Токарева); *Феликс уговаривал себя не скучать без книг здесь, в деревне. Ведь это ненадолго, думал он, ведь к осени они вернутся домой. И всё равно скучал, конечно. Особенно по deduшкиным книгам – по энциклопедии Брокгауза и Ефрона, которую интересно было читать из-за «ятей» и «еров», да и вообще интересно было читать* (А. Берсенева). В таких конструкциях позиция говорящего обозначается следующим образом: он предупреждает, что готов закрыть тему, при этом сигнализирует, что «снижает» значение сказанного и пафос высказывания.

Вводное слово по функции и выражаемому смыслу близко к присоединительным конструкциям. Вообще и здесь оформляет определённый вывод, при этом говорящий снижает пафос речи, как бы намеренно сообщает, что сам он не придаёт сообщению слишком большого значения. Например: *Пару раз он попробовал начать с Зоей разговор об отъезде. Она отвечала коротко и твёрдо: – Я тебя очень прошу, не надо об этом. Ну, разве нам с тобой плохо? И вообще – зачем напрягать детей?* (М. Метлицкая). Говорящий выражает своё отношение к ситуации и считает, что разговор закончен, потому что он не переменит свою точку зрения. Или: *Да и замуж он позвал её так, для проформы – знал, что не согласится. Лида была в этом уверена на сто процентов. Нет, конечно, она ему страшно благодарна и вообще. Но ... пусть бы он там и оставался, в своём Трубеже!* (Е. Перова). Всё хорошо, но для говорящего ситуация уже не имеет большого значения. Говоря так, говорящий хочет завершить тему разговора. Или: *– А что, она тебе так активно не нравится? – вдруг спросила Ольга Петровна. – Нравится – не нравится, какая разница, если ненадолго. А*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 25. 09. 2019).

вообще, конечно, – она чуть нагнулась и заговорила шёпотом, – если честно, не очень нравится, мам! (М. Метлицкая).

Вывод, обобщение является более чётким, когда вообще стоит в начале предложения. Например: *И что с ним будет, если Волков уедет туда один, как собирался нынче утром? И вообще – что дальше будет с ними, с их жизнью, которая когда-то была такой прекрасной?* (Т. Устинова).

Вводное слово вообще не только чаще занимает позицию в начале предложения и отличается особой интонацией, оно выражает и свой уникальный смысл. Как и другие варианты, вводное слово также содержит скрытую оценку. Говорящий завершает тему и как будто предупреждает, что он не придаёт особого значения тому, о чём он скажет, что это содержание не представляет для него и для слушателя большого интереса. Например: *Так есть ли содержательная составляющая в нынешнем правительственном кризисе? Вообще, я думаю, что вот эта склока между премьером и министрами экономического блока к реальной жизни имеет мало отношения, а потому, по большому счёту, неинтересна* (НКРЯ)¹; *Поиски истоков славянства и развития праславянского языка были начаты лингвистами в XIX веке. Вообще, язык – надёжный признак этнической общности, однако лингвистика изучает глоттогенез, а он далеко не тождествен этногенезу* (НКРЯ)². В приведённом примере вводное слово выступает как средство связи, при этом вводит в высказывание точку зрения говорящего. Говорящий и здесь подводит итог сказанному, при этом он намеренно снижает ценность собственной мысли, говоря как будто между прочим. Или: *А глаза у него были красивые! Вернее, даже не глаза, а ресницы, длинные и пушистые, как у девочки. Вообще, внешность у Максима была ничего, вполне фигура складная, лицо*

открытое, и ресницы эти... Разве что уши подкачали: до сих пор торчат в стороны широкими лопушками (А. Берсенева).

Посмотрим, как может меняться модусное содержание высказывания в зависимости от изменения места дискурсивной единицы. Ср.: *Я вообще не люблю математику* ('это в принципе невозможно, и это выводит моё отношение за пределы нормы, поскольку оно находится за порогом нормы'); *Я вообще люблю математику* ('люблю при любых условиях, такое отношение также находится за порогом нормы'); *Вообще, я не люблю математику* (так говорящий выражает своё отношение к предмету, при этом сообщает об этом между прочим, не придавая особого значения сообщаемому и не считая соответствующее отношение к предмету значимым).

Попробуем повторить эксперимент на одном из приведённых выше авторском примере и посмотрим, зависит ли возможность трансформации высказывания от его содержания. Ср.: *Он вообще был человеком громким, его отец; Вообще, он был человеком громким*. Фраза допустила изменение порядка слов, однако в таком виде она не могла бы встроиться в приведённый контекст. Связь предыдущего и последующего фрагмента здесь могла бы осуществляться на других основаниях. Приводимое содержание говорящий оценивает как не стоящее особого внимания, «принижает» содержание и как будто предупреждает, что он готов завершить тему разговора.

ВЫВОДЫ

Итак, семантика дискурсивного слова вообще зависит от контекста его употребления. Мы говорили о типичных контекстах единицы, выделяя особенно позицию перед утвердительным и отрицательным сказуемым. Анализ показал, что в разных синтаксических позициях семантика единицы существенно различается. Специфика единицы определяется модусной составляющей значения. Во всех употреблениях неизменным остаётся оценочное значение, при этом предметом оценки может быть

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 25.09.2019).

² Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 25.09.2019).

разное содержание. *Вообще* определённым образом обобщает ситуацию, что особенно ярко проявляется при выражении градационных отношений, когда *вообще* стоит при последнем компоненте и выражает обобщающий смысл. К модусным смыслам относятся такие, как «близость» к порогу нормы, «предельность», что может служить основанием положительной или отрицательной оценки. Часто *вообще* «закрывает» тему.

Различие частицы и вводного слова мы связываем не только с позицией в предложении и особым его интонированием, но и с особым модусным смыслом: говорящий обобщает ситуацию и как бы предупреждает, что он не придаёт слишком большого значения следующей информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование модусной специфики вводно-модальных слов, по-разному проявляющихся в разных текстовых позициях, позволяет показать, как тонко и многообразно проявляется в языке человек и его точка зрения. *Вообще* выражает богатство модусных смыслов, прежде всего скрытую оценку, опирающуюся на обобщение ситуации. Связующая функция *вообще* проявляется в особой связи диктума и модуса текста, по-разному реализующаяся в разных вариантах вводно-модального слова.

Статья поступила в редакцию 17.09.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Вводные слова в семантической структуре текста. [Электронный ресурс]. URL: anb_imk-1984-vvodn_slova.doc www.philol.msu.ru (дата обращения: 10.11.2019).
4. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнёры, 1993. 205 с.
5. Борисова Е. Г., Афанасьева О. В., Сулейманова О. А. Когнитивная интерпретация семантических сдвигов в значении усилительных частиц // Вопросы когнитивной лингвистики: науч.-теорет. журн. / гл. ред. Н. Н. Болдырев / Общерос. общ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». Тамбов, 2017. №4. С. 14–19.
6. Борисова Е. Г. Языковые средства взаимодействия автора и адресата. Коррекция ожиданий адресата // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филологический факультет, март 2010 г.). Труды и материалы. М.: МГУ, 2010. С. 107–108.
7. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. Т. 2. М. – Л., 1950. С. 38–79.
8. Гатинская Н. В. Портрет лексемы вообще (опыт функционально-семантического описания) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. №5. С. 122–130.
9. Девятова Н. М. Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы похоже // Русский язык в школе. 2009. №7. С. 61–65.
10. Зализняк А. А., Падучева Е. В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. №3. С. 628–652.
11. Ионесян Е. Р. Проблемы эпистемического согласования // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1980. С. 116–133.
12. Кобозева И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 147–176.
13. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 296 с.
14. Падучева Е. В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 164–169.
15. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.

16. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 200 с.
17. Яковлева Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 129–146.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the world of human]. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury* [Languages of Russian culture], 1999. 896 p.
2. Bally, Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, *Izdatel'stvo inostrannoi literatury* [The Foreign literature Publ.], 1955. 416 p.
3. Baranov A. N., Kobozeva I. M. *Vvodnye slova v semanticheskoi strukture teksta* [Introductory words in the semantic structure of the text]. [Electronic resource]. Available at: anb_imk-1984-vvodn_slova.doc www.philol.msu.ru (accessed: 10.11.2019).
4. Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovsky & partner Publ., 1993, 205 p.
5. Borisova E. G., Afanas'eva O. V., Suleimanova O. A. *Kognitivnaya interpretatsiya semanticheskikh sdvigo v znachenii usilitel'nykh chastits* [Cognitive interpretation of semantic shifts in the meaning of reinforcing particles]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki: nauchno-teoreticheskii zhurnal / gl. red. N. N. Boldyrev / Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiiskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov"* [Issues of cognitive linguistics: the scientific-theoretical journal / Chief Editor N. N. Boldyrev / All-Russian public organization "The Russian Cognitive Linguists Association"]. Tambov, 2017, no. 4, pp. 14–19.
6. Borisova E. G. *Yazykovye sredstva vzaimodeistvii avtora i adresata. Korrektsiya ozhidaniy adresata* [Language means interaction between author and addressee. Correction of expectations of the recipient] // Russian language: its historical destiny and present state: 4th International Congress of researchers of Russian language (Moscow, Moscow State University, philological faculty, March 2010). The Works and materials. Moscow, MSU Publ., 2010, pp. 107–108.
7. Vinogradov V. V. *O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovykh v russkom yazyke* [On the category of modality and modal words in the Russian language] // Proceedings of Institute of Russian language. Vol. 2. Moscow – Leningrad, 1950, pp. 38–79.
8. Gatinskaya N. V. *Portret leksemy voobshche (opyt funktsional'no-semanticheskogo opisaniya)* [Portrait of lexeme *вообще* (experience functional-semantic description)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], 2002, no. 5, pp. 122–130.
9. Devyatova N. M. *Problema modusa i vvodno-modal'nye slova: lingvisticheskii portret edynitsy pokhozhe* [The problem of modus and introductory modal words: a linguistic portrait of the unit *похоже*]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2009, no. 7, pp. 61–65.
10. Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. *Opyt semanticheskogo analiza russkikh diskursivnykh slov* [Experience with semantic analysis of the Russian discursive words]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics] 2018. Vol. 22. , no. 3, pp. 628–652.
11. Ionesyan E. R. *Problemy epistemicheskogo soglasovaniya* [The problem of epistemic coordination]. In: *Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [The problems of intensional and pragmatic contexts]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 116–133.
12. Kobozeva I. M. *Problemy opisaniya chastits v issledovaniyakh 80-kh godov* [The problem of describing particles in the studies of the 1980s]. In: *Pragmatika i semantika* [Pragmatics and semantics]. Moscow, *Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Akademii nauk SSSR* [Institute of Scientific information on social Sciences, Academy of Sciences US SR Publ.], 1991, pp. 147–176.
13. Orekhova E. N. *Sub"ektivnaya modal'nost' vyskazyvaniya: forma, semantika, funktsii: monografiya* [Subjective modality statements: form, semantics, functions: monograph]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2011. 296 p.
14. Paducheva E. V. *Govoryashchii: sub"ekt rechi i sub"ekt soznaniya* [The speaker: the subject of speech and the subject of consciousness]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, 1991, pp. 164–169.
15. Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Lingvisticheskie dannye o deyatel'nosti soznaniya* [Experience of the description of the semantics of conjunctions. Linguistic data on the activities of con-

- sciousness]. Moscow, *Yazyki slavyanskikh kul'tur* [Languages of Slavic culture], 2011. 336 p.
16. Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, *Nauka, Sibirskoe otделение* [Science, Siberian branch Publ.], 1987. 200 p.
17. Yakovleva E. S. *Soglasovanie modusnykh kharakteristik v vyskazyvanii* [Coordination of modus characteristics in a statement]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe 1988–1995* [Logical analysis of language. Selected 1988-1995]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 129–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Девятова Надежда Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: Deviatovan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda M. Devyatova – Doctor in Philological Sciences, Associate professor, Professor at the Department of Russian language and methods of teaching philological disciplines of the Institute of Humanitarian Sciences, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: Deviatovan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Девятова Н. М. Вводно-модальные слова и проблема их текстовой семантики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 26–36.
DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-26-36

FOR CITATION

Devyatova N. M. Introductory-modal Words and the Problem of Their Textual Semantics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 26–36.
DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-26-36

УДК 811.161.1

DOI 10.18384/2310-7278-2020-1-37-50

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛЕДОВАНИЯ

*Ли Шуцзинь, Ли Ли**Цзилиньский университет**130012, Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика*

Аннотация.

Цель. Цель данной работы состоит в проведении системного анализа семантических и структурных особенностей временных предложений со значением следования.

Процедура и методы исследования. Статья посвящена исследованию временных предложений со значением следования. Сложное предложение с временной придаточной частью занимает важное место в ряду сложноподчинённых предложений, что требует особого внимания для уточнения его смысла. В данной работе рассматриваются принципы конструирования временных предложений с разными союзами, предпринимается попытка объяснить структурные и семантические особенности таких конструкций. Также анализируется специфика употребления видо-временных форм глаголов в сложных предложениях со значением времени.

Результаты проведённого исследования. Новизна предлагаемого подхода заключается в том, что в исследовании проведена разработка различительных критериев и сходств между употреблёнными в предложении союзами и проанализированы параметры видо-временных глагольных форм в главной и придаточной частях.

Теоретическая / практическая значимость. Задачи, поставленные в статье, обусловлены необходимостью уточнения смысловых оттенков различных подчинительных союзов, при помощи которых выражается темпоральное значение. Значимость предлагаемого классификационного описания определяется необходимостью исследовательского наблюдения за динамикой статусных характеристик временных предложений со значением следования с целью перспективного представления новейших результатов их системного анализа.

Ключевые слова: временное предложение, значение следования, действие, видо-временная глагольная форма

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF TEMPORAL SENTENCES WITH MEANING OF SEQUENCE

*Li Shujin, Li Li**Jilin University (China)**10 ul. Tsyantszin', Changchun 130012, P. R. China*

Abstract.

Purpose. The purpose of this work is to conduct a systematic analysis of the semantic and structural features of temporal sentences with the meaning of sequence.

Methodology and Approach. The present article is devoted to the research of temporal sentences with the meaning of sequence. The compound sentence with subordinate temporal clauses takes a vital place among complex sentences and requires special attention for the specification of its sense. In this work, the principles of designing of temporal sentences with various conjunctions are considered, an attempt to explain structural and semantic features of such designs is made. Also, the specifics of the use of aspect-temporal forms of verbs in compound sentences with the meaning of time are analyzed.

© CC BY Ли Шуцзинь, Ли Ли, 2020.

Results. The novelty of the proposed approach is that the study presented the distinguishing criteria and similarities between the conjunctions used in the sentence and analyzed the parameters of the aspect-temporal verb forms in the primary and subordinate parts.

Theoretical and Practical Implications. The tasks posed in the article are dictated by the need to clarify the semantic nuances of various subordinate conjunctions, with the help of which the temporal meaning is expressed. The significance of the proposed classification of description is determined by the need for research of the dynamics of the status characteristics of temporal sentences with a sequence meaning in order to perspective present the latest results of their system analysis.

Keywords: temporal sentence, the meaning of sequence, action, aspect-temporal verbal form

ВВЕДЕНИЕ

Временные предложения со значением следования содержат информацию о том, что ситуация, представленная в главной части сложного предложения, следует за ситуацией, обозначенной придаточной частью¹. Специальными средствами выражения такого рода смысловых отношений являются союзы *после того как*, *с тех пор как*, *как только*, *едва*, *лишь*, *чуть* и их синонимы. Между главной и придаточной частями в предложении поддерживаются смысловые отношения неодновременности. В стандартных условиях союзы, временная и видовая соотносительность сказуемых в главной и придаточной частях играют ключевую роль для формирования семантической и структурной специфики временных предложений со значением следования.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ

В последние десятилетия российскими учёными систематически проводится анализ временных предложений со значением следования. Достигнутые успехи в решении данной проблемы впечатляют и имеют важное практическое значение для дальнейшего изучения смыслового и структурного аспектов при системном описании класса русских сложных предложений.

Современными лингвистами описано темпоральное поле сложных предложений [8], функциональные характеристики подчинительных союзов [1], сфера видо-временных значений в аспектах семантики глаголов [3], семантический и синтаксический

аспекты изучения служебных слов в русском языке [4], союзное конструирование в сложном предложении [6], аспект художественной выразительности категории времени [7].

ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ СОЮЗОВ *ПОСЛЕ ТОГО КАК*, *С ТЕХ ПОР КАК* И ИХ СХЕМА ВИДОВЫХ ВРЕМЕННЫХ КОНТРАСТОВ

Во временных предложениях с союзами *после того как*, *с тех пор как* действие в главной части описывается как следующее за действием, репрезентируемом в придаточной части².

1) *После того (,) как*

Союз *после того (,) как* показывает, что при временном плане действие главной части осуществляется после действия придаточной³, однако временной план главной части сформулирован нечётко. По сравнению с союзами *как только* и *едва* значение следования действия, зафиксированное союзом *после того как*, проявляется скрыто. Например, ср.: (1) *Может быть, после того как муж заболел, её беспокойство улеглось* (А. Чаковский); (2) *Едва он успел положить трубку, как снова раздался звонок* (В. Попов).

Союз *после того как* сам по себе не конкретизирует интервал времени событий, описанных в главной и придаточной частях. Однако в предложениях с данным

¹ Русская грамматика. В двух томах. Т. 2. Синтаксис. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 552.

² Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. М.: Наука, 1970. С. 730.

³ Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М.: Русский язык, 1979. С. 475.

союзом может указываться на наличие временного интервала между двумя событиями при помощи лексических конкретизаторов, например: *вскоре после того как, сразу после того как, через неделю после того как* и т. д. [5, с. 39–47]. (3) *Вскоре после того как Моргентау умело и с тактом обеспечил в 1933 году организационную сторону признания Советской России, президент сделал его министром финансов* (А. Чаковский); (4) *Он знал, что через час, после того как он выйдет из дому, всё для него будет кончено* (В. Попов).

Во временном предложении с союзом *после того как* глагольные сказуемые в главной и придаточной частях иногда фиксируются в тождественных временных формах, т. е. сказуемое в придаточной части употребляется в форме совершенного вида, а в главной – не только совершенного, но и несовершенного вида. Это зависит от свойств описываемого действия. Если актуализируется действие многократной последовательности, то сказуемые в главной и придаточной частях выражаются, как правило, формой несовершенного вида глагола, а иногда краткой формой страдательного причастия. Приведём эквивалентные комбинации (табл. 1):

Таблица 1

Тождественные комбинации видовременных форм глаголов (прош. и буд. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным времени, вводимым союзом *после того (,) как*

Table 1

Identical combinations of the aspect-temporal verbal forms (past and future tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *после того (,) как*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	совершенный вид прош. вр.
совершенный вид буд. вр.	совершенный вид буд. вр.

(5) *Ведерников отпустил берёзу только после того, как остижки скрылись за поворотом реки* (Г. Марков); (6) *Я думаю, что вскоре после того как состоится очередная встреча «большой тройки», враг испытает на себе новую силу наших согласованных ударов* (А. Чаковский).

Сказуемое в придаточной части может быть представлено и краткой формой страдательного причастия: (7) *После того как были уложены штабели и заложен взрыватель со шнуров, начальник охраны завода, высокий, мрачный Полюнов, подошёл к вахтёру* (В. Попов).

Если действие является многократным и продолжительным, осуществляющимся после действия, описанного в придаточной части, то сказуемое в ней употребляется в форме совершенного вида прошедшего времени, в главной же части – в форме несовершенного вида прошедшего времени или в форме несовершенного вида будущего времени (табл. 2): (8) *После того как Валя окончила свой рассказ, Андрей некоторое время сидел молча* (А. Чаковский); (9) *После того, как доставят почту, он будет диктовать Грэйс Талли речь, которую ему предстоит произнести на Конференции Сан-Франциско* (А. Чаковский).

Таблица 2

Нетождественные комбинации видовременных форм глаголов в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным времени, вводимым союзом *после того (,) как*

Table 2

Non-identical combinations of the aspect-temporal verbal forms in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *после того (,) как*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	несовершенный вид прош. вр.
совершенный вид буд.вр.	несовершенный вид буд. вр.

Для предложений с союзом *после того как* типична временная одноплановость частей (табл. 3), которая выражается одинаковыми временными формами сказуемых в главной и придаточной частях [9, с. 345]. Реже сказуемое в придаточной части сложного предложения выражается формой несовершенного вида прошедшего времени, а в главной части – формой несовершенного вида будущего времени в целях обозначения часто повторяющегося действия или действия многократной последовательности: (10) *Каждый раз после того, как в международной напряжённости наступает известное ослабление, агрессивные круги США начинают усиленно обострять эту напряжённость и мешать дальнейшему смягчению обстановки*¹; (11) *После того как он выдавал кого-нибудь, ему давали отдых* (А. Фадеев).

Таблица 3

Тождественные комбинации видовременных форм глаголов (наст. и прош. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным времени, вводимым союзом *после того* (,) как

Table 3

Identical combinations of the aspect-temporal verbal forms (present and past tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *после того* (,) как

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
несовершенный вид наст. вр.	несовершенный вид наст. вр.
несовершенный вид прош. вр.	несовершенный вид вид прош. вр.

¹ Примеры, в которых не указан источник, взяты из следующих книг: Пособие по синтаксису русского языка для студентов-филологов (под ред. А. В. Величко. М., 1981. 169 с.); Сложное предложение (под ред. С. А. Шуваловой. М., 1983. 200 с.); Островитянов К. В., Шепилов Д. Т. Политическая экономия (М., 1954. 620 с.); История всесоюзной коммунистической партии (под ред. комиссии ВКП (б), 1950. 352 с.); 中南, 俄语连接处与关联词 (北京, 1956. 257 с.).

Иногда сказуемое в придаточной части представляет собой краткую форму страдательного причастия, указывающего на то, что результат производимого действия существует в момент речи: (12) *Он видит в ней символ нового отношения Запада к России, после того как война фактически выиграна* (А. Чаковский).

Комбинация обычно не используется в том случае, если сказуемое в придаточной части представлено формой несовершенного вида, а в главной – формой совершенного вида глагола, поскольку такая комбинация является показателем частичной одновременности, а союз *после того как* лишь выражает смысловые отношения следования.

Глагол совершенного вида будущего времени в придаточной части сложного предложения показывает, что действие осуществилось до другого многократного повторяемого действия (табл. 4): (13) *Заработную плату капиталист выплачивает рабочему не в момент его найма, а лишь после того, как он затратит определённое количество труда*; (14) *Всегда, после того как скользнёт такая мысль, жизнь становилось темней и скучней* (М. Горький).

Таблица 4

Комбинации видовременных форм глаголов в роли сказуемых в сложном предложении с придаточным времени, вводимым союзом *после того* (,) как

Table 4

Combinations of the aspect-temporal verbal forms in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *после того* (,) как

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид буд. вр.	несовершенный вид наст. вр. или несовершенный вид прош. вр.

Предложения с союзом *после того как*, подобные приведённым выше, фактически могут осложняться условным значением, актуализируемым развиваемыми смысловыми отношениями между главной и придаточной частями с одновременным нивелированием параметра временного смыслового соотношения частей.

Временное предложение с союзом *после того как* в конкретной коммуникативной ситуации генерирует дополнительное значение: причинное, условное и др. В главной и придаточной частях таких предложений могут допустимо употребляться глаголы разных временных форм, например: *Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи.*

Временное значение в предложении со значением следования также может выражаться союзом *когда*, но при этом сказуемые в главной и придаточной частях обычно употребляются в форме совершенного вида: (15) *А вот когда мать с дочерью разделись, опять концерт начался* (В. Попов).

Отличие смысловых подчинительных союзов *когда* и *после того как* друг от друга состоит в том, что союз *когда*, помимо выражения значения следования, подчёркивает, что момент завершения действия, описываемого в придаточной части, и момент начала действия, описываемого в главной части, имеют определённое совпадение во времени [10, с. 67]. Союз же *после того как*, напротив, не может выражать подобное совпадение во времени: (16) *Но когда она немножко выросла, она полюбила танцы: балльные – русские и заграничные, и народные – украинские и кавказские* (А. Фадеев).

С другой стороны, если во временном сложном предложении имеется некий интервал между описываемыми событиями, представленными в главной и придаточной частях предложения, то наличие такого интервала и уточнение его длительности могут конкретизировать наречия со значением времени (такие как *вскоре*, *через день*) и при данных условиях в предложении используется только союз *после того как*,

в то время как союз *когда* здесь не функционирует: (17) *На следующее утро после того, как развесили плакаты, Нина отправилась обходить участки* (С. Антонов).

При репрезентации условия временное наречие, занимающее позицию перед союзом и в смысловом плане уточняющее интервал действий, описываемых в главной и придаточной частях, в местоименной части фиксирует на себе логическое ударение, что является причиной постановки перед компонентом *как* запятой, однако данный графический показатель не мотивирует в целом интерпретацию паузы при чтении. Это в большинстве случаев является традиционным, поскольку исторически *после* и *того* действительно были самостоятельными элементами, а придаточная часть фиксировала в своём начале союз *как* [11, с. 383].

2) С тех пор (,) как

Данный союз, как и союз *после того как*, актуализирует значение следования. Кроме того, союз *с тех пор (,) как* подчёркивает, что значение возникновения действия либо фиксации конечного момента его завершения в придаточной части представляет собой начало главной и придаточной частей. При этом рассматриваемый союз актуализирует в смысловом плане обе временные границы (*с тех пор – до сих пор*). В этом видится важное отличие союзов *с тех пор* и *после того как* друг от друга. В семантическом аспекте временное сложное предложение, моделируемое при помощи союза *с тех пор как*, может быть дифференцировано на две семантические группы.

1. В предложениях **первой группы** последовательность описываемых действий следующая: в главной части действие осуществляется после завершения действия, описанного придаточной частью. При этом момент завершения данного действия является началом действия, описанного в главной части, то есть союз *с тех пор как* понятийно актуализирует то, что действие придаточной части предшествует действию главной части сложного предложения¹.

¹ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. 2-е

Поэтому сказуемое в придаточной части выражается только формой совершенного вида прошедшего времени, а в главной – как формой совершенного вида прошедшего времени (табл. 5), так и формой прошедшего времени несовершенного вида (табл. 6), а иногда и формой несовершенного вида настоящего времени (табл. 7).

Таблица 5

Тождественная комбинация видо-временных форм глаголов (прош. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным времени, вводным союзом *с тех пор* (,) как

Table 5

Identical combination of the aspect-temporal verbal forms (past tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *с тех пор* (,) как

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	совершенный вид прош. вр.

Момент завершения действия придаточной части является расчётным временем начала действия главной части: (1) *Очень мало воды утекло с тех пор, как он в последний раз побывал в школе, где учился его сын – теперь уже сорокалетний геолог* (А. Чаковский); (2) *Прошло слишком много времени с тех пор, как они разлучились* (А. Фадеев).

Действие, фиксированное в главной части подобных сложных предложений, закончилось после завершения действия, описываемого в придаточной части, а его результат существует в момент речи. Сказуемое в придаточной части чаще всего представлено глаголом с приставкой *за-*, *по-* (*заинтересоваться*, *полюбить*, *поумнеть* и т. д.) либо глаголом, обладающим семантикой изменения (*измениться*, *превратиться*, *преобразоваться* и т. п.): (3) *Скажите нам честно: у вас не изменилась позиция с тех пор, как вы послали нам свою записку?* (В. Ажаев); (4) *Он заметно посидел с тех пор, как мы расстались* (И. Тургенев).

изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 205.

Таблица 6

Нетождественная комбинация видо-временных форм глаголов (прош. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным времени, вводным союзом *с тех пор* (,) как

Table 6

Non-identical combination of the aspect-temporal verbal forms (past tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *с тех пор* (,) как

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	несовершенный вид прош. вр.

Действие, актуализированное в придаточной части сложноподчинённого предложения, завершено, но его результат продолжает существовать. Сказуемое же в форме несовершенного вида прошедшего времени, фиксируемое в главной части, обозначает продолжительность действия: (5) *Но с тех пор, как я узнал, где служит Сергей, я думал только о нём...* (А. Чаковский); (6) *Очевидно, с тех пор, как уехал детский сад, звонили по телефону не часто* (А. Гайдар).

Таблица 7

Нетождественная комбинация видо-временных форм глаголов в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным времени, вводным союзом *с тех пор* (,) как

Table 7

Non-identical combination of the aspect-temporal verbal forms in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *с тех пор* (,) как

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	несовершенный вид наст. вр.

Сказуемое в придаточной части сложного предложения употребляется в форме совершенного вида прошедшего времени, а в главной – в форме несовершенного вида настоящего времени, что является показателем того, что все сказуемые в предложении имеют значение расширенного времени. Форма несовершенного вида настоящего времени глагола-сказуемого в главной части указывает на то, что данное действие происходит после завершения процесса, актуализируемого в придаточной части сложного предложения, и существует в момент речи. Совершенный вид прошедшего времени глагола в придаточной части подчёркивает, что действие в ней представляется завершённым, а его результат в момент речи ещё актуален: (7) *С тех пор, как женился, я уже от тебя прежней любви не вижу* (А. Островский).

В подобных предложениях союз *с тех пор, как* может быть заменён союзом *после того как*, однако их исходная семантика частично стёрта, актуализировано лишь значение следования, но не значение начала действия.

2. В предложениях **второй группы** отражается последовательность действий, а также семантика начала процесса. Тем не менее, отличие данных предложений от предложений первой группы заключается в том, что момент совершения действия, описываемого в придаточной части, представляет собой начало действия, о котором говорится в главной части. При этом производимый процесс является совместным началом обоих действий, что образует специфическое одновременное соотношение. Союз *после того как* не может обозначать такое соотношение действий. Поэтому в предложениях данной группы союз *с тех пор, как* не может быть заменён союзом *после того как*.

В данных предложениях сказуемое в придаточной части представлено формой несовершенного вида глагола, а в главной – либо формой совершенного вида прошедшего времени глагола, либо формой несовершенного вида прошедшего времени глагола (табл. 9), либо глаголом в форме несовершенного вида настоящего времени (табл. 8).

Таблица 8

Тожественная комбинация видо-временных форм глаголов (наст. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным временем, вводимым союзом *с тех пор (,) как*

Table 8

Identical combination of the aspect-temporal verbal forms (present tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *с тех пор (,) как*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
несовершенный вид наст. вр.	несовершенный вид наст. вр.

Действие главной и придаточной частей описываемых сложных предложений является продолжительным по времени и осуществляется до момента речи или в момент речи. Начало действия придаточной части квалифицируется как начало данных двух продолжительных по своему характеру действий и характеризует уже совершённое одновременное отношение: (8) *С тех пор как я живу в Москве, ты работаешь на автомобильном заводе*; (9) *С тех пор как я учусь в институте, у меня нет ни минуты свободного времени*.

Таблица 9

Нетожественная комбинация видо-временных форм глаголов в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным временем, вводимым союзом *с тех пор (,) как*

Table 9

Non-identical combination of the aspect-temporal verbal forms in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *с тех пор (,) как*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
несовершенный вид наст. вр.	несовершенный вид прош. вр. или совершенный вид прош. вр.

Форма несовершенного вида настоящего времени глагола-сказуемого в придаточной части семантически репрезентирует расширенное настоящее время, событийно номинирующее то, что актуализированное действие осуществлялось как до момента речи, так и в момент речи. Глагол в формах несовершенного или совершенного вида прошедшего времени в главной части является показателем законченности действия (табл. 9). Его семантика во временном континууме совмещается с определённым отрезком времени в процессе продолжения действия, описанного в придаточной части сложного предложения. Таким образом складывается частичное одновременное соотношение действий / процессов событийного характера: (10) **С тех пор как** я живу в одном доме с вами, мы о многом с вами беседовали; (11) **С тех пор как** он занимается плаванием, он перестал болеть.

Из сказанного следует, что во временном предложении с союзом *с тех пор как* одно из глагольных сказуемых главной или придаточной частей по меньшей мере употребляется в расширенном временном значении [12, с. 766]. Только в таком случае дифференцируется значение указанных двух временных пределов, генерируемых союзами *с тех пор как* и *до тех пор как*.

Заметим, что семантические свойства союза *с тех пор как* являются основой того, что сказуемое в придаточной части подобных сложных предложений не может быть выражено глаголом в форме будущего времени.

ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СОЕДИНЯЕМЫЕ СОЮЗАМИ **КАК ТОЛЬКО**, **ЕДВА** И ИХ СХЕМА ВИДО-ВРЕМЕННЫХ КОНТРАСТОВ

В русском языке существует развитая система союзных средств, предназначенных для выражения темпоральных отношений быстрого следования одного события за другим в сложноподчинённом предложении. Это прежде всего союзы / союзные сочетания *как только*, *лишь*

только, *едва только*, *чуть только*, *только лишь*, *едва лишь*, образованные на базе наречий *едва* и *чуть*, а также частиц *только* и *лишь* [2, с. 129]. Это комбинация синонимичных союзов, указывающих на то, что действие, о котором говорится в главной части, уже совершилось или начало совершаться сразу после действия, о котором сообщается в придаточной части¹. Хотя действие, описанное в главной и придаточной частях, характеризуется отсутствием временного интервала, всё-таки существует определённый семантико-конструктивный нюанс, а именно: за ограниченностью места речь здесь идёт только о функционировании союзов *как только*, *едва*.

1) Как только

Эффективность использования союза *как только* достаточно интенсивна и по продуктивности занимает, по нашим наблюдениям, место после временных семантических союзов *когда*, *пока* и *как*. В отличие от союза *после того как*, союз *как только* показывает, что действие, выражённое в главной части, наступает очень скоро после завершения действия, описанного в придаточной части², в то время как союз *после того как* такого значения не имеет; ср.: (1) **Как только** я глянул на полуторку, так сразу же увидел человека и прикрыл рот рукой, чтобы не смеяться (С. Антонов); (2) Генерал Бородин спал крепко, но проснулся быстро, **как только** почувствовал постороннего человека у костра (М. Бубеннов); (3) **После того как** было проведено соревнование на лучшего сталевара, рабочие требовали от руководителей, чтобы в цехе были созданы все условия для скоростных плавов (В. Попов); (4) Через час буду здесь, **после того как** покончу с делом, которое всё-таки считаю неотложным (В. Ажаев).

В вышеприведённых предложениях повествуется о факте относительно того, что

¹ Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Айрис Пресс, 2002. С. 397.

² Арская Р. Н., Битехтина Г. А. Практическое пособие по синтаксису русского языка для студентов-иностранцев. М.: Высшая школа, 1962. С. 218.

во временных предложениях при помощи союза *после того как* актуализируется определённый временной интервал между событиями, описанными в главной и придаточной частях. Семантика же предложений с союзом *как только* сфокусирована на том, что действие главной и придаточной частей следует одно за другим и не содержит интервала между ними. В качестве сказуемого в придаточной части с союзом *как только* не используются глаголы наподобие *побегать, почитать, лежать* и т. п., потому что приставка *по-* вносит в глагол значение некоторой ограниченности действия¹. Глагол с приставкой *по-* означает, что действие происходило или будет происходить некоторое время, либо оно закончилось или закончится. Тем не менее союз *после того как* может включаться в такое предложение, например: *После того как я полежал, я почувствовал себя лучше.*

Временные предложения, части которых соединяются союзом *как только* и подобными, указывают на то, что значение непосредственного следования, актуализируемое союзом, может усиливаться или стабилизироваться дополнительными средствами, которые подчёркивают краткость интервала между описываемыми событиями. В главной части подобных сложных предложений чаще всего встречается конкретизатор типа *мгновенно, тотчас же, сразу же* и др., который акцентирует быструю смену действия. В данном случае союзы *как только* и *когда* синонимичны, возможна замена обоих, но в этом случае невозможна замена союзом *после того как*: (5) *Как только (= когда) девушка села, она сразу же услышала пение* (Г. Матвеев); (6) *Тот моментально вскочил, как только (= когда) распахнулась дверь* (С. Залыгин).

2) *Едва*

Если союз *как только* обозначает лишь простое отношение последовательности

действия, то союз *едва* показывает, что действие придаточной части только что произошло и ещё не успело полностью закончиться, но уже началось действие главной части, т. е. время начала действия главной части частично совпадает со временем завершения действия, описываемого в придаточной части. Здесь имеется в виду, что действие главной части следует за действием (или его началом) придаточной части особенно быстро²: (7) *Едва Олег вошёл в комнату, ленивые, скучающие глаза денщика остановились на нём* (А. Фадеев); (8) *Но едва коляска пришла в движение, как раздался отвратительный писк* (А. Чаковский); (9) *Как только их взгляды встретились, девушка сразу успокоилась, смущение исчезло и на лице появилась застенчивая улыбка* (Г. Матвеев); (10) *Как только я подошёл, Лёшка стал хвастаться своей винтовкой* (С. Антонов).

Если же сказуемое в придаточной части представлено краткой формой страдательного причастия, то граница между действиями главной и придаточной частей становится более очевидной. В этом случае целесообразно употреблять союз *как только* в составе подобных предложений: (11) *Как только (≠ едва) эта корзиночка была принесена, Ворopaев попросил разрешения идти* (А. Павленко).

Когда в роли сказуемого выступает глагол *успеть*, он применяется для следующего семантического уточнения: при не полностью законченном действии в придаточной части осуществляется действие, реализованное семантикой главной части. Такие предложения в качестве средства связи частей включают союз *едва*, но не союз *как только*: (12) *Едва (≠ как только) он успел положить трубку, как снова раздался звонок* (В. Попов); (13) *Едва (≠ как только) успели сложить сено в стога и укрыть соломой, как на целую неделю без просвета, без передышки грянул дождь* (В. Панова).

¹ Фёдоров М. Я., Крюкова И. П. Справочник по глагольному управлению в русском языке (С указанием вида и спряжения глагола): Пособие для учащихся старш. классов нерусских школ. М.: Учпедгиз, 1955. С. 17.

² Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1978. С. 340.

Схема видового контраста сказуемых главной и придаточной частей

Сказуемые в главной и придаточной частях временных сложноподчинённых предложений при наличии в составе конструкции союзов *как только*, *едва* выражаются глаголами в форме совершенного вида одинаковых временных форм, но гораздо чаще – глаголами в форме прошедшего времени. Когда временные и видовые формы глагола используются в переносном значении, тогда сказуемые в главной и придаточной частях могут быть представлены глаголами разных временных форм, а сказуемое, фиксируемое в придаточной части, непременно представлено глаголом в форме совершенного вида. Только в том случае, когда подчёркивается многократность следования действия, сказуемые в главной и придаточной частях могут выражаться глаголами в форме несовершенного вида. Типичные комбинации подобны следующим (табл. 10):

Таблица 10

Тождественные комбинации видо-временных форм глаголов (прош. и буд. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным временем, вводимым союзами *как только* / *едва*

Table 10

Identical combinations of the aspect-temporal verbal forms (past and future tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *как только* / *едва*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	совершенный вид прош. вр.
совершенный вид буд. вр.	совершенный вид буд. вр.

В том случае, если сказуемые главной и придаточной частей выражены глаголами в форме совершенного вида прошедшего времени, это является показателем того,

что уже произошедшее в прошлом действие следует вплотную за совершающимся действием. Если же сказуемые в главной и придаточной частях представлены глаголами в форме совершенного вида будущего времени, то таким образом актуализируется действие, которое произойдёт в будущем и последует непосредственно за предшествующим действием, либо в предложении выражается обобщённое временное значение: (14) *Как только самолёты потянулись на запад, Матвей Юргин бросился к соседнему окопу* (М. Бубеннов); (15) *Но едва подготовительная работа закончится, вы станете во главе строителей* (В. Ажаев).

В том случае, когда глагольные сказуемые в главной и придаточной частях употреблены в форме несовершенного вида прошедшего времени, они выражают многократную повторяемую последовательность действий. Если же сказуемые в главной и придаточной частях фиксируются в форме несовершенного вида настоящего времени, то они обозначают либо многократно повторяемую последовательность действий, либо последовательность однократную. Именно поэтому сказуемые в главной и придаточной частях подобных сложных предложений представлены формой несовершенного вида глагола (табл. 11).

Таблица 11

Тождественные комбинации видо-временных форм глаголов (наст. и прош. вр.) в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным временем, вводимым союзами *как только* / *едва*

Table 11

Identical combinations of the aspect-temporal verbal forms (present and past tense) in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *как только* / *едва*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
несовершенный вид наст. вр.	несовершенный вид наст. вр.
несовершенный вид прош. вр.	несовершенный вид прош. вр.

Заметим, что иногда такое отношение последовательности действий полностью определяется непосредственно семантикой союза [13, с. 38–39]. Например: (16) **Как только** поезд останавливался, машина, за рулём которой сидела Люси, тотчас устремлялась к президентскому вагону (А. Чаковский); (17) **Едва** Павел входит в котельную, как дежурный кочегар, сухопарый, одноглазый детина с безобразным, обожжённым лицом, начинает распрашивать новичка, рассказывает о себе (В. Попов).

В том случае, когда глагольное сказуемое в придаточной части употребляется в форме совершенного вида прошедшего времени, оно является типичным показателем общего временного плана предложения. Однако если сказуемое в главной части представлено формой несовершенного вида настоящего времени глагола (табл. 12), то данное сказуемое семантически соотносено с так называемым историческим настоящим временем, отображающим в настоящем моменте времени действие, происходившее в прошлом [14, с. 114]: (18) *В другой раз, только что успел он перед зорькой в нору воротиться, только что сладко зевнул в предвкушении сна – глядит, откуда ни возмись, у самой норы щука стоит и зубами хлопает* (М. Салтыков-Щедрин); (19) *Ключ вы ещё прошлый раз в двери оставили. Только вы уехали, гляжу – торчит в скважине* (Б. Рахманов).

Таблица 12

Нетождественная комбинация видо-временных форм глаголов в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным временем, вводным союзом *как только, едва, только, только что*

Таблица 12

Non-identical combination of the aspect-temporal verbal forms in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *как только, едва, только, только что*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид прош. вр.	несовершенный вид наст. вр.

Подобные структурно-семантические комбинации репрезентируют в смысловой структуре предложения многократно повторяющееся действие (табл. 13): (20) *Едва лишь солнце выглянет из-за моря и в воздухе мелькнут первые золотистые тени рассвета, он со своей койки, со своего лежачего наблюдательного пункта, уже различал в полевой бинокль красное, как цветок граната, платье Наташи Поднебеско на «первомайских» рислингах* (П. Павленко); (21) *Весной (зяблики) прилетают, как только снег сойдёт, осенью часто до нового снега задерживаются* (Н. Сладков).

Таблица 13

Нетождественные комбинации видо-временных форм глаголов в роли сказуемых в сложных предложениях с придаточным временем, вводным союзами *как только / едва*

Table 13

Non-identical combinations of the aspect-temporal verbal forms in the role of the predicates in compound sentences with subordinate temporal clauses introduced by the conjunction *как только / едва*

Сказуемое придаточной части	Сказуемое главной части
совершенный вид буд. вр.	несовершенный вид прош. вр. или несовершенный вид наст. вр.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги сказанному, отметим, что изучение временных предложений со значением следования открывает широкие возможности для выявления разнообразных смысловых нюансов в семантической и структурной организации подобных предложений. Как уже отмечалось ранее, посредством временных союзов и глаголов рассмотренных видо-временных групп во временных сложноподчинённых предложениях со значением следования актуализируются одновременные и разновременные смысловые отношения, развивае-

мые между главной и придаточной частями. Определённая трудность заключается в дифференциации закономерностей употребления союзов, описании видо-временных контрастов глаголов-сказуемых, семантики полной и частичной одновременности в сложном предложении. В процессе исследования заявленной проблемы продуктивным оказалось применение представленных выше схем для детализации общего темпорального пласта сложноподчинённых предложений.

Практическим целям подчинено в наших условиях и изучение грамматических средств связи придаточной части с главной как средств, при помощи которых в предложении передаётся значение одновременности и разновременности описываемых событий. Поэтому в первую очередь при структурно-смысловом анализе данных

предложений, на наш взгляд, необходимо установить облигаторные и сопутствующие смысловые отношения, развиваемые в сложных предложениях с временными союзами.

Представленная в настоящей работе попытка описания полипредикативных временных предложений в рамках теории русского языка, как нам думается, способствует исследованию описанного языкового явления и в других областях языкознания, в частности, в сравнительной лингвистике. В перспективе результаты, полученные при разработке заявленных проблем, будут положены в основу сравнительно-сопоставительного исследования временных предложений, функционирующих в русском и китайском языках.

Статья поступила в редакцию 26.09.19.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта по проекту социально-гуманитарных наук Министерства образования КНР (номер проекта: 14YJAZH042).

ACKNOWLEDGMENT

This article was prepared with the financial support of a grant for a project of the social and humanitarian sciences of the Ministry of Education of the PRK (project number: 14YJAZH042).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтель Н. М. О значении и употреблении союза «когда» в составе сложноподчинённых предложений // Семантика служебных слов. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 16–23.
2. Дудко Л. Н. О семантике и особенностях функционирования союзов быстрого следования в современном русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. Ч. II. 2007. С. 129–136.
3. Кошечкина И. Г. Типологические структуры языка. Сфера видо-временных значений. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. 234 с.
4. Крейдлин Г. Е. Служебные и строевые слова // Семантика служебных слов. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 106–113.
5. Набати Ш., Мохсен М., Агаева М., Маджид Э. Сопоставительный анализ временных отношений в сложноподчинённых предложениях с отношением разновременности в русском и персидском языках // Молодой учёный. 2011. №5. Т. 2. С. 39–47. URL: <https://moluch.ru/archive/28/3221/> (дата обращения: 05.10.2019).
6. Прияткина А. Ф. Союзная конструкция и сложное предложение // Служебные слова: Межвузовский сб. науч. трудов / отв. ред.: К.А. Тимофеев; редкол.: О. И. Блинова, Э. В. Кузнецова. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1987. С. 37–50.
7. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
8. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: Моск. пед. ун-т, 2000. 151 с.
9. 张良玺, 方新哲. 俄语句法学纲要. 吉林大学出版社, 1993. 345页.
10. 周春祥. 现代俄语复合句. 北京: 外语教学与研究出版社, 1980. 67页.

11. 俄语语法（第二卷 « 结构学 »）. 黑龙江大学编译室译. 北京：时代出版社，1962. 383页.
12. 信德麟，张会森，华劭. 俄语语法. 北京：外语教学与研究出版社，1990. 766页.
13. 外国语言文学论集. 吉林大学社会科学丛刊，1986年第五辑. 38–39页.
14. 薄冰，赵德鑫. 英语语法手册（修订本）. 北京：商务印书馆，1978. 113–114页.

REFERENCES

1. Vakhtel' N. M. *O znachenii i upotreblenii soyuza «kogda» v sostave slozhnopodchinennykh predlozhenii* [On the meaning and use of the conjunction «когда» in structure of complex sentences]. In: *Semantika sluzhebnykh slov. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The semantics of the sentence. Interuniversity collection of scientific papers]. Perm, 1982, pp. 16–23.
2. Dudko L. N. *O semantike i osobennostyakh funktsionirovaniya soyuzov bystrogo sledovaniya v sovremennom russkom yazyke* [On semantics and peculiarities of functioning conjunctions of quick sequence in the modern Russian language]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of Saint Petersburg State University. Series 9: Philology. Oriental studies. Journalism], no. 3. Vol. II. 2007, pp. 129–136.
3. Koshevaya I. G. *Tipologicheskie struktury yazyka. Sfera vido-vremennykh znachenii* [The typological structure of the language. The scope of aspect-temporal meanings]. Kiev, *Izdatel'stvo Kievskogo universiteta* [Kyiv University Publ.], 1972, 234 p.
4. Kreidlin G. E. *Sluzhebnye i stroevye slova* [Service and combatant words]. In: *Semantika sluzhebnykh slov. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The semantics of the sentence. Interuniversity collection of scientific papers]. Perm, 1982, pp. 106–113.
5. Nabati S.H., Mokhsen M., Agaeva M., Madzhid E. *Sopostavitel'nyi analiz vremennykh otnoshenii v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh s otnosheniem raznovremennosti v russkom i persidskom yazykakh* [Comparative analysis of temporal relations in compound sentences with respect to the time difference in the Russian and Persian languages]. In: *Molodoi uchenyi* [A young scientist], 2011, no. 5, vol. 2, pp. 39–47. Available at: <https://moluch.ru/archive/28/3221/> (accessed: 05.10.2019).
6. Priyatkina A. F. *Soyuznaya konstruktziya i slozhnoe predlozhenie* [The Federal structure and complex sentence]. In: *Sluzhebnye slova: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Function words: interuniversity collection of scientific works] // edited by: K. Timofeev; the editorial Board: O. Blinova, E. Kuznetsova. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1987, pp. 37–50.
7. Turaeva Z. Ya. *Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya khudozhestvennoe (na materiale angliiskogo yazyka)* [The category of time. Time and time grammatical art (On a material of English language)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 219 p.
8. Shapovalova T. E. *Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke: monografiya*. [The syntactic category of time in Russian language: monograph].
9. 张良玺，方新哲. 俄语句法学纲要. 吉林大学出版社，1993. 345页. [Zhang Liangxi, Fang Xinzhe. *An Outline of Russian Syntax*, Changchun: Jilin University Press, 1993, pp. 345].
10. 周春祥. 现代俄语复合句. 北京：外语教学与研究出版社，1980. 67页. [Zhou Chunxiang. *Contemporary Russian Complex Sentence*, Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1980, pp. 67].
11. 俄语语法（第二卷 « 结构学 »）. 黑龙江大学编译室译. 北京：时代出版社，1962. 383页. [Russian Grammar (volume 2, Structure), Compiling Room of Heilongjiang University. Time Press, 1962, pp. 383].
12. 信德麟，张会森，华劭. 俄语语法. 北京：外语教学与研究出版社，1990. 766页. [Xin Delin, Zhang Huisen, Hua Shao. *Russian Grammar*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1990, pp. 766].
13. 外国语言文学论集. 吉林大学社会科学丛刊，1986年第五辑. 38–39页. [Essays on Foreign Language and Literature, Jilin University Social Science Collection, no. 5, 1986, pp. 38–39].
14. 薄冰，赵德鑫. 英语语法手册（修订本）. 北京：商务印书馆，1978. 113–114页. [Bo Bing, Zhao Dexin. *Hand Book of English Grammar*. Beijing: Commercial Press, 1978, pp. 113–114].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ли Шуцзинь – доктор филологических наук, доцент Института иностранных языков Цзилиньского университета (Китайская Народная Республика);
e-mail: habazonglingguan@163.com

Ли Ли – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Цзилиньского университета (Китайская Народная Республика);
e-mail: cclili2003@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Li Shujin – Doctor in Philological Sciences, Associate professor at the Institute of Foreign languages of Jilin University (China);

e-mail: habazonglingguan@163.com

Li Li - PhD in Philological Sciences, Associate professor at the Institute of Foreign languages of Jilin University (China);

e-mail: cclili2003@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Шуцзинь, Ли Ли. Структурно-семантические особенности временных предложений со значением следования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 37–50.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-37-50

FOR CITATION

Li Shujin, Li Li. Structural-Semantic Features of Temporal Offers with Meaning of Sequence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 37–50.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-37-50

УДК 800

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-51-56

К УТОЧНЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЁМА ТЕРМИНОВ «ДИСКУРС» И «ДЕТСКИЙ ДИСКУРС»

Луань Луань*Российский университет дружбы народов**117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Работа посвящена актуальной проблеме терминов «дискурс» и «детский дискурс». Цель работы – изучить содержание и семантический объём двух терминов, выявить их взаимосвязи в лингвистической науке.

Процедура и методы исследования. В данной работе рассматривается несколько различных интерпретаций термина «дискурс» в лингвистике, выделяются сходства и различия разных точек зрения, выявляется поддерживаемое автором мнение и указываются причины. На основе уточнения понятия дискурса углубляется исследование о роли детского дискурса в общей системе дискурса и их взаимосвязи.

Результаты проведённого исследования. В статье приведён анализ взглядов исследователей по данной теме. По итогам анализа автором сделан вывод об определении и взаимосвязи терминов. Изучение теоретических основ дискурса и детского дискурса позволит глубже рассматривать речь ребёнка, её специфику и процесс развития, отражение детской психологии в разных лингвокультурных средах.

Теоретическая / практическая значимость. Практическое значение настоящей работы состоит в том, что в детском дискурсе отражается вербальный этап языкового развития ребёнка. Исследование детского дискурса может оказать теоретическую поддержку, в частности, при составлении, использовании учебных пособий в учебном процессе в целом. На основе анализа детской речевой продукции можно рассматривать разнообразные проблемы изучения языка.

Ключевые слова: дискурс, детский дискурс, языковая личность, лингвокультура, коммуникативная деятельность, вербальное общение

THE CONTENT AND SEMANTIC VOLUME OF THE TERMS "DISCOURSE" AND "CHILDREN'S DISCOURSE"

Luan Luan*Peoples' Friendship University of Russia**6 Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The article aims to analyze the actual problem of the terms "discourse" and "children's discourse". The objective of this work is to study the content and semantic scope of the two terms to reveal their interconnections in linguistic science.

Methodology and Approach. The paper considers several different interpretations of the term discourse in linguistics, identifies the similarities and differences of different points of view, identifies the opinion supported by the author, and indicates the reasons. Based on the refinement of the concept of discourse, the study on the role of children's discourse in the general system of discourse and their relationship are deepened.

Results. The article presents an analysis of the viewpoints of several researchers on this topic. According to the results of the analysis, the author made a conclusion on the definition and interrelation

of terms. The study of the theoretical foundations of discourse and children's discourse will allow a deeper consideration of children's speech, its specifics, and the process of development, reflection of children's psychology in different linguocultural environments.

Theoretical and Practical Implications. The practical significance of this work lies in the fact that the verbal stage of language development is reflected in the children's discourse. The study of children's discourse can provide theoretical support, in particular, in the preparation and use of textbooks in the educational process. Based on the analysis of children's speech products, various problems of language learning can be considered.

Keywords: discourse, children's discourse, language personality, linguoculture, communicative activity, verbal communication

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике, благодаря когнитивно-дискурсивному анализу, активно исследуются такие аспекты, связанные с человеком и его речью, как возраст, социальное положение, среда проживания, профессиональная сфера и т. д. Более того, рассматриваются типологии дискурса с разных точек зрения, связанных с его классификацией. Выделяются детский дискурс, дискурс разных возрастных групп, в том числе и дошкольного возраста.

Повышение исследовательского интереса к темам детской речи обусловлено тем, что дети – большая группа, которая изучает язык с нуля способом подражания взрослому человеку. Их речь резко развивается и меняется в раннем возрасте в процессе общения, чтения и других видов языковой деятельности по причине влияния окружающего мира. В связи с этим, понятие процесса и характеристики развития дискурса ребёнка важно для родителей, филологов и педагогов. С другой стороны, с появлением теории языковой личности необходимо говорить о личности ребёнка, имеющей особые характеристики со стороны психологии, кругозора, знания, возрастного фактора и т. п.¹

ТЕРМИН «ДИСКУРС»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Термин «дискурс», как известно, был рассмотрен раньше, чем «детский дискурс».

Термин «дискурс» впервые появился в философии. Во второй половине 20-го века, в связи с интенсивным исследованием лингвистики, возникли новые парадигмы научного знания и, соответственно, новые понятия и термины. Именно в этот период он вышел за пределы философии, стал предметом других наук, в том числе и лингвистики. Необходимо помнить, что при переходе этого термина из одной сферы в другую его интерпретация и смысл изменяются. В связи с этим в каждой конкретной сфере нет общепринятого мнения по его определению, вследствие чего данный вопрос считается по настоящее время открытым и всё ещё требует обсуждения.

Многосторонний и разнообразный характер языкового феномена стимулирует выдвижение лингвистами новых методов и приёмов исследования. С появлением антропоцентрической парадигмы знания учёные уделяют большое внимание языковой личности [3], и, соответственно, дискурсивный анализ считают наиболее совпадающим с требованием этой парадигмы, которая берётся за основу понятия дискурса. Как большинство лингвистических понятий, дискурс представляет собой многоплановое понятие и имеет различные интерпретации в зависимости от аспекта анализа, опыта исследователей и других факторов. В связи с этим чёткого и универсального определения термина «дискурс» в современной науке не существует. С этим согласился Т. А. Ван Дейк: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с

¹ Цейтлин С. Н. Язык и ребёнок: лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.

трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. «Дискурс» – одно из них» [10, с. 46].

Т. А. Ван Дейк является одним из пионеров в исследовании теории дискурса. Сам учёный рассматривает это понятие с разных сторон. Согласно его точке зрения, дискурс можно определять в широком и в узком смыслах. В широком смысле термин понимается как целостная коммуникативная деятельность между собеседниками. Эта деятельность включает в себя разные способы общения: письменное и устное, вербальное и невербальное. Классические примеры – повседневный разговор с родственниками, беседа между учителем и учеником, изучение литературы, деловые переговоры и т. д.

С этим значением термин часто используется в разных социальных сферах, имеет значение профессионального языка, речи в коммуникативной деятельности, общения в определённой ситуации, например, публичный дискурс, деловой дискурс, медицинский дискурс, политический дискурс, бытовой дискурс и проч.

В узком смысле Т. А. Ван Дейк понимает термин «дискурс» как продукт в письменном или вербальном процессе коммуникации, создавшийся между говорящим и реципиентом.

Кроме Т. А. Ван Дейка, в 1990-е годы ряд учёных посвящают монографические исследования основам теории дискурса: В. Г. Борботько [2], В. И. Карасик [4], В. В. Красных [5], Ю. Н. Караулов, М. Л. Макаров, А. К. Михальская, Ю. Е. Прохоров, К. Ф. Седов [9], Е. И. Шейгал и др. Приведём несколько определений.

Так, В. Г. Борботько рассматривает понятие дискурса со стороны синтаксиса. По его мнению, дискурс – «это прежде всего комплексная единица, состоящая из последовательности предложений, находящихся в смысловой связи» [2, с. 5], что похоже на определение Т. А. Вана Дейка об узком смысле понятия дискурса, исследователь определяет его как «текст связной речи». Он считает, что дискурс представляет собой «речемыслительный процесс, приво-

дящий к образованию лингвистической структуры» [2, с. 6]. Со временем эта структура фиксируется в коммуникативной деятельности и становится основным способом осуществления мыслительного процесса.

С вышеупомянутым определением согласен В. И. Карасик, который, понимая дискурс как текст в ситуации реального общения, даёт более конкретные интерпретации с разных лингвистических позиций:

1) с точки зрения лингвистики дискурс является процессом живого вербального общения, который отличается от письменной речи каноническими характеристиками;

2) позиции социолингвистики дискурс – «это общение людей, рассматриваемое с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [4, с. 193-198]. Эта точка зрения как раз соответствует положению Т. А. Вана Дейка в широком смысле.

В. И. Карасик останавливается не только на вопросах дискурса, но и проецирует эту проблему на языковую личность, под которой понимается следующее: носителем языкового сознания является языковая личность. С одной стороны, каждый индивид имеет свою личность и, соответственно, с лингвистической точки зрения, обладает своими языковыми «привычками» и стереотипами общения. Это обусловлено тем, что человек может находиться в разных языковых средах, в которых он приобретает зафиксированные в языке структуры и способ коммуникативной деятельности. С другой стороны, языковая личность ребёнка различается тем, что у детей в раннем возрасте ограничена способность общения, использования устойчивых выражений, языкового сознания и т. д. При этом исследователь предполагает, что ребёнок на определённом этапе своего развития не имеет личностного начала по причине отсутствия обусловленных обществом характеристик: «Здесь следует принять во внимание этапы развития психики ребёнка, активную роль среды и

воспитателей в становлении личности» [4, с. 7]. Следовательно, проблема детского дискурса имеет динамический характер. При его изучении необходимо учитывать ряд факторов, например, возраст, степень развития психики ребёнка, влияние окружающей среды и т. п.

Именно по этой причине детский дискурс вызывает особый интерес у исследователей и ставит большое количество вопросов.

На лингвокультурное влияние обратила внимание В. В. Красных, которая рассматривает дискурс с учётом компонентов коммуникации. Можно разделять лингвокогнитивный подход к анализу коммуникации на две основные части: общелингвистический компонент и национально-детерминированный компонент. При первом изучаются все общие правила и факторы в коммуникативной деятельности.

При национально-детерминированном компоненте внимание обращается на выражение национальной специфики и культурной традиции в процессе общения.

К. Ф. Седов даёт более абстрактное определение термина дискурса: «Дискурс – объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально-значимого взаимодействия людей» [9, с. 8]. По его мнению, дискурс является многогранным феноменом, «стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия» [9, с. 8].

Мы согласны с К. Ф. Седовым, что дискурс имеет многосторонний характер. Можно сказать, что среди различных определений нет однозначно правильных или неправильных. Разные школы и сферы науки на основе объектов и предметов исследования рассматривают понятие дискурса с разных сторон, дают неодинаковые интерпретации.

В данной работе мы пытаемся выяснить понятие одной из составляющих частей дискурса – детский дискурс, его роль и взаимосвязь с общим дискурсом. При этом из вышеупомянутых толкований термина дискурса мы более поддерживаем определение В. И. Карасика, которое представляется нам наиболее рациональным и интересным.

ПОНЯТИЕ «ДЕТСКИЙ ДИСКУРС» В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА

Согласно мнению В. И. Карасика, изучая дискурс со стороны языковой личности (говорящего), необходимо учитывать её социокультурные факторы: «Типы языковых личностей выделяются по объективным статусным признакам – возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т. д.» [4, с. 10]. В данном случае, безусловно, дискурс ребёнка, у которого имеется особая возрастная специфика и определённый уровень образования, является одним из видов дискурса. Итак, те характеристики, которые выделяют личность ребёнка из остальных, также факторы, на которые необходимо обратить внимание при изучении детского дискурса.

Это подробно анализируется в работе А. Н. Приходько, который рассматривает дискурс с трёх основных сторон – собственно-языкового (форма), социокультурного (содержание) и коммуникативно-прагматического (функция) аспектов. Среди этих факторов самым главным является социокультурный. Он «задаёт рамки коммуникативно-прагматического устройства дискурса, с которым коррелируют режим и стиль общения» [7, с. 25], он действует на сам язык, на его форму. Разные социальные сообщества создают различные социокультурные среды, которые, в свою очередь, влияют на дискурс, используемый определённым сообществом.

Среди всех типов дискурсов А. Н. Приходько рассматривает детский дискурс, вместе с семейным дискурсом, молодёжным дискурсом и другими, в рамках бытового дискурса, потому что речь ребёнка рождается и развивается во время его становления в процессе восприятия и общения со взрослыми (родителями и учителями) [7]. По этой причине необходимо изучать детскую речь, учитывая социокультурный аспект. Однако социокультурный фактор представляет собой только один из решающих факторов. Как было сказано выше, не менее важно и психологическое состояние, которое соотносится с речевой деятельностью ребёнка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При исследовании понятия дискурса и детского дискурса можно получить вывод о том, что нет универсального определения термина дискурса, хотя существуют сходства между вариантами интерпретаций. Исследователи понимают данный вопрос по-разному, согласно сфере и предмету его исследования [1; 4; 8]. В данной работе излагаются несколько известных мнений по этой теме.

С позиции лингвистики дискурс является процессом живого вербального общения, который отличается от письменной речи с каноническими характеристиками.

С позиции социолингвистики дискурс представляет собой речевой продукт определённой группы людей, особой профессиональной сферы или типичной речевой ситуации.

Изучение отношений между детским дискурсом и дискурсом позволило сделать вывод о том, что можно изучить

дискурс с трёх основных сторон: собственно-языковой (форма), социокультурной (содержание) и коммуникативно-прагматической (функция).

Под влиянием социокультуры, дискурс можно подразделить на более конкретные группы, в том числе бытовой дискурс. Детский дискурс, вместе с семейным, молодёжным, любовным дискурсом, включается в бытовой дискурс. Это подчёркивает необходимость учёта влияния бытовой среды и социокультурных факторов на формирование языковой личности ребёнка при изучении детской речи [6].

С учётом изучения теоретических основ проблемы можно продолжить дальнейшее исследование темы детского дискурса, в частности, проанализировать его роль в художественных текстах, рассмотреть языковую личность ребёнка в разных лингвокультурах.

Статья поступила в редакцию 14.06.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атрощенко И. Г. Анализ определений понятия «дискурс» в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №12. Ч. 1. С. 26–31.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 4-е. М.: Либроком, 2011. 288 с.
3. Грунина Е. О. Языковая личность в зарубежной лингвистике // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XVII Всероссийской научно-практической конференций молодых ученых с международным участием. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. С. 80–85.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
6. Лопатина М. С. Влияние малых форм фольклора на развитие речи у детей раннего возраста // Ребёнок в языковом и образовательном пространстве: сборник материалов Всероссийской web-конференции с международным участием. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017. С. 321–325.
7. Приходько А. Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Выпуск 7. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. С. 22–30.
8. Самигулина Ф. Г., Данюшина Л. А. Детский дискурс как лингвокогнитивный феномен: монография. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. 204 с.
9. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции личности. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
10. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. Pp. 193–194.

REFERENCES

1. Atroshchenko I. G. *Analiz opredelenii ponyatiya «diskurs» v sovremennoi lingvistike* [Analysis of the definitions of the term "discourse" in the modern linguistics]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. The theory and practice]. Tambov: Gramota Publ., 2015, no. 12. Part 1, pp. 26–31.
2. Borbot'ko V.G. *Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinergetike*. [The principles of the discourse formation: From psycholinguistics to linguistic synergy]. Ed. 4th. Moscow, Librokom Publ., 2011. 288 p.
3. Grunina E. O. *Yazykovaya lichnost' v zarubezhnoi lingvistike* [Linguistic personality in foreign linguistics]. In: *Aktual'nye problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya: traditsii i innovatsii: sbornik statei XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of Russian and methods of its teaching: traditions and innovations: collection of papers of the 17th all-Russian scientific-practical conference of young scientists with international participation]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2018, pp. 80–85.
4. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
5. Krasnykh V. V. *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya.)* [Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communication.)]. Moscow, Dialog– Moscow State University Publ., 1998. 352 p.
6. Lopatina M. S. *Vliyaniye malykh form fol'klora na razvitiye rechi u detei rannego vozrasta* [The influence of minor forms of folklore on the development of speech in children of early age]. In: *Rebenok v yazykovom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik materialov Vserossiiskoi web-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. [Child linguistic and educational space: materials of all-Russian web conference with international participation]. Yelets: Yelets State Bunin University Publ., 2017, pp. 321–325.
7. Prikhod'ko A.N. *Taksonomicheskie parametry diskursa* [The taxonomic parameters of discourse]. In: *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyi al'manakh Stavropol'skogo otdeleniya RALK* [Language. Text. Discourse: Scientific almanac of the Stavropol branch RALK] / Under the editorship of Professor G. Manaenko. Issue 7]. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute Publ., 2009, pp. 22–30.
8. Samigulina F. G., Danyushina L. A. *Detskii diskurs kak lingvokognitivnyi fenomen: monografiya*. Rostov-on-Don, *Fond nauki i obrazovaniya* [The Foundation of science and education Publ.], 2014. 204 p.
9. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoi kompetentsii lichnosti* [Discourse and identity: the evolution of communicative competence of personality]. Moscow, Labirint Publ., 2004. 317 p.
10. Teun Van Dijk. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998, pp. 193–194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Луань Луань – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: luan.1993@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Luan Luan – Postgraduate Student at the Department of Russian Language and Methods of Teaching of philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: luan.1993@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Луань Луань. К уточнению содержания и семантического объёма терминов «дискурс» и «детский дискурс» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 51–56.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-51-56

FOR CITATION

Luan Luan. Children's Discourse in the System of Discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 51–56.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-51-56

УДК 808'51

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-57-64

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОММЕНТАТОРА-АНАЛИТИКА В ЖАНРЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ

Лягунова С. В.*Кубанский государственный технологический университет**350072, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. В статье рассмотрена языковая личность комментатора-аналитика, работающего в жанре спортивного комментария. Целью работы является изучение проявления языковой личности спортивного журналиста как комментатора-аналитика в жанре устного спортивного комментария на материале современных СМИ.

Процедура и методы исследования. Для описания структурно-семантических особенностей спортивного комментария использован структурный и семантический анализ; для выявления индивидуально-авторских особенностей конкретных спортивных комментаторов – сравнительно-сопоставительный анализ и описательный метод.

Результаты проведённого исследования. В статье представлены речевые характеристики спортивных комментаторов-аналитиков, произведён анализ текстов авторских комментариев конкретных журналистов. Описаны и проанализированы изобразительно-выразительные средства и лексико-стилистические приёмы, характерные для речи аналитика.

Теоретическая / практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в дальнейшей разработке теории языковой личности, проявляющейся в устном спортивном дискурсе, и типологии комментаторов, работающих в жанре спортивного репортажа. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для подготовки спортивных журналистов-комментаторов, а также для разработок учебных курсов по теории дискурса.

Ключевые слова: спортивный комментарий, языковая личность, комментатор-аналитик, телевизионный комментатор

LINGUISTIC PERSONALITY OF COMMENTATOR-ANALYST IN THE SPORTS COMMENTARY GENRE

S. Lyapunova*Kuban State Technological University**2 Moskovskaya ul., Krasnodar 350072, Krasnodar Region, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The article considers the linguistic personality of the “commentator-analyst” working in the genre of sports commentary. The purpose of the article is to study the manifestation of the linguistic personality of a sports journalist as a commentator in the verbal commentary.

Methodology and Approach. The relevance of the researched topic is determined by the interest of linguists in the problem of linguistic personality and its manifestations in the author's texts. The research methods in this paper are a structural and semantic analysis used to describe the structural-semantic features of sports commentary; comparative analysis and quantitative method for identifying individual author's features of specific sports commentators; the descriptive method for identifying the characteristics of individual linguistic personalities.

Results. The article presents the speech characteristics of sports commentators-analysts, analyzes the texts of the author's comments of specific journalists. It describes analyzes the figurative and expressive means and lexical-stylistic techniques characteristic of the analyst's speech.

Theoretical and Practical Implications. The theoretical significance lies in the development of theoretical issues that are very important for further research on the semantics and pragmatics of lexical, grammatical, and stylistic units that are used in sports discourse.

Keywords: sports commentary, linguistic identity, commentator analyst, television commentator

ВВЕДЕНИЕ

Острота проблем медиалингвистики может быть вызвана многими факторами, основным из которых является масштабность влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения, влекущего за собой глобальные «лингвистические изменения». Мы считаем, что подобное лингвистическое «давление» – это отпечаток языковых и речевых процессов демократизации как следствие положительных и негативных приёмов выражения мысли в речи СМИ.

ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ

Спортивный комментарий как самостоятельный медийный жанр, в соответствии с типологией масс-медийных текстов Т. Г. Добросклонской [6, с. 28-34], отличается следующими параметрами:

- текст СМИ (по каналу распространения),
- авторский (по способу производства),
- спортивно-аналитический (по тематической доминанте),
- публицистический (по функционально-жанровым особенностям),
- устный (по форме создания).

Спортивный комментарий является монологическим жанром, в котором личность автора получает языковое воплощение, он характеризуется целевой направленностью на массовую аудиторию [7, с. 42]. Целью статьи является изучение проявления языковой личности спортивного журналиста как «комментатора-аналитика» в жанре устного спортивного комментария на материале современных СМИ. Материалом исследования являются уст-

ные спортивные репортажи периода 2013–2018 гг. по хоккею с мячом, плаванию, синхронному плаванию таких комментаторов, как Д. Губерниев, Д. Панкратов, А. Карпов.

Модели речевых жанров разработала Т. В. Шмелева [14]. Важными составляющими модели автор считает такие параметры, как коммуникативная цель, образы автора и адресата, а также языковое воплощение речевого жанра.

Спецификой коммуникативной цели спортивного комментария как спонтанного, импровизированного, аналитического, развлекательного, информативного и оценочного компонента медийной речи является отсутствие целевого плана высказывания и проекта, определяющего всё речевое поведение говорящего в его репликах. Это ведёт к созданию новых и интересных для лингвистики речевых и языковых единиц, наполненных и, в некоторых случаях, переполненных оригинальными и уникальными изобразительно-выразительными средствами.

Экстравагантность комментария некоторых спортивных журналистов приводит к неизбежному влиянию, а иногда и к неосознанному давлению адресанта на адресата. Насыщенность речи комментатора приёмами демократизации (об этом см. в нашей ранее опубликованной работе [11]) может произвести некую «революцию» в языковом сознании и «подсознании» многочисленных зрителей различных спортивных событий – реципиентов этой речи.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Интенсивность языковых и речевых средств, ярко проявляющихся в устном комментировании, способствует фор-

мированию образа автора, его языковой личности (далее – ЯЛ). Исходя из особенностей образов разных авторов – спортивных тележурналистов, можно говорить о различных типах ЯЛ и их типологии.

ЯЛ рассматривается в работах Ю. Н. Караулова [9], В. И. Карасика [8], А. Н. Баранова, Г. И. Богина¹, С. Г. Воркачева, В. В. Красных, В. А. Масловой и многих других исследователей [2; 4; 13]. Теория ЯЛ является важной и перспективной не только для лингвистики, но и для других наук (психология, философия, лингвокультурология и т. д.). ЯЛ – это носитель языкового сознания, она существует в языковом пространстве, которое отражается в значениях языковых единиц и смыслах текстов, в стереотипах речевого поведения, в общении.

Одним из основоположников теории ЯЛ в первой половине 80-х годов был Г. И. Богин. Он представил ЯЛ как человека, который «присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь, языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать»². Родовое понятие в теории Г. И. Богина – «человек».

Ю. Н. Караулов определяет ЯЛ как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих речевые произведения (тексты)» [9, с. 3]. При определении и описании термина ЯЛ Ю. Н. Караулов ссылается на «конкретного говорящего».

В. В. Карасик утверждает, что ЯЛ может быть определена как «коммуникативная личность» в конкретных условиях общения, он выделяет «ценностный» (этические и утилитарные нормы поведения), «познавательный» и «поведенческий» аспекты ЯЛ, которые «взаимодополняют» друг друга [8, с. 5].

Неизбежная и необходимая взаимосвязь языка и личности [5, с. 8] в процессе

обслуживания коммуникативных нужд общества обусловлена рядом некоторых познавательных, мыслительных и коммуникативных составляющих. О них говорит С. В. Оленев [5, с. 9].

Образ адресата спортивного комментария коллективный, он не конкретизирован, состоит из массовой аудитории [3, с. 211-212].

ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА

Образ автора – это один из важнейших эффективных инструментов стилистического анализа речи. Мы считаем образ автора отражением его ЯЛ в тексте. Те или иные языковые черты, присущие ЯЛ и проявляющиеся в тексте, характеризуют индивидуальное авторское начало. «Психосоциальный мир» автора способен определять, насколько ЯЛ этого автора коммуникативно значима и готова к потенциальному коммуникативному действию в качестве адресанта. И. А. Бодуэн де Куртенэ ещё в 1910 году выделил четыре мира говорения и понимания, порождения речи и её восприятия: психический мир индивида (как носителя способности говорить), биологический и физиологический мир организма человека (участие в производстве речи), внешний физический мир (передача речевого сигнала), социальный (коммуникация между носителями языка) [1, с. 191-192]. Для спортивного комментария как жанра и для спортивного комментатора как ЯЛ, по нашему мнению, важными являются в первую очередь его психический и социальный миры.

Е. В. Иванцова выявила факторы, которые способны определить индивидуальность ЯЛ: возрастной и гендерный факторы, психологические факторы, факторы территории, образования и профессии³.

Е. Г. Малышева выделила 7 типов спортивных комментаторов: комментатор-«аналитик», «балагур», «ироник», «боле-

¹ Богин Г. И. Современная лингводидактика: учебное пособие. Калинин: Калининский государственный университет, 1980. 61 с.

² Богин Г. И. Современная лингводидактика: учебное пособие. Калинин: Калининский государственный университет, 1980. С. 3.

³ Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 58-70.

щик», «знаток», «актёр» и «репортёр» [12]. Взяв эту типологию за основу, мы уже проанализировали речевое поведение многих спортивных комментаторов [11], здесь же подробнее рассмотрим один тип, который, по нашим данным, встречается среди спортивных журналистов и комментаторов чаще всего. Это «аналитики».

КОММЕНТАТОР-АНАЛИТИК

Яркий пример спортивного комментатора-аналитика наших дней – **Дмитрий Губерниев**. При индивидуальной и совместной с коллегами комментаторской работе Д. Губерниев часто оперирует профессионализмами, «спортивными» эпитетами и метафорами (*Под занавес мы уже обратили внимание на рассинхрон*). Журналист является бывшим спортсменом, а потому его речь профессионально ориентирована. Даже в случае «эмоциональных всплесков» комментатор «держит себя в руках», соблюдая субординацию и «контроль над собой»; уважительно и тактично обращается к своим коллегам (*Сегодня с утра мы с Татьяной Николаевной Покровской комментировали*), называет спортсменов официально, хотя и употребляет краткие варианты личных имён, но редко и только тогда, когда это допустимо: *Абсолютная рекордсменка по задержке дыхания – Света Ромашина; Света, вот это да!*

Д. Губерниев использует сложноподчинённые предложения для сравнения и пояснения (*чем..., тем...*), а также назывные односоставные и двусоставные предложения с именными сказуемыми. В спортивных комментариях Губерниева вводные слова и конструкции употребляются, по сравнению с другими комментаторами, тексты которых мы проанализировали, довольно редко. Умышленно пропускаются слова и словосочетания для более эмоциональной окраски речи (*Уже в условиях гипоксии – тяжелейшая работа!; За всю историю – 4 с лишним минуты!*), высказывания насыщены однородными членами предложения; используются срав-

нительная и превосходная степени имён прилагательных. Пассивные конструкции помогают обогатить речь, привнося в неё «усиливающий эффект».

В комментариях, несмотря на сдержанность и «непредвзятость» речи (базовой лексикой является профессиональная спортивная) журналиста, присутствует обиходно-бытовая эмоциональная лексика (*Ну, девочки держатся по-боевому, силы, конечно, на исходе уже*), что допустимо, так как комментаторы говорят в разговорном стиле мастерски и «негрубо». Речь Д. Губерниева очень деликатна, что не исключает шуток, которые «сглаживают шероховатость» и уstraняют «сухость» высказываний: *Кстати, Вирджиния Вивьен выступала без «прищепки на носу»!* Д. Губерниев соперничает, сочувствует спортсменам и старается поддерживать их.

Д. ПАНКРАТОВ

Комментатором-«аналитиком» является и Денис Панкратов. Он акцентирует внимание на различных деталях и прогнозирует вероятный «исход спортивных событий», используя в своей речи профессионализмы, вводные слова, метафоры, эпитеты: *Антон Чупков не очень любит короткую воду, готовится к длинной воде; Любопытный нас финиш ожидает*. Он употребляет и сравнения, «англицизмы», устойчивые выражения: *Где-то может завязаться борьба, как минимум, за попадание в финал*.

Грамматической особенностью речи Панкратова является употребление форм первого лица множественного числа, что приобщает адресата к происходящему и вызывает у телезрителя ощущение «личной причастности» к событию: *Ну, а теперь второй полуфинал, в котором будет выступать Юлия Ефимова, ждём, надеемся; Ну, давайте, погрузимся в статистику коррекционных нормативов*.

Д. Панкратов использует формы пассивного залога глаголов: *Красных и Малютин отобрались в Китай с выполнением нормативов*. Однако комментатор допускает

стилистические (Результаты Жванецкой бросали тень на превосходство Кристины Гиришеге), грамматические (Но смотрите, получается, то ли с возрастом, то ли какие-то корректировки и подготовки) и лексические ошибки (Они уже на этапах кубка мира выполнили нормативы для попадания в сборную и, соответственно, здесь не появятся по причине ненужностей). Возможно, одни из них употребляются умышленно (Она ещё юниорка, и ещё в этом сезоне защищает честь страны на юниорском уровне – намеренный повтор слова), наличие других абсолютно случайно. Подобная демократизация может быть вызвана ускоренным темпом речи, а также спонтанностью и эмоциональной насыщенностью такого вида спорта, как одиночное плавание.

А. КАРПОВ

Ещё одним примером спортивного журналиста-«аналитика» может служить Алексей Карпов. В процессе комментирования спортивного события он неоднократно представляет слушателям и зрителям подробности всего происходящего. Автор называет детали, которые касаются спортсменов и других участников: Я обратил внимание, что у одного из судей фамилия – Шакиров; Да, ну вот сейчас, закрытый оскольчатый перелом третьей левой ключицы со смещением. Срок восстановления, примерно, 2 месяца первого номера сборной России; Хотел обратить внимание на него, потому что дебютировал в прошлом матче на лиге, сыграл на 0, а в матче с «Байкалом» это хороший такой показатель.

Выдержанность (и даже сдержанность), рациональность и интеллигентность речи А. Карпова отражается в многочисленных клише, вводных словах, устойчивых выражениях: Ну, пока **намерения** у «Енисея» **не самые серьёзные...**; В двух предыдущих встречах «Строитель» пропускал неизменно **быстрый гол**. Однако проявляются в комментариях и «эмоциональные всплески» (уменьшительно-ласкательные слова, лексические повторы, просторечия): Вот

сейчас! Секундочку, секундочку! Вот уже опасный момент!; Там, да, вратарь был, но **какой вратарь спасётся, когда твои ворота расстреливают?**

В большинстве случаев Карпов старается описать игру максимально достоверно, в исключительных случаях проявляет некоторую эмоциональную «слабость», либо сочувствуя и сопереживая героям события (Такую игру он даже в матче со «СКА» не показывал, первые минуты были **абсолютно безнадёжными и беспросветными**; Обидно, на самом деле, прошу нас понять. Вторую игру уже смотрим, где «Строители» проигрывают), либо шутя и иногда насмехаясь над ними (ирония, риторический вопрос, сравнение, шутка): Вот Мильбихузин забил. Кто сегодня только у «Байкала» не забивал?! Он хоккеист иркутского клуба. Довольно высоко-рослый хоккеист... На самом деле, весёлый такой, позитивный парень.

Журналист прогнозирует возможные исходы события, проявляет беспокойство за игроков и болельщиков, недовольство игрой, показывает в речи разочарование или радость, надежду или отчаяние, он не безучастен к жизни в мире этого вида спорта: Мне вот, честно, жалко Максима Шакирова. Я смотрю. Просто прекратите мучения человека... Максима уже, реально, жалко...; Что делать болельщикам оставшиеся 40 минут под проливным дождём, я не знаю. А. Карпов использует в своей речи многочисленные обращения, вводные слова и конструкции, называет зрителей **дорогими** и общается с коллегами «на Вы», говорит не только от своего лица, но и от лица коллег (**мы**), проявляя уважение ко всем своим собеседникам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, спортивный комментарий – это самостоятельный медийный жанр, отличающийся целым рядом характеристик [15]:

- его субъектом является автор – комментатор (рассказчик);

- объектом – спортивное мероприятие (игра, соревнование, показательные выступления и проч.);

- продуктом – устный публицистический спортивно-аналитический авторский текст;

- адресант – коллективный массовый слушатель, кардинально различающийся по многим признакам (пол, возраст, образование, место жительства, род занятий, социальное положение и проч.), объединённый (в той или иной степени) любовью / интересом к спорту вообще и определённого виду спорта (соревнований) в частности.

Речь спортивного комментатора включает спонтанный, импровизированный, аналитический, развлекательный, информативный, оценочный и другие компоненты.

В спортивном комментарии проявляется личность автора, её языковое воплощение [10]. Образ автора – это отражение

в тексте его ЯЛ. Языковая личность «комментатора-аналитика», работающего в жанре спортивного комментария, отличается рядом специфических черт, таких как:

- профессиональные знания, проявляющиеся в анализе происходящего спортивного зрелища, употреблении профессионализмов и спортивного сленга, быстрая реакция, оценка;

- заполнение пауз и «пустот» сообщением дополнительной информации, сведений об участниках соревнований и т. п.;

- эмоциональность, чувство юмора, знание речевых клише, фразеологизмов и умение их творчески трансформировать.

Несмотря на общее сходство, комментаторы-аналитики отличаются индивидуальными особенностями речи, в которой и проявляется их языковая личность.

Статья поступила в редакцию 09.12.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М.: Академия наук СССР, 1963. Т. 1. 384 с.; Т. 2. 391 с.
2. Болотнов А. В. Отражение интеллектуального субстиля публичной языковой личности в дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 202–210.
3. Болотнова Н. С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №1. С. 211–215.
4. Болотнова Н. С. Публичный дискурс языковой личности как отражение одной из медийных коммуникативных универсалий (на материале передачи «Без купюр») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. №3. С. 113–119.
5. Оленев С. В. Аспектирующие и синтезирующие (системные) подходы к изучению языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия: коллективная монография / Ред.: Голев Н. Д., Мельник Н. В. М.: Ленанд, 2016. Ч. 2. С. 7–27.
6. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: Теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. №2. С. 28–34.
7. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 274 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Караулов Ю. Н., Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. акад. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3–11.
10. Куранова Т. П. Индивидуально-авторские метафоры в телевизионном спортивном репортаже // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №2. С. 78–83.
11. Лягунова С. В. О типологии языковой личности спортивных комментаторов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Т. 4 (70). №4. 2018. С. 170–186.
12. Малышева Е. Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе // Медиаскоп. 2011. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/767> (дата обращения: 07.11.2019).
13. Тарасова М. С. Роль языковой личности в дискурсе СМИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №1. С. 41–50.
14. Шмелёва Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фак-

тор стабильности государства и нравственного здоровья нации: труды и материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции 30 сентября – 2 октября 2010 г.: в 2-х ч. Тюмень: Мандр и К°, 2010. Ч. 2. С. 207–215. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utmn.ru/docs/3243.pdf> (дата обращения: 03.11.2019).

15. Andrews Ph. *Sports Journalism: A Practical Introduction*. L., Sage, 2005. 180 p.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay J. *Izbrannye trudy po obshemu yazykoznaniyu* [The selected works on the general linguistics]. In 2 volumes. Moscow, *Akademiya nauk SSSR* [Academy of Sciences of the USSR Publ.], 1963. Vol. 1 (384 p.) – Vol. 2 (391 p.).
2. Bolotnova A. V. *Otrazheniye intellektual'nogo substilya publichnoi yazykovoi lichnosti v diskurse* [The reflection on the intellectual substyle of a public linguistic personality in discourse]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2014, no. 3, pp. 202–210.
3. Bolotnova N. S. *O nekotorykh zhanrovo-stilisticheskikh osobennostyakh bloga v aspekte regulativnosti* [On some genre and stylistic features of the blog in the aspect of regulativity]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State pedagogical university], 2012, no. 1, pp. 211–215.
4. Bolotnova N. S. *Publichnyi diskurs yazykovoi lichnosti kak otrazheniye odnoi iz mediynykh kommunikativnykh universalii (na materiale peredachi «Bez kupyur»)* [The public discourse of the linguistic identity as media communicative universals (on the transfer material "Uncut")]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State pedagogical university], 2017, no. 3, pp. 113–119.
5. Olenov S. V. *Aspektiruyushchie i sinteziruyushchie (sistemnye) podkhody k izucheniyu yazykovoi lichnosti* [Aspect and synthesis (system) approaches to the study of language personality]. In: *Yazykovaya lichnost': Modelirovaniye, tipologiya, portretirovaniye*. Sibirskaya lingvopersonologiya: kollektivnaya monografiya [The linguistic identity: Modeling, typology, portreting. Siberian Linguistic Personology: collective monograph]. Ed.: Golev N. D., Melnik N. V. Moscow, Lenand Publ., 2016. Volume 2, pp. 7–27.
6. Dobroklonskaya T. G. *Mediatekst: Teoriya i metody izucheniya* [Mediatext: The Theory and methods of studying]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow university. Series 10: Journalism], 2005, no. 2, pp. 28–34.
7. Duskayeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogical nature of newspaper speech genres] / under the editorship of M. Kozhina. 2nd edition, revised and expanded. Saint Petersburg, *Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philological faculty of Saint Petersburg State University Publ.], 2012. 274 p.
8. Karasik V. I. *Yazykovoi lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, *Peremena Publ.*, 2002, 477 p.
9. Karaulov Yu.N., Krasnilnikova E. V. *Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya* [Russian language personality and tasks of its study]. In: *Language and identity / Akademiya nauk SSSR, Institut russkogo yazyka* [Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian language]; Executive Editor Academician. D.N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–11.
10. Kuranova T. P. *Individual'no-avtorskiye metafory v televizionnom sportivnom reportazhe* [The individual author's metaphors in the sportscast]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsk philological Bulletin], 2018, pp. 78–83.
11. Lyagunova S. V. *O tipologii yazykovoi lichnosti sportivnih kommentatorov* [On the typology of linguistic identity sportscasters]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [Scientific notes of the Vernadsky Crimean federal university]. Philological sciences. Volume 4 (70), no. 4, 2018, pp. 170–186.
12. Malysheva Ye. G. *Diskursivnaya yazykovaya lichnost' v russkom sportivnom diskurse* [The discursive linguistic identity in Russian sports discourse]. In: *Mediascope Publ.* [Electronic resource]. 2011, no. 1. Available at: f (accessed: 07.11.2019).
13. Tarasova M. S. *Rol' yazykovoi lichnosti v diskurse SMI* [The role of language personality in media discourse]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 1, pp. 41–50.
14. Shmeleva T. V. *Avtorskoye nachalo v stilistike mediinogo teksta* [The author's beginning in stylistics of the media text]. In: *Russian language as a factor of stability of the government and mental health of a nation: works and materials of the Second Russian scientific and practical conference 30 September – 2 October 2010: in 2 parts*. Tumen, Mandr and K° Publ., 2010. Part 2, pp. 207–215. [Electronic resource]. Available at: <http://www.utmn.ru/docs/3243.pdf> (accessed: 11.03.2019).
15. Andrews Ph. *Sports Journalism: A Practical Introduction*. L., Sage, 2005. 180 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лягунова Светлана Витальевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и спорта Кубанского государственного технологического университета;
e-mail: stefy91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Lyagunova – senior teacher at the Department of the Humanities, and sports, Kuban State Technological University;
e-mail: stefy91@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лягунова С. В. Языковая личность комментатора-аналитика в жанре спортивного комментария // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 57–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-57-64

FOR CITATION

Lyagunova S. V. Linguistic Personality of Commentator-analyst in the Sports Commentary Genre. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 57–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-57-64

УДК 811.161.1'06

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-65-74

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Тихонова Е. Н.*Московский политехнический университет**107023, г. Москва, Б. Семёновская ул., д. 38, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью статьи является рассмотрение основных вопросов грамматики и семантики категории вида русского глагола, без опоры на которые невозможно разработать методику её преподавания студентам-иностранцам.

Процедура и методы исследования. Основное содержание исследования составляет анализ таких проблем аспектологии, как грамматическая семантика совершенного и несовершенного вида, общие и частные значения видов, видовые пары как грамматические формы одного глагольного слова, взаимосвязь категории вида с другими категориями глагола. Обобщается практический опыт преподавания видов глагола, являющихся одной из самых сложных для изучения тем русской грамматики. В ходе исследования применялись следующие методы: описательный, аналитико-синтетический, сравнительный, количественный анализ.

Результаты проведённого исследования. По итогам исследования автором сделаны выводы о том, что преподавание видов иностранным студентам должно строиться на парных по виду глаголах; обучающиеся должны усвоить не только формальные признаки видов, но и понимать их семантические особенности.

Теоретическая / практическая значимость заключается в обобщении ряда дискуссионных вопросов аспектологии с точки зрения методики преподавания видов. Предложены образцы упражнений, позволяющих сформировать навыки употребления видовых пар глаголов.

Ключевые слова: глагол, аспектология, категория вида, совершенный вид, несовершенный вид, видовые пары, русский язык как иностранный

GRAMMATIC AND SEMANTIC FEATURES OF THE ASPECT OF THE VERB IN STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E. Tikhonova*Moscow Polytechnic University**38 B. Semenovskaya ul., Moscow 107023, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to consider the main issues of grammatic and semantic features of the aspect category of the Russian verb, without which it is impossible to develop a methodology for teaching it to international students.

Methodology and Approach. The main content of the study is the analysis of such problems of aspect as the grammatical semantic of the perfective and imperfective aspect, general and particular meanings of aspect, the aspectual pairs as grammatical forms of the verb, connection of the aspectual category with other verbal categories. The practical experience of teaching the aspectual category, which is one of the most difficult to study in Russian grammar, is summarized. The descriptive method, analytical and synthetical methods, comparative methods, methods of quantitative analysis are used.

Results. According to the results of the study, the author concluded that the teaching of aspect to international students should be based on the aspectual verbs pairs; students must learn not only the formal characteristics of aspect but also to understand semantic features of it.

Theoretical and Practical Implications consists of summarizing a number of debatable issues of aspectology from the point of view of teaching methods. Examples of exercises are proposed that allow forming skills of using aspectual verbs pairs.

Keywords: verb, aspectology, category of aspect, perfective aspect, imperfective aspect, aspectual verbs pairs, Russian as a foreign language

Вид является важнейшей специфической категорией русского глагола. Академик В. В. Виноградов писал: «Категория вида лежит в основе большей части процессов внутриглагольного формообразования и словообразования. Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем других категорий глагола. Но его рисунок нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий» [5, с. 393]. В русском языке нет ни одной глагольной формы, которая была бы вне системы видов, не обладала бы видовым значением. Именно от видового значения глагола зависит возможность или невозможность образования форм времени, а также причастий и деепричастий. По мнению А. В. Бондарко, в русском языке грамматическая категория вида занимает центральное место среди средств выражения аспектуальных отношений [18, с. 42]. Категории вида посвящены работы таких учёных, как Н. С. Авилова [1], А. В. Бондарко [3; 18], Л. Л. Буланин [3], А. В. Исаченко [6], С. А. Карпухин [7], Ю. С. Маслов [9], И. П. Мучник [11], Е. В. Падучева [14; 15], А. Н. Тихонов [19], М. Ю. Черткова [22] и др., однако многие вопросы, связанные с глагольным видом, так и не имеют однозначного решения [8; 17].

Виды глагола – одна из самых сложных тем русской грамматики. Во многих исследованиях, посвящённых преподаванию русского языка как иностранного, подчёркивается трудность усвоения глагольного вида студентами-иностранцами, так как данная категория может отсутствовать в их родных языках [2; 4; 12; 13; 23]. В методике обучения категории вида русского

глагола оптимальным считается функционально-семантический подход с учётом грамматических форм выражения видовых значений [12; 13]. Однако многие вопросы, возникающие при изучении видов русского глагола, остаются нерешёнными. В связи с этим целью нашей статьи является краткое описание важнейших грамматических и семантических особенностей категории вида, без опоры на которые невозможно разработать методику её преподавания студентам-иностранцам. Актуальность поставленной цели определяется тем, что многие центральные проблемы аспектологии, имеющие непосредственное отношение к методике преподавания, до сих пор являются дискуссионными.

Для методики преподавания русского языка как иностранного чрезвычайно важной является проблема грамматического содержания глагольного вида. Академик В. В. Виноградов определял основную функцию совершенного вида как «ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе» [5, с. 409]. Для несовершенного вида, по мнению академика В.В. Виноградова, характерно «обозначение действия в его течении, не стеснённое мыслью о пределе процесса в целом» [5, с. 409]. Таким образом, грамматическим содержанием глагольного вида является отношение к внутреннему «пределу действия» [5, с. 409].

Однако в практике преподавания нередко встречается определение грамматической семантики глагольного вида через понятие «законченности / незаконченности действия». А. В. Исаченко писал: «В

понятии «законченности» стирается также грань между временными и чисто видовыми семантическими элементами: ведь о «законченности» можно говорить только применительно к формам прошедшего времени (совершенного вида) типа *он сказал, он написал* [6, с. 134]. Такие глаголы совершенного вида, как *застучать, поползти* и др., не обозначают законченности. Формы будущего времени совершенного вида *прочитаем, запишем, открою* и др. обозначают действие, которое не осуществлено, и это противоречит понятию «законченность». При этом глаголы прошедшего времени несовершенного вида могут выражать законченность действия: *рассказывал, приезжал, подписывал* и др. Поэтому при изучении видов глагола термины «законченность / незаконченность действия» не должны использоваться.

Более удачным, хотя и не во всех случаях, представляется использование терминов «результативность» – по отношению к совершенному виду – и «нерезультативность» – к несовершенному виду. Наиболее отчетливо значение результативности выражается в сочетаниях глаголов совершенного вида с прямым объектом: *построить дом, написать письмо* и др. Однако многие глаголы совершенного вида в силу своей семантики не обозначают результата: *подумать, порисовать; завять, задрожать* и др. И наоборот, формы несовершенного вида могут обладать значением результативности: *Как только прекращался дождь, дети выходили на прогулку.*

Итак, наиболее точным является определение грамматической семантики вида через понятие «предела действия».

Основу категории вида составляют парные по виду глаголы. А. Мейе писал: «Особенностью славянских языков является наличие системы глагольных пар» [10, с. 228]. В исследованиях М.Ю. Чертковой получены данные о соотношении парных и непарных по виду глаголов – 97% : 3%, что «позволяет сделать вывод о тенденции развития категории вида в современном русском языке по пути универсализации

видового противопоставления во всём объёме глагольной лексики» [22, с. 134].

Однако отнесение видовых пар глагола к словообразованию или формообразованию является дискуссионным вопросом. В академической Русской грамматике 1980 г. [16] они рассматриваются как два самостоятельных глагола, находящихся в отношениях словообразовательной мотивации [16, с. 584]. Однако главным критерием видовой парности глаголов является их семантическая (лексическая) тождественность при дифференциации видовых значений (совершенный / несовершенный вид). Исходя из этого видовую пару следует рассматривать не в рамках словообразования, а как грамматические формы одного и того же глагола. Помимо семантической общности, парные по виду глаголы взаимообусловлены и противопоставлены друг другу на грамматическом уровне: один глагол – совершенного вида, другой – несовершенного. Нельзя не согласиться с мнением А. Н. Тихонова, который писал: «Члены видовых пар органически взаимосвязаны и функционируют как разные морфологические представители одной словесной единицы. Они взаимно дополняют друг друга и только вместе образуют полную парадигму глагольного слова» [19, с. 160-161].

Семантическая и грамматическая общность членов видовых корреляций определяет важное требование к методике преподавания данной темы иностранным студентам, которое заключается в том, что процесс обучения основывается на парных по виду глаголах. Видовые пары должны быть представлены в одном контексте, что подчёркивает их взаимосвязь и взаимообусловленность: *Студенты выполняют задание. – Студенты выполнили задание. Брат входит в комнату. – Брат вошёл в комнату.*

Видовым парам глаголов следует уделять внимание на протяжении всего периода обучения, при изучении любого материала – лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса. Можно использовать для этого не только занятия по русскому языку. Работу над видовыми парами

возможно проводить при чтении художественной литературы, в процессе внеаудиторных мероприятий, экскурсий и в любых других речевых ситуациях.

Так, при изучении категории времени глагола целесообразно использовать противопоставления: *Я читаю книгу. – Я буду читать книгу. Я читал книгу. – Я прочитаю книгу. – Я прочитал книгу. Я читаю книгу. – Я прочитал книгу* и т. п. Если значение времён не изучать в таких противопоставлениях, то студенты не научатся их правильно употреблять, так как системы времён и видов тесно связаны. Указанные конструкции можно усложнять введением обстоятельственных слов, например: *каждый день, редко, часто, иногда, никогда, вдруг, неожиданно* и т. п.

При изучении морфемки и словообразования необходимо обращать внимание на наиболее продуктивные способы образования видов, такие как перфективация с помощью чистовидовых префиксов *по-, с-, за-, на-, про-, вы-* и др., имперфективация с помощью суффиксов *-ива- (-ыва-), -а- (-я-), -ва-*, образование глаголов совершенного вида при помощи суффикса *-ну-* и др.

При изучении наречий следует обратить особое внимание на сочетаемость видовых форм с различными группами наречий. Можно сообщить обучающимся, с какими группами наречий сочетаются только глаголы совершенного или несовершенного вида, а с какими могут сочетаться глаголы обоих видов. Например, наречия, обозначающие непрерывающуюся деятельность (*всегда, непрерывно, постоянно* и др.), нерегулярную повторяемость действия (*иногда, временами, время от времени* и др.), регулярную повторяемость действия (*ежедневно* и др.) сочетаются обычно с глаголами несовершенного вида. Наречия, обозначающие мгновенность, быстроту осуществления действия (*вдруг, неожиданно* и др.), обычно сочетаются с глаголами совершенного вида. При изучении этой темы можно выполнить упражнения:

Упражнение 1. Используя глаголы нужного вида, составьте предложения с данными ниже наречиями.

Образец: *Брат иногда берёт меня с собой на рыбалку. Вдруг подул сильный ветер и начался дождь.*

Внезапно, вдруг, неожиданно, тотчас, всегда, изредка, временами, иногда, ежедневно.

Упражнение 2. Используя глаголы нужного вида, составьте предложения с данными ниже словами и словосочетаниями.

Образец: *Каждое утро я делаю зарядку.*

1. *Каждый год, каждый месяц, каждую неделю, каждый день, каждый вечер.*

2. *Временами, годами, вечерами.*

По вечерам, по воскресеньям.

Редко, часто, иногда.

Изучение видов взаимосвязано с закреплением знаний о сказуемом, особенно составном глагольном. Особое внимание следует уделить сочетаемости глаголов несовершенного вида с фазисными глаголами и невозможности сочетаемости с ними глаголов совершенного вида, например: *начну читать, продолжаю читать, закончил читать* и т. д. Можно рекомендовать выполнение следующих упражнений:

Упражнение 1. Вставьте глагол нужного вида в неопределённой форме.

1. *Сестра начала (мыть – вымыть) посуду.* 2. *Преподаватель продолжает (объяснить – объяснять) новую тему.* 3. *В зале погасили свет и стали (показать – показывать) кинофильм.*

Упражнение 2. Объясните смысловую разницу между предложениями. Чем выражено это смысловое различие?

1. *Я начал рассказывать друзьям интересную историю. – Я начинал рассказывать друзьям интересную историю.* 2. *Когда я закончу читать стихотворение, мы его будем анализировать. – Я уже заканчиваю читать стихотворение. Теперь мы его проанализируем.*

При изучении составного глагольного сказуемого надо работать также над употреблением вида в сочетаниях инфинитива со словами категории состояния (безлично-предикативными словами), имеющими модальное значение. Некоторые из них сочетаются с инфинитивами совершенного вида (*должен сообщить, нужно уехать* и

т. д.), а при наличии отрицания – с инфинитивами несовершенного вида (*не должен сообщать, не нужно уезжать* и т. д.). После глаголов *привыкнуть, надоест, научиться, устать, запретить* и др. всегда употребляется инфинитив несовершенного вида (*надоело ждать, научился плавать* и т. д.). И наоборот, глаголы *удалось, успел, забыл* и др. сочетаются с инфинитивом совершенного вида (*удалось купить, успел рассказать* и т. д.).

Усвоению этого материала может способствовать выполнение следующих упражнений:

Упражнение 1. Составьте предложения со словами *надо, нужно, должен (должна, должны), необходимо*, употребив их с инфинитивом и прямым дополнением.

Образец: *Мне надо сдать отчёт завтра. Тебе нужно полить цветы на следующей неделе.*

Упражнение 2. Составьте предложения со словами *не следует, не надо, не должен, не нужно*, употребив их с инфинитивом и прямым дополнением.

Образец: *Мне не надо сдавать отчёт завтра. Тебе не нужно поливать цветы на следующей неделе.*

Упражнение 3. Составьте предложения со словами *устал, запретил, научился, надоело*, сочетая их с неопределённой формой нужного глагола.

Образец: *Летом я научился плавать.*

Упражнение 4. Составьте предложения со словами *удалось, успел, забыл*, сочетая их с глаголами в неопределённой форме.

Образец: *Сестра забыла купить хлеб.*

Необходимо обратить внимание обучающихся на употребление видов в повелительном наклонении с отрицательной частицей *не*. Формы несовершенного вида в повелительном наклонении с частицей *не* обозначают приказ, просьбу (*не кричи, не прыгай* и т. д.). Формы совершенного вида в повелительном наклонении с частицей *не* обозначают предостережение (*не крикни, не прыгни* и т. д.). Формы несовершенного вида с отрицанием выражают также категорический приказ: *Не двигаться!* Для выражения категорического приказа ис-

пользуются инфинитивы обоих видов без отрицания: *Встать! Молчать!*

Уже на начальных этапах обучения русскому языку иностранные студенты должны знать, что цепочка однородных сказуемых обычно состоит из глагольных форм одного и того же вида. При этом глагольные сказуемые совершенного вида обозначают последовательность завершённых действий (*Умылся, оделся, позавтракал...*). Цепочка глаголов несовершенного вида обозначает одновременность действия (*Умывался, одевался, завтракал...*).

При изучении сложных предложений, особенно с придаточными времени, условия, цели и др., необходимо научить студентов правильно конструировать предложения, выражающие одновременность и последовательность действий. Например: *Когда я написал сочинение, учитель подошёл ко мне* (совершенный вид – выражена последовательность действий); *Когда я писал сочинение, учитель подходил ко мне* (несовершенный вид – выражена одновременность действий).

При подборе видовых пар глаголов для активного словарного запаса обучающихся надо исходить из лексических минимумов, лексики учебников по русскому языку и книг для чтения, а также учитывать слова, необходимые для коммуникации, даже если они не представлены ни в словарях-минимумах, ни в учебниках.

На продвинутом этапе обучения возникает больше возможностей для работы над семантикой видов. Эта работа основывается на том, что студенты-иностранцы уже более или менее свободно конструируют различные типы простых и сложных предложений, при этом овладевая правилами сочетаемости видов с другими словами, и наоборот, изучение видов, в свою очередь, облегчает усвоение закономерностей сочетаемости русских слов при построении синтаксических конструкций.

В процессе обучения иностранные студенты должны не только получить необходимые сведения о формальных признаках видов, но и глубоко усвоить их семантические особенности. Понимание смысло-

вых различий между видами обеспечивает правильное использование видовых форм глаголов в речи.

Каждый вид обладает общими и частными значениями. Как уже отмечалось, общее значение совершенного вида – обозначение внутреннего предела действия, а общее значение несовершенного вида – обозначение действия в длительности, в процессе его осуществления. Общие значения видов присущи им всегда, в любом употреблении, однако степень их проявления может колебаться в различных грамматических формах. Общие значения реализуются в частных значениях при конкретном употреблении видовых форм глаголов. Учение об общих и частных значениях вида разработано А. В. Бондарко и Л. Л. Буланиным [3, с. 52–61].

Частные значения видов в системе языка и речи занимают различное положение, поэтому у них не совпадает частотность употребления. Так, у глаголов несовершенного вида конкретно-процессное значение (*Целый день готовился к экзамену*), значение повторяемости действия (*Каждую субботу хожу в кино*), обобщённо-фактическое значение (*Сестра хорошо танцует*) встречаются чаще, чем другие. Некоторые частные значения видов характерны лишь для небольших семантических групп глаголов. Например, постоянно-непрерывным значением (*Вдали чернеет лес*) обладают только глаголы отношения, состояния, перехода в состояние, а также глаголы, обозначающие действие, которое может мыслиться в своём развитии: *иметь, цвести, вытекать, впадать, чернеть, зеленеть, болеть* и т. п.

Самым употребительным значением совершенного вида является конкретно-фактическое (*Студент выполнил домашнее задание*). По частотности употребления за ним следует суммарное значение совершенного вида (*Несколько раз поскользнулся и упал*). Наглядно-примерное (*Как всегда, встану рано, оденусь, поеду на работу*) и потенциальное значения совершенного вида (*Есть случаи, о которых не забудешь*) встречаются редко и стилистически огра-

ничены. Такие значения должны изучаться лишь на продвинутом этапе обучения русскому языку, когда студенты достаточно хорошо овладеют системой видов и времён и смогут воспринимать употребление грамматических форм в переносном значении.

Исходя из неодинаковой частотности употребления различных видовых значений, стилистической ограниченности некоторых из них, различной коммуникативной значимости частных значений видов, следует дифференцированно подходить к их изучению. Больше внимания необходимо уделять частновидовым значениям, которые встречаются чаще и являются наиболее важными в коммуникативном отношении. Главное внимание при изучении семантики видов русского глагола целесообразно сосредоточить на следующих частновидовых значениях: при изучении несовершенного вида – на конкретно-процессном значении и значении повторяемости действия (по мере усвоения этих значений и на базе первого значения – конкретно-процессного – можно вводить и более абстрактное, обобщённо-фактическое значение несовершенного вида); при изучении совершенного вида – на конкретно-фактическом и суммарном значениях.

Реализация видовых значений в конкретной речевой ситуации зависит от целого ряда факторов: коммуникативных установок, задач говорящего и собеседника, от того, что они хотят передать друг другу. В зависимости от этого говорящий выбирает глагол совершенного либо несовершенного вида. Например: *Вчера Иван позвонил мне и поздравил с праздником*. Говорящий сообщает, что произошло в конкретном случае, и в соответствии с этим выбирает глагол совершенного вида. При изменении коммуникативного намерения тот же факт может быть представлен формой несовершенного вида, например: – *Иван звонил тебе?* – *Да, звонил вчера, поздравлял с праздником*.

От коммуникативной направленности ответной реплики диалога также зависит выбор вида. Сравните: 1) – *План работы*

кафедры утвердили вчера на заседании?
– Нет, не утвердили. 2) – *План работы кафедры утвердили вчера на заседании?*
– Нет, не утверждали. Оба диалога соответствуют нормам русского языка. Однако они выражают разное содержание: в первом диалоге сообщается, что план не сочли возможным утвердить, отклонили; во втором – что это действие не происходило.

Употребление видов глагола нередко обусловлено другими грамматическими категориями, такими как время, наклонение, залог, которые прочно связаны в своём функционировании с категорией вида и влияют на её семантику. Вызвано это тем, что любой глагол в своём употреблении одновременно выражает целый комплекс грамматических значений – вид, время, наклонение, переходность / непереходность, залог, лицо, число. Это создаёт условия для контаминации грамматических значений, в результате чего может быть ограничено употребление глагольной словоформы или её семантика будет трансформирована.

Одни грамматические значения глаголов взаимодействуют очень тесно, другие сохраняют относительную самостоятельность. В значительной степени взаимосвязаны вид и время глаголов. Как известно, глаголы несовершенного вида имеют полную парадигму времени (*читал – читаю – буду читать*), а формы совершенного вида – неполную парадигму времени (*прочитал – прочитаю*), не имеют настоящего времени.

Взаимосвязь этих категорий проявляется также в том, что употребление видов зависит от семантики глагольного времени. Например, преимущественно в прошедшем времени реализуется такое значение несовершенного вида, как констатация факта действия (*решил, отвечал*). При этом в прошедшем времени редко реализуется наглядно-примерное значение, свойственное совершенному виду. Как правило, для реализации этого частновидового значения требуются формы простого будущего времени (*встану, оденусь, поеду*).

При изучении основных значений и функций видов в их взаимодействии с формами времени глаголов целесообразно

выполнение различных заданий и упражнений. Это семантический анализ глагольных форм времени в текстах, замена в них видовых форм, выбор нужной видовой формы для вставки в готовые предложения, составление по заданным видовым парам словосочетаний, предложений, связанных рассказов, организация устной беседы обучающихся с использованием заданных глаголов, написание сочинений с использованием заданных видовых форм и т. д. Приведём образцы некоторых типов упражнений, которые целесообразно использовать при изучении видов в прошедшем времени глагола:

Упражнение 1. Образуйте от данных пар глаголов формы прошедшего времени и составьте с ними предложения. Объясните значение этих предложений.

Образец: *Ко мне пришёл товарищ. – Ко мне приходил товарищ. – Отец сегодня пришёл с работы в 18 часов. – Отец всегда приходил с работы в 18 часов.*

Прийти – приходиться, зайти – заходить, дойти – доходить, уйти – уходить, подойти – подходить, найти – находить, выйти – выходить.

Упражнение 2. Ответьте на вопросы, используя данные глаголы в форме прошедшего времени совершенного и несовершенного вида и добавляя другие слова.

Образец: *Что ты делал вчера? – Вчера я учил стихотворение.*

Что ты делал вчера? Что ты сделал вчера? Что ты делал вчера утром? Что ты сделал вчера утром? Что ты делал сегодня после обеда? Что ты сделал сегодня после обеда? Чем ты занимался до обеда? Чем ты обычно занимаешься до обеда? Что ты делал в саду? Что ты сделал в саду?

Слова для составления ответа: *читать – прочитать книгу, гладить – погладить брюки, мыть – вымыть посуду, смотреть – посмотреть телевизор, убирать – убирать комнату, отдохнуть – отдыхать, сажать – посадить деревья, поливать – поливать цветы.*

Упражнение 3. Объясните, какую из двух форм можно употребить в данных предложениях.

Я всегда (вставал, встал) рано. Но сегодня проспал и (вставал, встал) только в 8 часов. Никогда не (опоздал, опаздывал) на занятия, а сегодня (опоздал, опаздывал). Я (подошёл, подходил) к аудитории и (стучался, постучался) в дверь. Мне (разрешили, разрешали) войти, но (делали, сделали) замечание. Я (извинился, извинялся) и (говорил, сказал), что больше не буду опаздывать.

Значительно влияет на употребление видов категория наклонения. Особо следует отметить формы повелительного наклонения, которые выражают целый спектр оттенков – от категорического приказа до просьбы – и вносят в видовые формы глагола различные дополнительные значения. Для усвоения повелительного наклонения можно рекомендовать выполнение следующих упражнений:

Упражнение 1. Объясните значение выделенных глаголов, укажите их вид.

1. Приезжайте к нам в гости. 2. Смотри, учись хорошо. Смотри, не опоздай. Смотри, не упади. 3. Входите, раздевайтесь, садитесь. – Войдите, разденьтесь, сядьте. – Войди, разденься, сядь. 4. Подожди меня здесь. Я скоро приду.

Упражнение 2. Составьте предложения по заданной ситуации.

1. Кто-то стучится в дверь. Хозяин решает войти. Какой глагол нужно употребить и в какой форме? Объясните его значение. 2. Вы увидели в окно знакомого, который идёт к вам. Вы открыли дверь и приглашаете его войти. Предлагаете стул, потом угощение. Какие глаголы нужно использовать и в какой форме? 3. Вас зовёт мама и просит сходить в магазин, купить хлеба, молока, посмотреть, работает ли овощной ларёк. Какие глаголы нужно употребить и в какой форме?

Упражнение 3. Придумайте задание, которое вы дадите младшему брату или младшей сестре, используя глаголы в форме повелительного наклонения.

Упражнение 4. Найдите в художественном тексте формы повелительного наклонения и объясните их значение. Укажите, в каких случаях их можно заменить формой другого вида.

На занятиях, посвящённых изучению категории вида и глагольного словоизменения, следует использовать грамматический словарь [20]. В этом словаре члены видовых пар даются в одной словарной статье, что подчёркивает их взаимосвязь и взаимообусловленность. Подробная разработка глагольных словоизменительных парадигм каждого члена видовой корреляции делает словарь ценным справочным пособием в процессе преподавания русского языка как иностранного [21].

Таким образом, реализация видовых значений в различных грамматических формах глагола происходит по-разному. Каждая грамматическая форма глубоко специфична как по сочетаемости в ней частных видовых значений, так и по условиям их реализации, что необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка как иностранного. Основным принципом методики преподавания при изучении глагольного вида является опора на парные по виду глаголы с учётом их семантических особенностей. В результате у обучающихся достигается постепенное накопление важнейших грамматических сведений по образованию и употреблению видов русского глагола.

Статья поступила в редакцию 18.11.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Вид и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Баймиева В. Ю. Изучение видов глагола на занятиях русского языка как иностранного // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. №4 (82). С. 73-76.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 122 с.
4. Валова Л. В. Изучение глагольного вида на занятиях по русскому языку как иностранному // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2010. Т. 7. № 8 (68). С. 47-49.

5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
6. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
7. Карпучин С. А. Семантика русского глагольного вида: дис. ... докт. филол. наук. Самара, 2008. 358 с.
8. Коваленко Б. Н. О спорных вопросах теории вида русского глагола // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. Т. 2. № 6. С. 158-162.
9. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
10. Мейе А. Общеславянский язык. 3-е изд. М.: Либроком, 2011. 496 с.
11. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 300 с.
12. Нечаева А. И. Система обучения иностранных студентов-филологов использованию видов глагола в русской речи: дис. ... докт. пед. наук. Ульяновск, 1998. 319 с.
13. Никишина Ю. В. Методика изучения видов глагола при обучении нерусских студентов разговорному стилю речи: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 143 с.
14. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
15. Падучева Е. В. Основные понятия и положения аспектуальной концепции Ю.С. Маслова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. №9 (18). С. 32-39.
16. Русская грамматика. Т.1 / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.
17. Соболева В. С. К вопросу о видовой парности русских глаголов: ещё одна попытка решения спорных вопросов // Вестник Самарского университета. Серия: История. Педагогика. Филология. 2017. Т. 23. №2. С. 77-85.
18. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 349 с.
19. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М.: Academia, 1998. 280 с.
20. Тихонова Е. Н. Русский язык. Уникальный словарь. Все грамматические формы. М.: АСТ, 2014. 447 с.
21. Тихонова Е. Н. Словоизменительная парадигма глагола в грамматическом словаре русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №4. С. 195-202.
22. Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1996. 150 с.
23. Шейко Е. В. Категория вида и способы работы с ней на занятиях по русскому языку со студентами вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №12-1 (66). С. 189-191.

REFERENCES

1. Avilova N. S. *Vid i semantika glagol'nogo slova* [The form and semantics of verb word]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p.
2. Baimieva V. Yu. [Studying the types of aspects of a verb on Russian as a foreign language classes]. In: *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia], 2018, no. 4 (82), pp. 73-76.
3. Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russkii glagol* [Russian verb]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 122 p.
4. Valova L. V. [Studying the types of aspects of a verb on Russian as a foreign language classes]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Novye obrazovatel'nye sistemy i tekhnologii obucheniya vuze* [The news of Volgograd State Technical University. Series: New educational systems and technology training in high school]. 2010. T. 7, no. 8 (68), pp. 47-49.
5. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammar teaching on the word]: ed. by G. Zolotova. 4th ed. Moscow, Russian language Publ., 2001. 720 p.
6. Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya*. [The grammatical structure of Russian in comparison with Slovak. Morphology]. 2nd ed. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury [Languages of Slavic culture Publ.], 2003. 880 p.
7. Karpukhin S. A. *Semantika russkogo glagol'nogo vida: dis. ... dokt. filol. nauk* [The semantics of Russian verbal form: D. thesis in Philological sciences]. Samara, 2008. 358 p.
8. Kovalenko B. N. [On controversial questions of the theory of the form of the Russian verb]. In:

- Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Innovatsionnaya nauka»*, 2015, vol. 2, no. 6, pp. 158–162.
9. Maslov Yu.S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 840 p.
 10. Meillet A. *Obshchslavyanskii yazyk* [The Slavic language]. 3rd ed. Moscow, Librokom Publ., 2011. 496 p.
 11. Muchnik I. P. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [The grammatical category of the verb and the name of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 300 p.
 12. Nechaeva A. I. *Sistema obucheniya inostrannykh studentov-filologov ispol'zovaniyu vidov glagola v russkoi rechi: dis. ... dokt. ped. nauk* [The system of teaching foreign students-philologists the use of the imperfective aspect in the Russian language: D. thesis in Pedagogical sciences]. Ulyanovsk, 1998. 319 p.
 13. Nikishina Yu.V. *Metodika izucheniya vidov glagola pri obuchenii nerusskikh studentov razgovornomu stilu rechi: dis. ... kand. ped. nauk* [The technique of studying of types of the verb when teaching non-Russian students conversational style of speech: PhD thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 2005. 143 p.
 14. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of time and aspect in the Russian language. The semantics of narrative. 2nd ed., Rev. additional]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury [Languages of Slavic culture Publ.], 2010. 480 p.
 15. Paducheva E. V. [Basic terms of the aspect concept of Y. Maslov]. In: *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural studies. Orientalism], 2016, no. 9 (18), pp. 32–39.
 16. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] / Chief ed. N. Shvedova. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.
 17. Soboleva V. S. [To the question about the species of pairs of Russian verbs: another attempt to resolve contentious issues]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Pedagogika. Filologiya* [Bulletin of Samara University. Series: Story. Pedagogy. Philology], 2017, vol. 23, no. 2, pp. 77–85.
 18. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporal localization. Taxis] / Ed. by A. Bondarko. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 349 p.
 19. Tikhonov A. N. *Russkii glagol: problemy teorii i leksikografirovaniya* [Russian verb: problems of theory and lexicographically different-temporal dictionaries]. Moscow, Academia Publ., 1998. 280 p.
 20. Tikhonova E. N. *Russkii yazyk. Unikal'nyi slovar'. Vse grammaticheskie formy* [Russian language. Unique dictionary. All grammatical forms]. Moscow, AST Publ., 2014. 447 p.
 21. Tikhonova E. N. [Inflectional paradigm of the verb in the grammatical dictionary of the Russian language]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2016, no. 4, pp. 195–202.
 22. Chertkova M. Yu. *Grammaticheskaya kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke* [Grammatical category of aspect in modern Russian language]. Moscow, MSU Publ., 1996. 150 p.
 23. Sheiko E. V. [Category and ways of working with her at the lessons of Russian language with students]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of the theory and practice], 2016, no. 12-1 (66), pp. 189–191.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихонова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и истории литературы Московского политехнического университета;
e-mail: tihonen@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Tikhonova – PhD in Philological sciences, Associate Professor at the Department of Russian Languages and the History of Literature, Moscow Polytechnic University;
e-mail: tihonen@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихонова Е. Н. Грамматические и семантические особенности глагольного вида при изучении русского языка как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 65–74.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-65-74

FOR CITATION

Tikhonova E. N. Grammatic and Semantic Features of the Aspect of the Verb in studying Russian as a Foreign Language In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 65–74.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-65-74

УДК 81-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-75-81

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ», «СТИЛЬ» И «ДИСКУРС»

Хохлова М. В.*Московский городской педагогический университет**129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. В статье ставится вопрос о соотношении таких рядоположных понятий, как «текст», «стиль» и «дискурс».

Процедура и методы исследования. Опираясь на работы отечественных и зарубежных исследователей, автор выявляет особенности каждого понятия и их ключевые отличия. Текст, стиль и дискурс рассматриваются как явления речи: текст как отдельное высказывание, стиль и дискурс как совокупности текстов, взаимопересекающиеся, но не совпадающие по объёму понятия.

Результаты проведённого исследования. В результате исследования автором сделан вывод, что текст как единичное явление противопоставляется стилю и дискурсу как совокупности текстов. Единицами стиля и дискурса являются вербальные и невербальные элементы и весь контекст, в котором они существуют. Стиль формируется совокупностью условий, тогда как дискурс определяется предметом, сферой и темой речи.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие теории дискурса, способствуют уяснению и уточнению терминологического аппарата исследования (в частности, в области соотношения понятий «текст», «стиль» и «дискурс»). Практическая значимость определяется возможностью использования данных для подготовки лекционных и практических занятий, посвящённых функциональным стилям, теории дискурса и его анализу.

Ключевые слова: текст, стиль, функциональный стиль, дискурс

ISSUE OF CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «TEXT», «STYLE» AND «DISCOURSE»

M. Khokhlova*Moscow City Pedagogical University**4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, Moscow 129226, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. In the article, an attempt is made to raise the question of the relationship between opposite concepts as "text," "style," and "discourse."

Methodology and Approach. Based on the works of Russian and international researchers, the author identifies the features of each concept and their key differences. The author concludes that the text, functional style and discourse are considered as speech phenomena: the text as an utterance, style and discourse as a conjunction of mutually intersecting texts, but not congruent in denotation of terms.

Results. As a result of the study, the author concluded that the text as a single phenomenon is opposed to style and discourse as a group of texts. The units of style and discourse are verbal and non-verbal elements and the whole context in which they exist. The style is formed by a set of conditions, whereas the discourse is determined by the subject, area and the topic of discussion.

Theoretical and Practical Implications. The results contribute to the development of the theory of discourse's studies and clarify the research vocabulary of the study (in the field of correlation of the

terms "text," "style," and "discourse"). The practical significance is determined by the possibility of using the theory for the preparation for courses at higher school on functional styles, the theory of discourse, and its analysis.

Keywords: text, style, functional style, discourse

Термин «дискурс» является предметом пристального внимания лингвистов, философов, социологов. Однако более чем полувековая история термина не привела к выработке его однозначного, непротиворечивого, всеми принятого определения. В настоящее время опубликовано большое количество научной литературы, затрагивающей проблемы анализа дискурса, в том числе и обзоры истории появления и формирования данного термина [9; 13; 14; 20; 24; 26].

Одной из проблем современной лингвистики является решение вопроса о соотношении таких понятий, как *высказывание*, *текст*, *стиль* и *дискурс*. Для этого следует указать на их принадлежность языку / речи, выявить признаки и свойства текста, стиля, дискурса, определить отношение объёмов понятий. В данной статье рассматриваются наиболее значимые работы в этой области и упорядочивается система терминов.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТЕКСТ»

Среди исследователей существуют разные точки зрения на вопрос о том, чем же является текст – единицей языка или речи. В статье «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахманова трактует текст через понятие речи и предлагает три значения слова *текст*: «то же, что произведение речи»; «произведение речи, зафиксированное на письме»; «то же, что корпус» [1, с. 470]. В одном или нескольких из указанных значений понимают текст и другие исследователи.

Текст рассматривается прежде всего как речевое произведение, как «произведение речетворческого процесса» [8, с. 18]. Н. С. Валгина указывает, что текст является в то же время «результатом деятельности (автора) и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора)»

[4, с. 4]. Исследователи Е. В. Ерофеева и А. Н. Кудлаева понимают текст так же, как и Н. С. Валгина, но отмечают возможность реализации текста в устной и письменной формах [10, с. 28], т. е. **разрушают** представленное в словаре О. С. Ахмановой [1] ограничение в виде письменной фиксации. В. Г. Костомаров подводит итог многолетним спорам, предлагает считать текстом «любое вербальное произведение, любой результат общения» [16, с. 33]. Для нас значимо, что текст – это не потенциальные возможности (язык), а его функционирование (речь).

М. М. Бахтин разводит между собой *предложение* и *высказывание* и предлагает считать предложение единицей языка, а высказывание – единицей речи. Для того чтобы предложение стало высказыванием, необходимо наличие коммуникативной направленности. М. М. Бахтин считает, что высказывание «строится с учётом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создаётся» [3, с. 290].

Если в лингвистике до середины XX в. шла речь только о вербальных единицах текста, то ближе к концу века исследователи стали изучать и единицы невербальные (графики, схемы, диаграммы, рисунки и т. д.). Так, ещё М. М. Бахтин писал, что если понимать текст в широком смысле как «связный знаковый комплекс, то и искусствоведение <...> имеет дело с текстами» [3, с. 297]. А современные исследователи Е. В. Ерофеева и А. Н. Кудлаева предлагают дополнить такие признаки текста, как связность и цельность, возможностью включения в него невербальных элементов [10, с. 31–32].

Таким образом, вопрос о единицах текста тесно переплетается с проблемой выявления признаков текста. Н. С. Валгина выделяет необходимость структурной связности (формальное единство) и со-

держательной цельности (содержательное единство) текста [4, с. 29]. Н. В. Васильева дополняет список основных признаков «свойством невыводимости общего смысла из простой суммы значений составляющих» [5, с. 127], что отличает текст как речевое произведение от совокупности предложений как языковых единиц.

Отметим, что наряду с общими свойствами у текстов разных стилей будут определяться разные признаки. Свойства и признаки публицистических и художественных текстов не во всем совпадают с официально-деловыми и научными, а все вышеперечисленные отличаются от разговорных.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СТИЛЬ»

Традиционно изучением потенциальных возможностей разных уровней языка занималась стилистика. С точки зрения В.В. Виноградова, стиль – это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения» [6, с. 73]. В. В. Виноградов отмечает, что стили взаимодействуют друг с другом и могут частично смешиваться [6, с. 73]. Функциональный стиль реализуется в устной и письменной формах.

Если раньше объектом изучения стилистики были потенциальные возможности языка, то в конце XX века В. Г. Костомаров объектом изучения стилистики назвал текст. Согласно В. Г. Костомарову, стилистика «исследует язык в действии»: как при помощи языка люди «разговаривают, пишут, читают», как он «обслуживает разнообразие общения в реальных ситуациях» [16, с. 13]. Предметом стилистики является язык как «инструмент и материал построения текстов, соответствующих внеязыковым интересам, обслуживающих внеязыковые потребности людей» [16, с. 13]. Текст всегда соответствует вне-

языковым интересам автора, т. е. обладает коммуникативной мотивированностью и обусловлен прагматическими, социокультурными, психологическими и другими экстралингвистическими факторами.

Стиль может быть определён только для конкретного текста или коммуникативной единицы. Всё остальное – это потенциальные возможности, т. е. язык.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС»

Существует множество традиций, связанных как с пониманием дискурса, так и его анализом. Французская традиция анализа дискурса представлена М. Фуко, П. Серио, Р. Бартом и другими. М. Фуко предлагает считать дискурсом то, что «создаётся совокупностью последовательностей знаков, если таковые представляют собой высказывания» [22, с. 210]. Согласно М. Фуко, дискурс «создан ограниченным числом высказываний, для которых мы можем определить совокупность условий существования» [22, с. 227]. В лекциях М. Фуко, опубликованных в книге «Нужно защищать общество» слово «дискурс» отражает понимание дискурса как чего-то близкого к понятию «речь» и употребляется в следующих сочетаниях: дискурс права, дискурс принудительной дисциплины [23, с. 57]; аристократический дискурс [23, с. 67]; тотальный и нейтральный дискурс, дискурс перспективы [23, с. 69]; мрачно-критический дискурс, мифический дискурс, дискурс горечи [23, с. 74]; дискурс пристрастного и наивного историка [23, с. 57-75] и др.

Более широкое представление о дискурсе у Р. Барта, который включает в это понятие «всякое значимое единство» [2, с. 74]. Иными словами, дискурс – не только речевые произведения, но и графические изображения и любые предметы, «если они что-либо значат» [2, с. 74]. Можно сказать, что такое понимание дискурса близко к широкому пониманию текста М.М. Бахтиным, под которым подразумевается любой, а не только вербальный «связный знаковый комплекс» [3, с. 297].

Группа американских учёных Д. Шифрин (Deborah Schiffrin), Д. Таннен (Deborah Tannen), Х. Е. Гамильтон (Heidi E. Hamilton) [26], рассматривая определения дискурсов представителей разных стран (М. Фуко, Н. Фэркло, Э. Бенвенист, М. Стаббс, Р. Фасольд (R. Fasold) и др.), выявляют три категории, к которым сводятся все основные трактовки дискурса: 1) язык выше уровня предложения (anything beyond the sentence¹), т. е. единица текста, 2) любое употребление языка (language use²), т. е. текст, и 3) широкая область социальной практики, включающая нелингвистические и общие проявления языка (a broader range of social practice that includes nonlinguistic and nonspecific instances of language³) [26, p. 1-2]. Под нелингвистическими проявлениями подразумеваются какие-либо действия, например, размахивание флагами на парадах, исполнение гимна на спортивных мероприятиях, установление и патрулирование территориальных границ, бюрократические процедуры и т. д. Перечисленные примеры включают в себя лингвистические (произнесение слов) и нелингвистические (например, прослушивание гимна стоя) социальные практики. Третий тип близок определению дискурса Н. Д. Арутюновой: «текст, погружённый в жизнь» [18, с. 136–137].

При многочисленности определений дискурса в них не актуализирована специфика таких разных форм проявления речевой деятельности, как текст, стиль и дискурс.

При этом как в зарубежной лингвистике, так и в отечественной, широко употребляются сочетания «политический дискурс», «дискурс права» [23], «медицинский дискурс» [26] и др., что подводит, на наш взгляд, к выявлению такого типологического признака дискурса, как тема / сфера.

Несмотря на то, что в попытке упорядочивания определений дискурса Д. Шифрин с коллективом авторов [26] рассматривали разные толкования дискурса, традиции

отечественной лингвистики в этой области не учитывались. Отечественная лингвистика также давно и плодотворно занимается проблемами изучения дискурса, но как понимание дискурса, так и методы проведения его анализа являются отличными от западных.

Среди отечественных учёных дискурс исследуют М. В. Гаврилова [7], А. В. Зайцева [11], О. Г. Каленова и Т. В. Дубровская [12], В. И. Карасик [13], Е. А. Кожемякин [15], М. Л. Макаров [19], Филиппова Т. А. [21], В. Е. Чернявская [24; 25] и др.

В. Е. Чернявская отмечает, что в отечественной лингвистике термин *дискурс* «наложился на ту систему координат и понятий, которые традиционно изучались в советской науке в функционально-стилистическом формате» [25, с. 56]. Учёный акцентирует внимание на «изучении дискурса как совокупности многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных» [25, с. 57]. Иначе говоря, текст как единичное явление противопоставляется стилю и дискурсу как совокупности текстов. Здесь указано на отличие текста от стиля и дискурса, но не выявлено отличие стиля и дискурса друг от друга. Напротив, указание на значимость экстралингвистических факторов при формировании дискурса делает его неотличимым от функционального стиля, который формируется в соответствии с условиями употребления речи.

Таким образом, единицами и стиля, и дискурса являются тексты (вербальное) и жесты, мимика, графические изображения (невербальное) и весь контекст, в котором стиль / дискурс существуют. Чем же отличается стиль от дискурса?

Для уточнения термина «дискурс» А. Н. Кудлаева вводит понятие «общий дискурс», т. е. «все коммуникативное пространство» [17, с. 9]. Следуя за А. Н. Кудлаевой, дискурс можно понимать в широком смысле и узком. Если в широком смысле дискурсом будет являться «всё, что говорится и пишется» (*общий дискурс*, по А. Н. Кудлаевой), то в узком понимании дискурс (*частный дискурс*, по

¹ Перевод М. Л. Макарова [19, с. 86].

² Перевод наш. – М. Х.

³ Перевод наш. – М. Х.

А. Н. Кудлаевой) ограничивается темой, т. е. это «всё, что говорится и пишется на определённую тему». Мы считаем, что такой признак, как «определённый промежуток времени» не релевантен для определения дискурса. Широкое определение, на наш взгляд, близко понятию «речь» вообще, а узкое – то, что подчёркивает специфику дискурса в его отличии от стиля: если стиль формируется совокупностью условий, то дискурс определяется предметом, сферой, темой речи.

Поэтому дискурс объединяет тексты / речевые произведения разных стилей, связанных общей темой. Так, экологический дискурс может включать тексты официально-делового стиля (например, Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата¹), научного (статья Владимирова В. А. и Чуракова Ю. И. «Проблема глобального изменения климата как природная опасность»²), публицистического (книга А. Гора «Неудобная правда. Глобальное потепление: Как остановить планетарную катастрофу»³), разговорного (общение неспециалистов на экологические темы), художественного (где происходит включение экологического дискурса в ткань повествования, например, в произведениях В. Астафьева, Ч. Айтматова).

В. Е. Чернявская сводит воедино зарубежные и отечественные понимания

дискурса и выводит два основных типа. Первый – «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [24, с. 75]. Второй тип понимания дискурса сводится к «совокупности тематически отнесённых текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается <...> интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [24, с. 76].

На основании работ по проблеме мы предлагаем следующее определение термина «дискурс»: дискурс – это совокупность текстов (вербальных и невербальных), которые посвящены определённой теме и которые могут функционировать как в устной, так и в письменной форме, в разных жанрах и стилях. Характер функционирования дискурса определяется прагматическими, социокультурными, психологическими факторами. Дискурс может быть предметом исследования как в синхронии, так и в диахронии. Структура дискурса представляет собой тематическое единство, т. е. обладает семантической связностью.

Статья поступила в редакцию 06.05.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
5. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнаревич А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995. 176 с.
6. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. №1. С. 60-87.
7. Гаврилова М. В. Критический дискурс-анализ: современное состояние и перспективы развития // Политическая лингвистика. 2015. №1. С. 264–266.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

¹ Парижское соглашение от 12.12.2015 [Электронный ресурс] // United Nations Climate Change: [сайт]. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/l09r.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

² Владимирова В. А., Чураков Ю. И. Проблема глобального изменения климата как природная опасность // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. №2. С. 506-519.

³ Гор А. Неудобная правда. Глобальное потепление: Как остановить планетарную катастрофу. СПб.: Амфора, 2007. 328 с.

9. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ., сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
10. Ерофеева Е. В., Кудлаева А. Н. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. С. 28–36.
11. Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 253 с.
12. Каленова О. Г., Дубровская Т. В. К проблеме определения экологического дискурса и его жанров // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2. С. 6–12.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
14. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: сб. науч. тр. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
15. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №6. С. 5–12.
16. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
17. Кудлаева А. Н. Типы текстов в структуре дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 20 с.
18. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
19. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
20. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер и др. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
21. Филиппова Т. А. Понятие и основные характеристики экологического дискурса (на материале англоязычных СМИ) // Известия ВГПУ. 2018. №2. С. 97–101.
22. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
23. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
24. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
25. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. №1 (038), 2014. С. 54–61.
26. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. The Handbook of discourse analysis. USA, Massachusetts, Malden: Blackwell Publishers, 2001. 872 p.

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. 2nd ed., erased. Moscow, Editorial UR SS Publ., 2004. 571 p.
2. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]: Transl. from French. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. [Aesthetics of verbal creativity]. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p.
5. Vasil'eva N.V., Vinogradov V. A., Shakhnarevich A. M. *Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov* [Short dictionary of linguistic terms]. Moscow, Russian language Publ., 1995. 176 p.
6. Vinogradov V. V. [The results of the discussion of stylistics]. In: Voprosy yazykoznaniya [Issues of linguistics], 1955, no. 1, pp. 60–87.
7. Gavrilova M. V. [Critical discourse analysis: current state and prospects of development]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2015, no. 1, pp. 264–266.
8. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Izd. 5-e, stereotipnoe* [The text as object of linguistic research. Ed. 5nd, stereotype]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
9. Dijk van T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Transl. with English, comp. V. Petrov; under the editorship of V. Gerasimov]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p.
10. Erofeeva E. V., Kudlaeva A. N. K voprosu o sootnoshenii ponyatii TEKST i DISKURS [The question of the relationship between the concepts of TEXT and DISCOURSE]. In: *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of socio- and psycholinguistics]. Perm, Perm University Publ., 2003. pp. 28–36.
11. Zaitseva A. V. *Tipologiya tekstov ekologicheskogo diskursa FRG: dis. ... kand. filol. nauk* [Typology of texts of ecological discourse in Germany: PhD thesis in Philological sciences]. Smolensk, 2014. 253 p.

12. Kalenova O. G., Dubrovskaya T. V. [The problem of determining the environmental discourse and its genres]. In: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Linguistics and intercultural communication], 2015, no. 2, pp. 6–12.
13. Karasik V. I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
14. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa: sb. nauch. tr.* [Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis: collection of scientific works]. Total. ed. and introd. article P. Serio]. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p.
15. Kozhemyakin E. A. [Discourse analysis as an interdisciplinary methodology: the historical aspect]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 6, pp. 5–12.
16. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action: Essays on contemporary Russian stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p.
17. Kudlaeva A. N. *Tipy tekstov v strukture diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Types of texts in the structure of discourse: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Perm, 2006. 20 p.
18. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary / Ch. edited by V. Yartseva. M.: Sovetskaya Encyclopedia Publ., 1990. 685 p.
19. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p.
20. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of analysis of text and discourse] / S. Ticher, et al. Kharkov, The Humanitarian centre, 2009. 356 p.
21. Filippova T. A. [The concept and main characteristics of environmental discourse (on the material of English-language media)]. In: *Izvestiya VG PU Publ.*, 2018, no. 2, pp. 97–101.
22. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [The archaeology of knowledge]. SPb., Publishing center «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga Publ., 2004. 416 p.
23. Fuko M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Need to protect society: a Course of lectures delivered at the Collège de France in 1975–1976 academic year]. SPb., Nauka Publ., 2005. 312 p.
24. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya: ucheb. posobie* [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact: proc. manual]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2006. 136 p.
25. Chernyavskaya V. E. [Phantoms and syndromes discursive paradigm]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 1 (038), 2014, pp. 54–61.
26. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. *The Handbook of discourse analysis*. USA, Massachusetts, Malden: Blackwell Publishers, 2001. 872 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хохлова Мария Владимировна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Московского городского педагогического университета;
e-mail: redream@progamer.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria. V. Khokhlova – post-graduate Student, Department of Russian language and methods of teaching philological disciplines, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: redream@progamer.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хохлова М. В. К вопросу о соотношении понятий «текст», «стиль» и «дискурс» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-75-81

FOR CITATION

Khokhlova M. V. Issue of Correlation of the Concepts of “Text”, “Style” and “Discourse”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-75-81

УДК 81'373.43: 821. 161. 1 Солженицын
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-82-92

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Цынк С. В.

*Димитровградский инженерно-технологический институт (филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»)
433511, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Куйбышева, д. 294, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью данной работы является исследование периферических единиц языка – диалектизмов – в их роли для создания точности, образности публицистической речи А. И. Солженицына.

Процедура и методы исследования. В статье анализируются некоторые диалектизмы, использованные А. И. Солженицыным в публицистических произведениях. Приводятся широкое и узкое понимания диалектизма, рассматриваются значение, строение, ареал распространения областных слов, способ их ввода в текст.

Результаты проведенного исследования. На основании анализа устанавливается, что появление диалектизмов в произведениях автора оправдано решением коммуникативных задач. А. И. Солженицын, употребляя эти слова, умножает и развивает стилевое богатство русской публицистической речи.

Теоретическая / практическая значимость. Анализ, представленный в статье, выводы на его основе могут способствовать расширению и уточнению данных о стилистических приёмах, выработанных А. И. Солженицыным в публицистике; углубляется доказательная база о выразительных возможностях диалектизмов. Исследование имеет практическую значимость для лексикографии, изучения языка А. И. Солженицына в масштабах сверттекста этого автора.

Ключевые слова: публицистика, диалектизмы, собственно лексические диалектизмы, универсальные диалектизмы, А. И. Солженицын

DIALECTISMS IN PUBLICISTIC TEXTS BY A. SOLZHENITSYN

S. Tsynek

*Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute of the National Research Nuclear University ME PhI (Moscow Engineering Physics Institute)
294 Kuibysheva ul., Dimitrovgrad 433511, Ulyanovsk region, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. This work aims to study the peripheral units of the language - dialectisms - in their role to create accuracy, figurativeness of A. Solzhenitsyn's journalistic speech.

Methodology and Approach. In this article, some dialectisms used by A. Solzhenitsyn in his publicistic texts are analyzed. Notions of wide and narrow views are defined, the meaning, structure, distribution areal of regional words and the way of their entry into a text are reviewed.

Results. Based on the analysis, it is found out that using dialectisms is justified by addressing communicative objectives. A. Solzhenitsyn, by using these words, multiplies and develops the richness of style of the Russian publicistic language.

Theoretical and Practical Implications. The analysis presented in the article, the conclusions based on it can contribute to the expansion and refinement of data on stylistic techniques developed by A. Solzhenitsyn in journalism, to the evidence base on the expressive possibilities of dialectisms. The study is of practical importance for lexicography, learning A. Solzhenitsyn's language on the scale of the supertext of this author.

Keywords: publicistic texts, dialectisms, mere lexical dialectisms, universal dialectisms, A. Solzhenitsyn

В лингвистической литературе существует как широкое, так и узкое понимание диалектизма. При широком подходе, который представлен, в частности, в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание», диалектизмы рассматриваются как характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включённые в кодифицированную речь. Диалектизмы выделяются в литературном языке как нарушения нормы¹. При узком подходе (В. Н. Прохорова и другие) диалектизмами называют областные слова и фразеологизмы, используемые в художественных, публицистических и других произведениях [5, с. 7]. В данной работе реализуется опора на узкий подход, под термином «диалектизмы» понимаются отражённые в публицистическом произведении лексические, словообразовательные и другие языковые особенности, свойственные тем или иным диалектам в сопоставлении с нормированным языком. Диалектизмы (в том числе и в узком значении термина) остаются объектом изучения современных лингвистов [1; 10].

Публицистика – это литература по общественно-политическим вопросам современности. По мнению ряда исследователей, включение местной лексики в произведения публицистического стиля возможно, однако требует большой осторожности (И. Б. Голуб², М. В. Невежина и др.³). Изучению диалектизмов в публицистике посвящены работы Т. Д. Романцовой [6], Л. Р. Сулеймановой и А. И. Кутлугуловой [8] и другие.

В сферу нашего анализа вошли областные слова, собранные методом сплошной выборки из публицистических произведений А. И. Солженицына.⁴ В публици-

стических статьях, ораторских речах и в интервью он использует 34 диалектизма. Проанализируем собственно лексические и универбальные диалектизмы исследуемых текстов (22 слова).

Собственно лексические диалектизмы – это местные обозначения предметов, процессов и т. п., которые являются синонимами соответствующих слов кодифицированного языка. Автор употребляет в публицистике следующие собственно лексические диалектизмы: *догляд, несила, огляд, отвилок, переём, переступ, прозор; гремливый, заправдошний, обрыдлый, пронастный; выдуриваться, выберечь, обмунуть, окрещивать, очунаться; ежедневно, истратно, иссужа*.

Лексемы *догляд, огляд, переём, переступ, прозор* мотивированы глаголами *доглядеть, оглядеть, перенять, переступить, прозреть*. Данные имена существительные 1 склонения являются названиями отвлеченного действия (состояния), совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процесса со значением существительного как части речи; такие слова составляют в литературном языке высокопродуктивный тип [7, с. 219]. При этом отсекаются финали *-еть, -ять, -ить*. В слове *переём* наблюдается чередование гласных корня и наращение конечного согласного корня (перенять – переём), а в лексеме *прозор* – чередование *ó//о*. Слова рассматриваемого типа чаще называют действие безотносительно к длительности и характеру его протекания.

Областное слово *догляд*, согласно словарям, имеет значение «наблюдение, присмотр»⁵. Способ ввода данного диалектизма в текст статьи «Образованщина» –

¹ Касаткин Л. Л. Диалектизмы // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Российская энциклопедия, 1998. С. 133.

² Голуб И. Б. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата / И. Б. Голуб, С. Н. Стародубец. М.: Юрайт, 2019. С. 79.

³ Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Невежина М. В., Шарохина Е. В., Михайлова Е. Б., Бойко Е. А., Бегаева Е. Н. М.: Юнити-ДАНА, 2005. С. 35.

⁴ См.: Солженицын А. И. Публицистика. Собрание

сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 512 с.; Солженицын А. И. Публицистика. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 576 с. Далее в ссылках будут указаны названия произведений, номер тома и диапазон страниц.

⁵ Догляд // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. С. 414; Большой современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

концептуальное раскрытие значения в пределах предложения:

*Потом миллионы изб, самых благоустроенных, вовсе опустошены, развалены или взяты под дурной **догляд**, и 5 миллионов трудоохотливых здоровых семей вместе с грудными детьми посланы умирать в зимней дороге или по прибытии в тундру*¹.

Местная лексема *огляд* («обзор, обозрение» (псковская, смоленская, курская, орловская)², использованная А. И. Солженицыным в историческом очерке «Двести лет вместе», проникает и на страницы статьи «Русский вопрос к концу XX века». Данное областное слово употребляется с целью обогащения языка произведения:

*Нельзя обойтись без исторического **огляда**, и даже начать его издалека*³.

Лингвисты утверждают, что использование диалектной, просторечной лексики, с одной стороны, и высокой, торжественной лексики – с другой, неуместно в публицистической речи, особенно если эти лексические средства находятся в одной фразе⁴. В ораторской речи («Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук») автор сочетает книжную, высокую лексику (*новации, традиции*) с диалектным словом *перейм* («то же, что *переимка* (действие по глаголу *перенять*)»⁵. Нарушение А. И. Солженицыным правила, выведенного лингвистами, служит средством создания эмоционально насыщенной картины события:

Удивительно, но сокращаются и математические предметы, программы по ним уменьшаются или грубо упрощаются под-

*ражательным **переймом** скороспешных и сомнительных новаций, отклоняясь от высоких традиций российской математической школы*⁶.

Наравне с литературными лексемами употребляется псковское и тверское имя существительное *переступ* (в значении «шаг, ходьба») в статье «На возврате дыхания и сознания»:

*Носам **переступ** через запретную черту – посметь судить о том, о чем никто не смел, кроме Основоположников, – выводит нашего автора далеко вперед*⁸.

Слово в этом и других значениях («название растений»; «без остановки»; «название определенного сочетания знаков в древнерусской письменной нотации») является также устаревшим⁹.

В МАС слово *прозор* имеет пометы «областное и устаревшее», в словаре Т. Ф. Ефремовой – помету «местное». Диалектизм *прозор* – многозначный: «1. Расстояние между чем-либо, зазор; 2. Отверстие, просвет, сквозь которые видно что-либо; 3. Открытый вид куда-либо»¹⁰.

Лексема также включена в Русский словарь языкового расширения (далее – РСЯР). А. И. Солженицын советует применять её в словосочетаниях – «прозор будущего», а также в выражении, взятом из текста Е. Замятина, – «прозоры земли сквозь снег»¹¹.

Публицист использует в статье «Как нам обустроить Россию» и в речи во Владивостоке словосочетания «прозор будущего» и «прозор в будущее», создавая стилевой «эффект новизны»:

¹ Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 131).

² Огляд // Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л.: Наука, 1987. С. 321.

³ Солженицын А. И. Русский вопрос к концу XX века (Т. 8, с. 125).

⁴ Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Неvejeва М. В., Шарохина Е. В., Михайлова Е. Б., Бойко Е. А., Бегаева Е. Н. М.: Юнити-ДАНА, 2005. С. 211.

⁵ Перейм // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1939. С. 126.

⁶ Солженицын А. И. Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук (Т. 8, с. 458).

⁷ Переступ // Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л.: Наука, 1991. С. 232-233.

⁸ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания (Т. 7, с. 43).

⁹ Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 14. М.: Наука, 1988. С. 294; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 19. Л.: Наука, 2011. С. 143.

¹⁰ Большой современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

¹¹ Русский словарь языкового расширения. Составитель А. И. Солженицын. М.: Голос, 1995. С. 202.

Однако лишь это разделение прояснит нам **прозор** будущего¹.

Я знаю, что жизнь ваша сейчас безмерно тяжка, непривычно тяжела, опутана множеством неурядиц и нет ясного **прозора** в будущее – и для вас, и для ваших детей².

Литературный синоним диалектной лексемы *несила* – «немоць»³. Слово также является устаревшим⁴. Существительное с префиксом *не-* называет отсутствие того, что названо мотивирующим именем существительным *сила* [7, с. 228]. Тип, по которому построено слово, является в современном русском литературном языке высокопродуктивным, благодаря чему оно легко воспринимается читателем статьи «Размышления над Февральской революцией», что ведёт к образованию нового для нормированного языка антонимического ряда – *сила–несила*:

*Сам более всех несчастный своею несилой, он никогда не осмеливался ни смело шагнуть, ни даже смело выразиться*⁵.

Новосибирское слово *отвилок* имеет значение «приток реки»⁶, соответствует продуктивной в разговорной и художественной речи словообразовательной модели «основа мотивирующего глагола *отвить* + суффикс *-ок*» со значением «то, что возникло (возникает) в результате действия» [7, с. 146].

Редкостного искусства достиг А. И. Солженицын в использовании удивительного по своей красоте художественного приёма: рисуя совершенную по точности реалистическую картину мира русских литературных течений, он создаёт в то же время символ (*эмигрантский отвилок*):

Уже целая литературная ветвь (в эмигрантском отвилке усвоив себе и новый

*атрибут «русскоязычная») практически «работает на снижение», развалить именно то, что в русской литературе было высоко и чисто*⁷.

Замечено, что «слова, ясные в словообразовательном или этимологическом отношении, при прочих равных условиях, легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации» [4, с. 126].

Диалектное имя прилагательное *гремливый* мотивировано глаголом «гредить», имеет продуктивный словообразовательный морф – суффикс *-лив-* и значение «склонный к действию, названному мотивирующим словом» [7, с. 296]. Семантика анализируемого слова, приведённая в Словаре русских народных говоров (далее – СРНГ), такова: «шумный, громкий, звучный»⁸. Место распространения лексемы не указано, она попала в этот словарь, а также в РСЯР из словаря В. И. Даля⁹.

Стилистическое мастерство говорящего состоит в том, чтобы, исходя из требований конкретной коммуникации, выбрать наилучшие в данном контексте языковые средства воздействия на слушателя. «Гремливой» в «Слове при получении премии «Золотое клише» Союза итальянских журналистов» названа А. И. Солженицыным цивилизация, тем самым найден свежий эпитет, позволяющий точно охарактеризовать явление:

*Гремливая цивилизация совершенно лишила нас сосредоточенной внутренней жизни, вытащила наши души на базар – партийный или коммерческий*¹⁰.

Слово *заправдошный*, вошедшее в РСЯР¹¹, в говорах и в словаре В. И. Даля

¹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию (Т. 8, с. 18).

² Солженицын А. И. Во Владивостоке (Т. 8, с. 220).

³ Несила // Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л.: Наука, 1976. С. 151.

⁴ Несила // Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 11. М.: Наука, 1986. С. 284.

⁵ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией (Т. 7, с. 399).

⁶ Отвилок // Словарь русских народных говоров. Вып. 24. Л.: Наука, 1989. С. 137.

⁷ Солженицын А. И. Колеблет твой треножник (Т. 7, с. 455).

⁸ Гремливый // Словарь русских народных говоров. Вып. 7. 1972. Л.: Наука. С. 132.

⁹ Гредить, гремливый // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 392.

¹⁰ Солженицын А. И. Слово при получении премии «Золотое клише» Союза итальянских журналистов (Т. 7, с. 153).

¹¹ Русский словарь языкового расширения. Составитель А. И. Солженицын. М.: Голос, 1995. С. 75.

встречается в иной фонетической огласовке – «заправдошный» – «подлинный, действительный, настоящий»¹, оно распространено в Ярославской, Костромской, Псковской, Тверской, Тульской, Калужской областях. Модель образования слова «имя существительное правда + биморфема за- ... -оин (ий)» в литературном языке не встречается.

В статье «Образованщина» смысл словосочетания «заправдошные стволы» ясен читателю благодаря тому, что слово обладает прозрачной внутренней формой:

*И еще долго потом высились – в литературе, в искусстве, в гуманитарных науках – как **заправдошные** стволы, и только выветриванием лет узналось, что это стояла одна пустая кора, а сердцевины уже не было*².

В СРНГ приведено несколько значений имени прилагательного *обрыдлый*³: 1. Надоедливый, назойливый (Западное Брянское); 2. Вызывающий отвращение, противный, гадкий (Псковское, Смоленское, Ростовское); 3. Надоевший (Западное Брянское, Ростовское).

Слово образовано от просторечного глагола *обрыднуть* («сильно надоест, опротиветь, опостылет»⁴) при помощи суффикса –л-, имеет значение «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» [7, с. 297]. Тип, по которому построена лексема, продуктивен преимущественно в разговорной и художественной речи.

В тексте статьи «На возврате дыхания и сознания» «обрыдлый» –экспрессивно окрашенное слово – как бы «проецируется» на его стилистически нейтральный синоним «надоедливый»:

*И даже – для миллионов служащих за канцелярскими столами труд **обрыдлый**, ненавистный*⁵.

В словарь под редакцией Д.Н. Ушакова слово *пропастный* («совсем плохой, скверный, никуда не годный») помещено с пометой «областное»⁶. Это прилагательное имеет словообразовательное значение «характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом «пропасть» [7, с. 273], обладающим в современном русском литературном языке переносным значением («скатиться в пропасть, т.е. дойти до тяжелого, гибельного состояния»)⁷. Также можно рассматривать слово как образованное по продуктивному в разговорной речи и научно-технической терминологии типу: «глагол *пропасть* («погибнуть») + суффикс –н-» со значением «являющийся субъектом действия или состояния, названного мотивирующим словом» [7, с. 291]. Однако в статье «На возврате дыхания и сознания» А. И. Солженицын указывает ударение в слове *пропастный* на первом слоге, что свидетельствует о том, что он возводит его к лексеме «пропасть».

В авторском видении мира «непонимание» между соотечественниками является «пропастным», слово оказывается уместным для обозначения духовного явления:

*Но и обратный переход, ожидающий скоро нашу страну, – возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи – тоже окажется и труден и долог, и снова мучителен – тем крайним, **пропастным** непониманием, которое вдруг зинет между соотечественниками, даже ровесниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга*⁸.

При четком изложении мысли употребляемые автором слова полностью соответствуют своему предметно-логическому значению. А. И. Солженицын использует в тексте статьи «Как нам обустроить Россию?» диалектизм *выдуриваться* в

¹ Заправдошный // Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Л.: Наука, 1974. С. 352.

² Солженицын А. И. Образованщина (Т. 7, с. 108).

³ Обрыдлый // Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л.: Наука, 1987. С. 113.

⁴ Обрыднуть // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1983. С. 566

⁵ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания

(Т. 7, с. 49–50).

⁶ Пропастный // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4т. Т. 3. М.: Русский язык, 1939. С. 975.

⁷ Пропастный // Большой толковый словарь / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. С. 1019.

⁸ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания (Т. 7, с. 39–40).

существующем в говорах значении «переставать дурить»¹:

*Сколько мы **выдуривались** над ней [школой] за 70 лет*².

Грамматическое значение возвратного глагола *выдуриваться*, образованного от лексемы *выдуривать*³, – косвенно-возвратное.

Поиск единственно необходимого в тексте слова «выдуривались», очевидно, потребовал от автора публицистической статьи напряжения творческих сил и неустанный труд.

А. И. Солженицын «подсказывает» писателям и публицистам путь использования диалектного глагола *выберечь*: «выберечь лесок, выберечь ребенка»⁴, т. е. использует как синоним слова «сберечь». Однако в СРНГ приведены иные значения этого псковского и новгородского слова: «ласково принимать, угощать; хорошо кормить, содержать»⁵. С такой же семантикой лексема включена в словарь В. И. Даля⁶. Таким образом, публицист переосмысливает значение анализируемого диалектного слова. Префиксальный глагол *выберечь* соответствует продуктивному литературному словообразовательному типу с семантикой «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом «беречь» [7, с. 359].

В статье «Русский вопрос» к концу XX века» А. И. Солженицын употребляет образное словосочетание «выберечь семена» (о нравственности).

Во многих современных публицистических произведениях господствует сниженный стиль, насыщенный оценочной нелитературной лексикой. Слово «выберечь»

не осознаётся как народное, скорее получает высокую окраску в разговоре о нравственности:

*Все добрые семена, какие на Руси еще чудом не дотоптаны, – мы должны **выберечь** и вырастить*⁷.

В СРНГ указаны два значения глагола *обминуть*: 1. Проезжать мимо, не делая остановки, миновать кого-, что-либо (Южное, Западное, Смоленское западное, Брянское, Курское, Литовское); 2. Обогнать кого-либо (Южное, Западное, Литовское)⁸. Словарь В. И. Даля содержит еще одно значение слова: «Обойти или объехать кругом, вокруг, околицей, минуя что»⁹.

А. И. Солженицын в статье «Как нам обустроить Россию?» использует глагол *обминуть* в переносном смысле («охватить»):

*И если **обминуть** еще полное безвластие (анархию, власть каждого сильного над каждым слабым); и не попасться снова в капкан тоталитаризма, изобретенного в XX веке, то нельзя сказать, чтоб у нас был широкий выбор: по всему потоку современности мы изберем несомненно демократию*¹⁰.

В речи «Игра на струнах пустоты» (Ответное слово на присуждение литературной награды Американского Национального Клуба Искусств) *обминуть* выступает в том же значении:

*Этот агрессивный порыв можно было бы счесть всего лишь за амбицию честолюбий, если бы в России – прошу прощения собравшихся, что я буду больше говорить о России, но в наше время нельзя **обминуть** тяжелый и глубокий русский опыт, – если бы в России он не предварил, не предсказал собою и своими ухватками – вскоре наступившую разрушительнейшую физическую революцию XX века*¹¹.

¹ Выдуриваться // Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л.: Наука, 1970. С. 276.

² Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 29).

³ Выдуривать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 288.

⁴ Русский словарь языкового расширения. Составитель А. И. Солженицын. М.: Голос, 1995. С. 42.

⁵ Выберечь // Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л.: Наука, 1970. С. 245.

⁶ Выбергать, выберечь // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 278.

⁷ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века (Т. 8, с. 201).

⁸ Обминуть // Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л.: Наука, 1987. С. 129.

⁹ Обминовать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 602.

¹⁰ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 39).

¹¹ Солженицын А. И. Игра на струнах пустоты (Т. 8,

Введение диалектизма *обмину́ть* в речевую практику автора объясняется стремлением его к необычности высказывания.

Анализируемый глагол построен по продуктивной модели «основа глагола *мину́ть* + префикс *об-*», имеет значение «действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-нибудь, на все стороны чего-нибудь» [7, с. 363].

Слово *окре́щивать* в говорах многозначное: 1. Осенить крестным знаменем, перекрестить (Архангельское); 2. Обмануть, надуть (Тюменское, Тобольское); 3. Ударять, бить (Псковское, Тверское, Новгородское, Вологодское, Курское)¹.

А. И. Солженицын в речи «Третьему собору зарубежной русской церкви» переосмысливает семантику лексемы, использует слово в далевском значении: «совершать над кем обряд таинства крещения»².

Данный глагол образован от глагола *окрестить* при помощи суффикса *-ива-*, соответствует продуктивному в литературном языке типу [7, с. 350-351].

Благодаря тому, что видовая пара глагола *окре́щивать* – слово *окрестить* – является литературным, диалектизм не воспринимается читателем как нечто незнакомое, инородное:

*В Рязанской области, которую я наблюдал больше других, до 70% младенцев окре́щивается, несмотря на все запреты и преследования. А на кладбищах кресты все больше вытесняют советские столбики со звездой и фотографией*³.

Областное слово *очунаться* является многозначным: 1. То же, что очнуться (прийти в сознание, очнуться) Владимирское); 2. Проснуться (Вологодское); 3. Протрезвиться (Вологодское); 4. Раскаться, исправиться (Вологодское)⁴. Аналогичные значения

указаны и в словаре В.И. Даля⁵: «очувствоваться, опомниться, прийти в себя, в память и в чувства // проснуться, пробудиться, восстать от сна и опамятоваться // протрезвиться, проспаться после хмелю и опомниться».

Для А. И. Солженицына диалектизм *очунаться* – источник речевой экспрессии. Вместо нейтрального литературного слова *опомниться* использовано выразительное местное «стали *очунаться*»:

*Но даже в самые жуткие годы, к ранней пятилетке, уже стали «революционные идеалисты» очунаться*⁶.

Диалектизм не требует дополнительных разъяснений в тексте. Согласно словарю В. И. Даля слово *очунаться* связано с общеупотребительными словами «чуть, чувство»⁷. Этимологически слово, возможно, восходит к древнерусскому *очхнутися* («прийти в себя») ⁸.

Согласно словарю современного литературного языка, наречие *ежедённо* является областным и устаревшим⁹, оно образовано от областного и устаревшего относительного прилагательного *ежедённый*¹⁰ при помощи суффикса *-о-*. Такие наречия, относящиеся к высокопродуктивному словообразовательному типу, одновременно мотивируются (опосредствованно) теми существительными, которыми мотивированы соответствующие прилагательные, и имеют значение «так, как свойственно тому, что названо мотивирующей основой прилагательного («день»)» [7, с. 398].

Указывая на признак признака, наречие выполняет изобразительную роль, предо-

с. 89).

¹ Окре́щивать // Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Л.: Наука, 1987. С. 163.

² Окре́щивать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 667.

³ Солженицын А. И. Третьему Собору зарубежной русской церкви (Т. 7, с. 157).

⁴ Очунаться // Словарь русских народных говоров.

Вып. 25. Л.: Наука, 1990. С. 73.

⁵ Очунаться // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, С. 777.

⁶ Солженицын А. И. Колблет твой треножник (Т. 7, с. 431).

⁷ Очунаться // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 777.

⁸ Очнуться // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.: Азбука, Терра, 1996. С. 178-179.

⁹ Ежедённо // Большой академический словарь русского языка: в 19 т. Т. 5. М., СПб.: Наука, 2006. С. 521.

¹⁰ Ежедённый // Большой академический словарь русского языка: в 19 т. Т. 5. М., СПб.: Наука, 2006. С. 521.

ставляя в распоряжение автора богатую палитру языковых красок. В статье «На возврате дыхания и сознания» публицист употребляет областное слово *ежедённо* в образной функции:

*А штампы принудительного мышления, да не мышления, а диктованного расуждения, ежедённо втолакиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, еженедельно конспектируемые для кружков политучебы, – изуродовали всех нас, почти не оставили неповрежденных умов*¹.

Воронежское наречие *истратно* включено А. И. Солженицыным в РСЯР². Слово образовано от относительного имени прилагательного *истратный* («к истрате относящийся»)³ при помощи суффикса *-о-*, по высокопродуктивному типу [7, с. 398].

Областное наречие *истратно* в статье «Русский вопрос к концу XX века» наглядно описывает действия Елизаветы, ее отношение к «русской народной силе»:

*И при таком-то тяжелом состоянии государства и уже вековой народной усталости – неустойчивая духом Елизавета, вместо «сбережения народа», оказалась легкомысленно озабочена «опасностями для европейского равновесия» – и неоправданно, непростительно, истратно кидала русскую народную силу в чужие для нас европейские раздоры и даже авантюры*⁴.

Значение областного и устаревшего слова *исчужа* (и *исчужа*) – «со стороны»⁵. Это наречие с префиксом *ис-* и суффиксом *-а* обозначает исхождение от пространственного признака, названного мотивирующим прилагательным «чужой». Данный тип словообразования в современном рус-

ском литературным языком является непродуктивным [7, с. 404].

Писатель ориентируется на критерий общедоступности, понятности текста, и поэтому в статье «Как нам обустроить Россию?» он использует диалектизм *исчужа*, который не требует разъяснения:

*Упущенная и семей и школой, наша молодежь растет если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему-то заманчивому *исчужа**⁶.

К универбальным диалектизмам, вслед за М. М. Копыленко [2], Т. В. Матвеевой [3] и некоторыми другими исследователями, относим те периферийные лексемы, которые нельзя «перевести» на литературный язык при помощи одного слова. Универбы толкуются только описательно. К этой группе относятся слова: *колосьба*, *мякотка*, *подгнётный*.

В «Письме вождям Советского Союза» диалектизм-универб *колосьба* служит средством создания метафорического образа – «колосьба мыслей»:

*Такая свободная **колосьба** мыслей быстро избавит вас от необходимости все новые идеи с запозданием переводить с западных языков, как это происходит все полвека, вы же знаете*⁷.

В тверском и псковском говорах слово *колосьба* имеет значение «время, когда колосится рожь»⁸. А. И. Солженицын следует в трактовке семантики лексемы за В. И. Далем, предлагая в РСЯР два значения: 1. Состояние по глаголу; 2. Эта пора⁹. Слово выступает в солженицынском тексте в кульминативной функции, которая осуществляется через сфокусированный контекст (т. е. диалектизм выделяется, противопоставляется лексике литературного языка). Имя существи-

¹ Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания (Т. 7, с. 40).

² Русский словарь языкового расширения. Составитель А. И. Солженицын. М.: Голос, 1995. С. 89.

³ Истранивать, истратить // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 62.

⁴ Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века (Т. 8, с. 135).

⁵ Исчужа // Большой академический словарь русского языка: в 19 т. Т. 7. М., СПб.: Наука, 2007. С. 494.

⁶ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? (Т. 8, с. 30).

⁷ Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза (Т. 7, с. 93).

⁸ Колосьба // Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л.: Наука, 1978. С. 177.

⁹ Русский словарь языкового расширения. Составитель А. И. Солженицын. М.: Голос, 1995. С. 94; Колось // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. С. 141.

тельное *колосьба* мотивировано глаголом *колоситься* (сравним: *боронить* – *бороньба* (устаревшее и областное), *похвалиться* – *похвальба*), словообразовательный суффикс – *-б(а)*. Тип, по которому образовано слово, проявляет некоторую продуктивность в художественной речи.

Псковское и тверское слово *мякотка* имеет значение «битое, полугнилое яблоко¹, построено по модели «мякоть + суффикс –к-», характерной для образования разговорных и просторечных слов типа «книжка, кладовка». Существительное называет предмет, похожий по функции на предмет, названный мотивирующим словом [7, с. 205].

Слово *мякотка* в статье «Колеблет твой треножник» помогает создать образ эстет-литературоведа как «червя», точившего «свой грызовой ход». Значение диалектной лексемы и созданный автором образ становятся понятны читателю только при обращении к словарям:

*Да не к этой ли самой мякотке он и точил весь свой грызовой ход?*²

Слово с вариантами ударения (*мякотка* и *мякотка*) введено А. И. Солженицыным в РСЯР³.

И. Б. Голуб полагает, что «публицистам свойственно преимущественно наглядное мышление в противовес отвлеченному, что практически находит отражение в широком использовании конкретных существительных»⁴. Искусное введение в текст конкретного имени существительного *мякотка* создаёт зримую картину.

В РСЯР А. И. Солженицын включает выражение «мы люди подгнетные». Семантика слова *подгнетный* приведена в словаре В. И. Даля: «находящийся, состоящий под гнетом»⁵. Способ образования слова – пре-

фиксально-суффиксальный: «*гнет* + би-морфема *под-... -н- (ый)*», данный тип образования включает слова со значением «находящийся в сфере, в ведении того, что названо мотивирующим словом и является продуктивным в различных терминологических сферах [7, с. 315]. В СРНГ указаны два фонетических варианта лексемы: *подгнетный* и *подгнётный*, а также сфера распространения – Южный Урал, Орловская область⁶.

Ораторские речи, как произведения публицистического стиля, как правило, содержат оценку. В «Речи в Гарварде на ассамблее выпускников университета» А. И. Солженицын при помощи ёмкого художественного определения *подгнетные* даёт оценку членам хельсинской группы:

*На позорной Белградской конференции свободные западные дипломаты в слабости уступили тот рубеж, на котором подгнетные члены хельсинской группы отдают свои жизни*⁷.

Г. Шурмак писал: «У Солженицына... каждая мысль, каждое движение души проговорены до однозначности, прояснены до доньшка, в чем и обаяние» [11, с. 13]. «Однозначность» во многом создаётся благодаря найденным для выражения идей словам.

Факт использования творцом в публицистических произведениях диалектизмов, их отбор является, с одной стороны, отражением сознательного подхода А. И. Солженицына к организации речевой структуры текстов, а с другой стороны – проявлением бессознательных актов языкового мышления публициста, что обусловлено его творческой позицией, заключающейся в отношении к народу как к речетворцу, создателю духовных ценностей русской культуры, лексики, обогащающей литературный язык.

Главный критерий отбора речевых средств в публицистическое произведение – общедоступность. Проанализированные диалектизмы, используемые А. И. Солженицыным в публицистических

¹ Мякотка // Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Л.: Наука, 1983. С. 80.

² Солженицын А. И. Колеблет твой треножник (Т. 7, с. 440).

³ Русский словарь языкового расширения. Составитель А. И. Солженицын. М.: Голос, 1995. С. 113.

⁴ Голуб И. Б. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата / И. Б. Голуб, С. Н. Стародубец. М.: Юрайт, 2019. С. 218.

⁵ Подгнетный // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1994. С. 168.

⁶ Подгнетный и подгнётный // Словарь русских народных говоров. Вып. 27. Л.: Наука, 1992. С. 374.

⁷ Солженицын А. И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников (Т. 7, с. 250).

работах, как правило, не вызывают затруднения в понимании сообщения. Основным методом прояснения значения местных слов в текстах публициста следует считать контекстуальное прояснение.

Большинство областных слов, употреблённых А. И. Солженицыным, успешно интерпретируются читателями (слушателями) с опорой на хорошо известные словообразовательные модели с определёнными формантами и их словообразовательным значением.

Невозможно бесстрастно писать о том, что волнует огромное количество людей. Провинциализмы *мякотка, отвилкок, подгнётный, пропастный, выберечь, очунать* ся служат средством выражения открытой

оценочности, которая является приметой и свойством публицистического стиля.

Как мы уже отмечали, А. И. Солженицын «показывает лексические, грамматические и изобразительно-эстетические возможности языка» [9, с. 124]. Дialeктизмы в публицистических произведениях автора не утрачивают своей самостоятельности и постоянно взаимодействуют с лексикой нормированного языка, их употребление оправдано задачей воздействия на адресата. Все это даёт основание полагать, что А. И. Солженицын развил и умножил стиливое богатство русской публицистической речи.

Статья поступила в редакцию 30.10.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балгурина А. В., Брянская Е. О. Дialeктизмы в России // Студенческая наука – от формальности к творчеству. Материалы IV студенческой конференции в рамках X Фестиваля науки на филологическом факультете, Российский университет дружбы народов; науч. ред. Ю.Н. Эбзеева. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 114-120.
2. Копыленко М. М. К построению семантической типологии (универбы и перифразы) // Проблемы лексикологии. Минск: БГУ, 1973. С. 48-55.
3. Матвеева Т. В. О соотношении экспрессивных диалектных глаголов с нейтральными литературными аналогами // Литературный язык и народная речь: межвузовский сборник научных трудов / Пермский государственный университет им. А. М. Горького; редкол.: Ф. Л. Скитова (гл. ред.) и др. Пермь, 1981. С. 68–74.
4. Моисеев А. И. Мотивированность слов (мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке) // Исследования по грамматике русского языка. Вып. 68, ч. 4., №322. Л., 1963. С. 113–127.
5. Прохорова В. Н. Дialeктизмы в языке художественной литературы. М.: Учпедгиз, 1957. 80 с.
6. Романцова Т. Д. Дialeктизмы как средство эстетизации медиатекста // Медиалингвистика. Материалы II Международной научно-практической конференции. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 109-110.
7. Русская грамматика. В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. М.: Наука, 1982. 783 с.
8. Сулейманова Л. Р., Кутлугулова А. И. Употребление дialeктизмов в газете «Вечерняя Уфа» // Роль литературы в духовно-нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной Году литературы в Республике Башкортостан и Российской Федерации, 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сибай, 2015. С. 161-163.
9. Цынк С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына (на материале «Русского словаря языкового расширения»): монография. М.: НИЯУ МИФИ, 2014. 144 с.
10. Черкашина Н. С. Дialeктная речь в пространстве художественного текста // Научные вести. 2019. №1 (6). С. 176-179.
11. Шурмак Г. Наш спор – не духовный // Русская мысль. 1999. 2-8 сентября. С. 13.

REFERENCES

1. Balgurina A. V., Bryanskaya E. O. *Dialektizmy v Rossii* [The dialect in Russia]. In: [Student science – from formalities to creativity. Proceedings of the 4th Student conference in the framework of the 10th Festival of science at the faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; Scientific Editor

- N. Ebzeeva]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2017, pp. 114–120.
2. Kopylenko M. M. *K postroeniyu semanticheskoi tipologii (univerby i perifrasy)* [To building a semantic typology (of universe and periphrase)]. In: *Problemy leksikologii* [Problems of lexicology]. Minsk, Belarusian State University Publ., 1973, pp. 48–55.
 3. Matveeva T. V. *O sootnoshenii ekspressivnykh dialektnykh glagolov s neutral'nymi literaturnymi analogami* [On the ratio of expressive dialect verbs with neutral and literary equivalents]. In: *Literaturnyi yazyk i narodnaya rech': mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Literary language and folk speech: interuniversity collection of scientific papers] / Gorky Perm State University; the editorial Board: F.L. Skitova (Chief Editor) et al. Perm, 1981, pp. 68–74.
 4. Moiseev A. I. [Words motivation (motivation of complex nouns with the meaning of face in the Russian language)]. In: *Issledovaniya po grammatike russkogo yazyka* [Studies on the grammar of the Russian language]. Issue 68, vol. 4, no. 322. Leningrad, 1963, pp. 113–127.
 5. Prokhorova V. N. *Dialektizmy v yazyke khudozhestvennoi literatury* [Dialect in the language of fiction]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 80 p.
 6. Romantsova T. D. *Dialektizmy kak sredstvo estetizatsii mediateksta* [Dialect as a medium of aestheticization of the media text]. In: *Medialingvistika* [Metalinguistic]. Proceedings of the 2nd International scientific-practical conference. Vol. 6. The language in the coordinates of the mass media. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2017, pp. 109–110.
 7. *Russkaya grammatika*. V 2-kh t. [Russian grammar. In 2 volumes] / The editorial Board: N. Shvedova (Chief Editor) et al. Vol. 1. *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Phonetics. Phonology. The emphasis. Intonation. Word formation. Morphology] / N. Avilova, A. Bondarenko, E. Bryzgunova... Moscow, Nauka Publ., 1982. 783 p.
 8. Suleimanova L. R., Kutlugulova A. I. *Upotreblenie dialektizmov v gazete «Vechernyaya Ufa»* [The use of dialect in the newspaper "Evening Ufa"]. In: [The role of literature in spiritual and moral and Patriotic education of the younger generation. The collection of materials of all-Russian scientific-practical conference (with international participation) dedicated to the Year of literature in the Republic of Bashkortostan and the Russian Federation, and the 70th anniversary of Victory in the great Patriotic war]. Sibay, 2015, pp. 161–163.
 9. Tsynk S. V. *Leksicheskii potentsial yazyka v otsenke A.I. Solzhenitsyna (na materiale «Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya»): monografiya* [The lexical potential of the language in the assessment of A. Solzhenitsyn (on the material of "dictionary of the Russian language extensions"): the monograph]. Moscow, National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» Publ., 2014. 144 p.
 10. Cherkashina N. S. [Dialectal speech in the space of the fiction text]. In: *Nauchnye vesti*, 2019, no. 1 (6), pp. 176–179.
 11. Shurmak G. *Nash spor – ne dukhovnyi* [Our argument is not spiritual] // *Russkaya Mysl'* [Russian thought Publ.], 1999, 2-8 September, pp. 13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цынк Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Димитровградского инженерно-технологического института – Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»;
e-mail: tsynk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Tsynk – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Humanities Sciences of Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute);
e-mail: tsynk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цынк С. В. Дialektizmy в публицистике А.И. Солженицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 82–92.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-82-92

FOR CITATION

Tsynk S. V. Dialectisms in Publicistic Texts by A. Solzhenitsyn. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 82–92.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-82-92

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 595.7:821.161.1 Пушкин А. С.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-93-106

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Джанумов С. А.

*Московский городской педагогический университет
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Цель данного исследования – выявление пушкинской концепции Петербурга в поэме «Медный Всадник», устойчивого комплекса мотивов и образов, имеющих отношение к «северной столице».

Процедура и методы исследования. В статье приведён анализ взглядов некоторых предшествующих и современных исследователей последней пушкинской поэмы, проводится мысль, что «град Петров» в творческом сознании Пушкина ассоциировался с несокрушимостью и мощью России. Методология состоит в раскрытии литературных приёмов Пушкина при описании Петербурга (образов, рифм, эпитетов и т. д.).

Результаты проведённого исследования. Обращается внимание на то, что многие образы и краски в картине Петербурга не что иное, как пушкинские реминисценции и автоцитаты, что несколько не отменяет, говоря словами В. Г. Белинского, «высокой и мощной поэзии» не только Вступления, но и всей рассматриваемой в статье «петербургской повести». Делается вывод, что «Медный Всадник» является одним из тех произведений Пушкина, которые положили начало «Петербургскому тексту» (термин В. Н. Топорова) русской литературы.

Теоретическая / практическая значимость. В статье обобщён материал по исследуемой теме и вместе с тем в научный оборот введены наблюдения над авторскими культурно-историческими и пейзажно-ландшафтными характеристиками Петербурга, представленными в пушкинской поэме. На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что в «Медном Всаднике» Петербург представлен как объект и субъект повествования. Выделенные в статье поэтические приёмы направлены на то, чтобы передать пушкинское восприятие великолепия, очарования и красоты Петербурга и вместе с тем его дисгармонию в часы разрушительного наводнения, безраздельного господства стихии.

Ключевые слова: два лика Петербурга, литературный фон поэмы, «Петербургский текст», пейзаж, стихия, образы, мотивы, рифмы, эпитеты

THE IMAGE OF ST. PETERSBURG IN A. PUSHKIN'S POEM «THE BRONZE HORSEMAN»

S. Dzhanumov

*Moscow City Pedagogical University
4 2nd Selskokhozyaystvenny pr., Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the study is to identify the Pushkin concept of St. Petersburg in the poem "The Bronze Horseman", a stable set of motifs and images related to the "northern capital".

Methodology and Approach. The article provides an analysis of the views of some previous and modern researchers of the last Pushkin poem. It argues that the "Peter's city" in Pushkin's creative mind was associated with the invincibility and power of Russia. The methodology lies in the revealing of Pushkin's literary devices in describing Petersburg (images, rhymes, epithets, etc.).

Results. Attention is drawn to the fact that many of the images and colours in the painting of St. Petersburg are nothing but Pushkin's reminiscences and auto quotes, which does not change, in V. Belinsky's words, "high and powerful poetry" of not only the Introduction but also of the entire "St. Petersburg story". It is concluded that The Bronze Horseman is one of those Pushkin's works that laid the foundation for the Petersburg Text (V. Toporov's term) of Russian literature.

Theoretical and Practical Implications. The article summarizes the material on the topic under study and, at the same time, introduces into scientific circulation the observations on the author's cultural, historical, and landscape characteristics of St. Petersburg presented in the Pushkin poem. Based on the analyzed material, we can conclude that in The Bronze Horseman Petersburg is presented as an object and subject of the story. The poetic techniques highlighted in the article are aimed at conveying Pushkin's perception of the magnificence, charm, and beauty of Petersburg and, at the same time, its disharmony during the hours of devastating floods, the full rule of the forces of nature.

Keywords: two faces of Petersburg, the literary background of the poem, «Petersburg Text,» landscape, a force of nature, images, motifs, rhymes, epithets

ВВЕДЕНИЕ

Последняя поэма Пушкина «Медный Всадник» (1833) имеет почти двухвековую историю изучения. Как отмечает М. Н. Виролайнен в третьем выпуске «Пушкинской энциклопедии» [5] в словарной статье, посвященной «Медному Всаднику», «неразрешимость изображённого в поэме конфликта и её смысловая многоплановость породили удивительную разногласию суждений о самом содержании поэмы, о смысле её сюжета» [5, с. 76]. И в первые десятилетия XXI века эта «петербургская повесть» продолжает привлекать внимание исследователей. В последние годы вышли в свет работы, в которых поставлен целый ряд вопросов, важных для истолкования смысла и содержания этого пушкинского шедевра. Кратко остановимся на некоторых из этих работ, так или иначе связанных с проблематикой нашей статьи.

Один из крупнейших современных пушкинистов Н. И. Михайлова включила в свою монографию «Болдинская осень» [10] две статьи, посвящённые «Медному

Всаднику»: «К литературному фону поэмы А. С. Пушкина "Медный всадник"», «Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» (тема Петра и ораторская традиция)». И хотя обе указанные статьи уже были ранее опубликованы в «Болдинских чтениях», они сохраняют своё научное значение.

В первой из этих статей литературный фон «Медного Всадника» существенно расширяется за счёт проповеди, которую произнёс архимандрит Поликарп в Казанском соборе 14 ноября 1824 года: «Слово по случаю бывшего в Санкт-Петербурге наводнения 1824 года, 7 ноября» (т. е. неделю спустя после катастрофы). Это церковное «Слово», по мнению автора статьи, «... дополняет наше представление о той фактографической среде, в которой создавалось и в соотношении с которой воспринималась поэма Пушкина» [10, с. 63].

Изучение «Медного Всадника» в связи с ораторской культурой XVIII – первой трети XIX века продолжено во второй из указанных выше статей Н. И. Михайловой. И здесь автор статьи привлекает к анализу ораторский текст, который ранее не использовался в исследованиях, посвящён-

ных «Медному Всаднику»: «Слово в похвалу Санктпетербурга и его Основателя, Государя Императора Петра Великого, говоренное пред лицом сего Монарха, Преосвященным Гавриилом Бужинским, Епископом Рязанским и Муромским...». Это и другие рассмотренные в статье ораторские «Слова» Н. И. Михайлова вполне обоснованно привлекает «... и в качестве возможных литературных источников «Медного всадника», и в качестве типологического сопоставительного материала для выявления тех особенностей поэтики Пушкина, которые восходят к русскому красноречию» [10, с. 66].

Заслуживает внимания и докторская диссертация В. Л. Коровина «Библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века» [9], где в главе двенадцатой выявлен один из никем ещё не замеченных литературных источников «Медного Всадника» – стихотворение Е. В. Херасковой (супруги М. М. Хераскова) «Потоп. По расположению г. Геснера» (впервые: «Вечера», еженедельное издание на 1772 год (СПб., 1772. Ч. 1. С. 156–160), подражание прозаической поэме швейцарского поэта Саломона Геснера (Gessner, 1730–1788) «Потоп. Семира и Семин» (1762). В этой поэме изображается гибель двух влюблённых во время Всемирного потопы. Один из четырёх русских переводов поэмы принадлежал А. С. Шишкову (1785). В. Л. Коровин обнаруживает в «Медном Всаднике» тематические, сюжетные и образные переклички с «Потопом» Геснера и, в особенности, со стихотворением Е. В. Херасковой. Вместе с тем, по мнению исследователя, «картина мира в «Медном всаднике» полемична по отношению к идеологии и эстетике Геснера и его идиллий, на нравственные ценности которых ориентированы мечты пушкинского “бедного Евгения”» [9, с. 25].

В статье В. А. Викторovichа «“Медный всадник” в творчестве Ф. М. Достоевского» (2019) [4] выявляются отзвуки последней пушкинской поэмы в произведениях Достоевского. Как подчёркивает автор статьи в аннотации, «в «петербургской

поэме» «Двойник» парафраз ощущается в хронотопе (ноябрь, Петербург, тротуарная тумба), в угрозе наводнения и явлении сверхличного могущества, которое у Достоевского персонифицируется, вместо статуи, в двойнике. Подобно пушкинскому Евгению, Голядкин бросает вызов гнетущей силе и переживает катастрофу безумия. В отличие от Пушкина, у Достоевского деструкция исходит как от враждебного мира, так и от амбициозной личности героя. Достоевский прочитал пушкинский шедевр как экзистенциальный сюжет о богооставленности человека, усомнившегося в прочности мирового бытия. Этот мотив заявлен уже в «Бедных людях», а затем получает развитие, кроме «Двойника», в «Господине Прохарчине», «Слабом сердце», где к катастрофе ведёт неуверенность и страх жизни. <...> Петербургский текст Достоевского формируется в виду «Медного всадника» на грани символики, связующей с темой библейского Иова, и фантазмагории города-призрака. Поэма о Петре и Евгении стала частью пушкинского кода русской литературы, получив возможность наращивать смысловой потенциал в последующих эпохах» [4, с. 107].

Как прозорливо заметил в своей посмертно вышедшей в свет монографии «Петербургский текст» [12] академик В. Н. Топоров, «Петербург познавал самого себя не столько из описания реалий жизни, быта, своей все более и более углубляющейся истории, сколько из русской художественной литературы. <...> Восстав из «топи блат», Петербург расколол русское общество на две непримиримые части: для одной это был «парадиз», окно в Европу, в которую Петербург старался втащить всю Россию, для другой он был бездной, предвещанием эсхатологической гибели. Попытки примирения двух крайностей не удавались, более того, сама идея их синтеза представлялась неосуществимой» [12, с. 25].

Показательно, что учёный, открывший «... в нашей культуре такое сверхявление, как её *петербургский текст*» (курсив С. Г. Бочарова. См. его вступи-

тельную статью к указанной монографии В. Н. Топорова. – С. Д.) [12, с. 5], в самом начале книги цитирует «Медного Всадника» Пушкина. И это неслучайно. Если К. Н. Батюшков своим очерком «Прогулка в Академию художеств» (1814) во многом предвосхитил описание Петербурга в «Медном Всаднике», то Пушкин остался в русской литературе писателем, который сумел воссоздать не только в этой поэме, но и в других своих произведениях два лика Петербурга. Вот как об этом пишет В. Н. Топоров: «Батюшков был, пожалуй, первым, кто за наличным бытием Петербурга узрел нечто общее и светлое, не только объединяющее разноплановые реалии в целое, но и подведшее к порогу открытия новых смыслов, которыми чреват Петербург. Первым же открывателем этих смыслов города суждено было стать Пушкину, у которого петербургская тема обрела самодовлеющую ценность и открыла новое широкое пространство для осмысления сути города, если угодно, его души» [12, с. 25].

Но ещё до В. Н. Топорова обнаружил значительное сходство очерка Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» с пушкинской поэмой Н. В. Фридман в своей монографии «Проза Батюшкова» [13]: «Рисую в «Медном всаднике» основание Петербурга, Пушкин обратился к тому произведению Батюшкова, где оно было ярко изображено, и воспроизвёл в своей поэме идейно-композиционную схему этого описания и отдельные его образы. Основным стержнем всей картины у Пушкина и у Батюшкова становится контраст прошлого и настоящего земли, на которой был построен Петербург» [13, с. 160]. И далее Н. В. Фридман, сравнивая поразительно совпадающие мотивы и образы «Медного всадника» и «Прогулки в Академию художеств», приходит к выводу: «Желая изобразить основание Петербурга, Пушкин совершенно естественно обратился к тому произведению своего предшественника, где – если вспомнить выражение из «Арапа Петра Великого» – была прославлена “по-

беда человеческой воли над сопротивлением стихий”» [13, с. 163].

Несколько по-иному оценивал роль Петра в строительстве Петербурга Н. М. Карамзин. В «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» (1811) он считал «основание новой столицы на северном крае государства» «ошибкой», хотя и «блестящей», Петра. Вот как об этом пишет Карамзин в своей «Записке...»: «Утаим ли от себя ещё одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осуждённых природою на бесплодие и недостаток. <...> Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. <...> Человек не одолеет натуры!» [8, с. 37].

Правда, тут же Карамзин как бы оправдывает эту «ошибку» Петра величием совершенных им преобразований: «Но великий муж самыми ошибками доказывает своё величие: их трудно или невозможно изгладить – как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!..» [8, с. 37].

Нельзя не увидеть перекличку приведённых выше суждений Карамзина из его «Записки...» со стихотворением «Моя родословная» (1830) и поэмой «Медный Всадник» Пушкина:

- (1) Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля¹;
(2) ...Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво²;
(3) Какая сила в нем сокрыта!³;

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. С. 263.

² Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

³ Там же, с. 21.

(4) *На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*¹.

В литературе о «Медном Всаднике» нераз указывались и другие произведения русских и зарубежных авторов конца XVIII – первой трети XIX века, так или иначе получивших отклик в пушкинской поэме, оказавших на неё определённое воздействие. С наибольшей полнотой этот «литературный фон» поэмы представлен в издании «Медного Всадника», подготовленном Н. В. Измайловым в серии «Литературные памятники»², в одном из «Дополнений» к тексту поэмы. Некоторые из этих авторов, как отмечает Н. В. Измайлов, «названы самим Пушкиным в примечаниях к «Петербургской повести»: Мицкевич, П. А. Вяземский, Альгаротти; особое место занимают В. Г. Рубан, упомянутый в тех же примечаниях в связи с Мицкевичем, и Д. И. Хвостов, которому посвящено три с половиной стиха в тексте поэмы. Но кроме этих, указанных самим поэтом авторов, нужно назвать ещё несколько имён: А. Н. Радищев, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, Жозеф де Местр, С. П. Шевырев»³.

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭМЕ ПУШКИНА

При обращении к тексту «Медного Всадника» сразу же обращает на себя внимание авторский подзаголовок произведения: «Петербургская повесть». Как отмечает в своей словарной статье об этой пушкинской поэме М. Н. Виролайнен, «стихотворная повесть оформилась как жанровое образование по ходу эволюции романтической поэмы» [6, с. 88]. И далее автор словарной статьи указывает на то, что «у Пушкина подзаголовок «повесть» впервые появляется в «Кавказском пленнике» (1821–1822)...» [5, с. 88]. Но нас в подзаголовке «Медного Всадника» интересует не столько жанровое определение произведения – «повесть», сколько её то-

понимическая привязанность именно к Петербургу: «Петербургская (курсив мой. – С.Д.) повесть». И это, конечно, неслучайно, так как, по справедливому суждению Н. В. Измайлова, «образ Петербурга проходит через всю поэму – от первых строк Вступления <...> до заключительных строк об «острове малом» на взморье, где находит свою могилу «ничтожный герой», освобождённый смертью от страданий»⁴.

Действительно, уже во Вступлении сделан акцент на том историческом моменте, когда в сознании Петра появляется мысль об основании новой столицы России на взморье, «на берегу пустынных волн». И далее следует первый набросок петербургского пейзажа. Как тонко отмечено С. Г. Бочаровым, «схема этого пейзажа в самом общем выглядит так: вода и камень в разнообразных между собой отношениях минус земля. Много воды и много камня, почти нет земли (курсив С. Г. Бочарова. – С. Д.) [3, с. 352].

Сначала ничто, казалось бы, не предвещает создания чудесного будущего города среди окружающей Петра бедной и несколько мрачноватой природы:

*На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По миштым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца
Кругом шумел*⁵.

Рисуя эту унылую картину, Пушкин как бы отвечает на вопрос К. Н. Батюшкова в его очерке «Прогулка в Академию художеств» (1814): «... что было на этом месте до построения Петербурга?»⁶

¹ Там же, с. 21.

² Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 125–144.

³ Там же, с. 125.

⁴ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 242.

⁵ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

⁶ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Издание подготовила И. М. Семенко. М.: Наука, 1978. 608 с.

Казалось бы, никакое строительство нового города в таком гиблом месте невозможно. Но Пушкин, как уже не раз отмечалось, рисуя в первых строках своей поэмы Петра-демиурга, стоящего на берегу широкой реки, «на берегу пустынных волн», во многом находится во власти «воображения» своего предшественника – К. Н. Батюшкова, который в своем прозаическом этюде восклицает: «И воображение моё представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные!»¹

Однако образный строй, формирующий начальные строки Вступления, восходит не только к К. Н. Батюшкову, но и к более ранним произведениям самого автора «Медного Всадника». Так, эпитет «пустынные» (здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, курсив мой. – С.Д.) волны» мы встречаем в стихотворении Пушкина «Наполеон» (1821): «Почий среди пустынных волн...»². Привычна для Пушкина и часто употребляется в его поэзии рифма «волн : полн», например, в более раннем лицейском стихотворении, также посвящённом Наполеону, – «Наполеон на Эльбе» (1815):

«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвояет над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн...»³

Как видим, пейзаж почти тот же, что и в начале Вступления к «Медному Всаднику»: снова волны, только не «пустынные», а «бурные» (впрочем, в поэтическом хозяйстве Пушкина, как отмечал ещё В. Ф. Ходасевич в своей книге «О Пушкине» [14] (впервые: Берлин: Петрополис, 1937), ничего не пропадало): в «Медном Всаднике» «бурные волны» тоже появятся, только уже не во Вступлении, а во второй части поэмы: «И долго с бурны-

ми волнами / Боролся опытный гребец...»⁴); «туман», «утлый... челн» (в «Медном Всаднике» – «бедный челн»⁵).

И Наполеон в стихотворении, и Пётр I в начале Вступления среди окружающей природы одиноки и «полны дум», но Наполеона обуревают «мятежные думы», а Пётр «дум великих полн». Академик В. М. Жирмунский в своей книге «Теория стиха» заметил, что указанная выше рифма в начале Вступления утраивается: «В этом отрывке, характерном для рифмовой техники Пушкина, целый ряд смысловых рифм – грамматически разнородных, захватывающих корень слова; например – волн : полн : челн...» [6, с. 293].

Возможно, неслучайно и эпитеты, и рифмы, и пейзажные картины, и другие художественные детали, связанные с ранними стихотворениями, посвящёнными Наполеону, пришли на ум Пушкину при начертании первых строк «Медного Всадника». В своих статьях и заметках Пушкин не раз сопоставлял и даже сблизил этих двух великих исторических лиц – русского и французского императоров. Так, в статье «<Заметки по русской истории XVIII века>» (1822) Пушкин, рассуждая о Петре I, по какой-то ассоциации вспоминает о Наполеоне: «Петр I не страшился народной Свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон»⁶.

Годом ранее, в упомянутом выше стихотворении 1821 года «Наполеон» Пушкин, узнав в Кишиневе о смерти великого узника на острове Св. Елены и подводя итог историческим деяниям Наполеона, осудит его теми же словами, что и затем Петра I: «Ты человечество презрел»⁷.

(Литературные памятники). С. 73.

¹ Там же, с. 73.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 2. С. 213.

³ Там же. Т. 1, с. 88.

⁴ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 18.

⁵ Там же, с. 9.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 11. С. 14.

⁷ Там же. Т. 2, с. 214.

Однако это в статьях и заметках. Во Вступлении же к поэме Пушкин не скрывает своего восхищения русским царём (Пётр I принял титул императора незадолго до своей смерти, в 1722 году) и созданного по его воле чудесного города – Петербурга.

Но вернёмся к рифме «волн : полн». Она, как правило, встречается у Пушкина в контексте тех же поэтических образов и пейзажных описаний, что и в «Медном Всаднике», например, в концовке стихотворения «К морю» (1824):

В леса, в пустыни молчаливы

Перенесу, тобою полн,

Твои скалы, твои заливы,

И блеск, и тень, и говор волн¹.

Здесь «леса» и метафорические «пустыни» противопоставлены «говору волн» (ср. в пушкинской поэме: «пустынных волн» и «лес, неведомый лучам»).

А в стихотворении «Арион» (1827) та же тройная рифма, что и в первом фрагменте Вступления к «Медному Всаднику»:

<...> В тишине

На руль склонясь, наш кормщик умный

В молчаньи правил грузный челн;

А я – беспечной веры полн –

Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн

Измял с налету вихорь шумный...²

Наконец, указанная рифма вновь появляется у Пушкина в концовке стихотворения «Поэт» (1827):

Бежит он, дикой и суровый,

И звуков и смятенья полн,

На берега пустынных волн,

В широкошумные дубровы...³

Напомним, что в начале «Медного Всадника» Пётр («Он») стоит «на берегу пустынных волн», а вместо «широкошумных дубров» в поэме «лес <...> кругом шумел». И это ещё раз подтверждает убеждённость В. Ф. Ходасевича в том, что «он (Пушкин. – С. Д.) был до мелочей бережлив и памятлив в своём поэтическом хозяйстве. Один стих, эпитет, рифму порою берёт подолгу и умел, наконец, использовать» [14, с. 418].

Более подробно о всех случаях использования рифмы «волн : полн» в творчестве Пушкина см. в содержательной статье Т. П. Баталовой «Пушкинская рифма «волн : полн» и её выражение» (2009) [1, с. 34–39]. Что касается до так называемых «вечных» или повторяющихся рифм у Пушкина, то об этом хорошо сказал в своей «Книге о русской рифме» [11] поэт Д. С. Самойлов: «Пушкин ценил не необычность словосочетания, небывалую рифму, а смысл, накопленный в словосочетании и в пространстве между двумя рифмующимися словами. Для гениального архитектора вовсе не нужны кирпичи разного размера. Свежесть слова обнаруживается в контексте, полюбившееся слово бережно сохраняется и многократно ставится в строку, чтобы обнаружить все свои смысловые грани» [11, с. 120].

В. Н. Топоров полагал, что «начало Петербургскому тексту было положено на рубеже 20–30-х годов XIX в. Пушкиным («Уединённый домик на Васильевском», 1829; «Пиковая дама», 1833; <...> «Медный Всадник», 1833, ср. также ряд «петербургских» стихотворений 30-х годов)» [12, с. 659].

В статье «“Всё же мне вас жаль немножко...”». Заметки на полях двух стихотворений Пушкина», в подстрочной сноске, С. Г. Бочаров уточняет: «Кажется, убедительно было бы открыть этот ряд петербургских стихотворений и с ним вместе сам ряд петербургского текста нашим стихотворением 1828 г. (автор статьи имеет в виду пушкинское стихотворение «Город пышный, город бедный...». – С. Д.): вступающий в нём образ уже – впервые, может быть, в литературе – отличается той поэтически-теоретической, историософской концептуальностью и сгущённостью, которая позволяет говорить о петербургском тексте литературы как о новом явлении, в отличие просто от петербургской темы в литературе. «Город пышный, город бедный...» как бы собрал и вместил уже известную критическую массу, позволяющую говорить о новом явлении» [3, с. 58].

И ниже, в той же статье, С. Г. Бочаров отмечает: «Итак, «Медный Всадник». В

¹ Там же. Т. 2, с. 333.

² Там же. Т. 3, с. 58.

³ Там же. Т. 3, с. 65.

самом деле, есть, кажется, ниточка связи к нему от петербургско-оленинской миниатюры (С. Г. Бочаров имеет в виду, что указанное стихотворение посвящено Анне Алексеевне Олениной (1808–1888). – С. Д.). Только там всё будет наоборот. *Вознёсся пышно, горделиво* (курсив С. Г. Бочарова. – С. Д.). Пышное слово является так, что никакого противоречия ему не предполагается. Тут же и стройный вид, и гранит встают под знак «Люблю». Словарный состав петербургского стихотворения важной частью своей, основными словами, но под иными знаками, переходит в петербургскую повесть» [3, с. 61].

И это действительно так. Вспомним, какими словами Пушкин рисует результат «дум великих» Петра:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;*

<...>

*В гранит оделася Нева; <...>
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...¹*

Но и «город бедный», и «свод небес зелёно-бледный» тоже появятся, если можно так выразиться, «отзовутся», но уже не во Вступлении, а в первой и второй частях поэмы: «Что был он *беден...*»; «пожитки *бледной нищеты*» (ср. в VIII «Подражании Корану» Пушкина: «Торгуя совестью пред *бледной нищетою*»²); «*Бедняк* проснулся»; «И *бедный* ужин свой варит»³; «И *бледный* день уж настает...»; «Утра луч / Из-за усталых *бледных* туч...»⁴. Да и «холод» из портрета Петербурга в лирической мини-

атюре тоже перейдёт, в несколько ином словесном обрамлении и значении, в текст поэмы: «Люблю зимы твоей *жестокой* / *Недвижный* воздух и *мороз*»; «Над омраченным Петроградом / *Дышал* ноябрь *осенним холодом*» (ср. в стихотворении «Осень (Отрывок)», законченном в начале ноября 1833 года, через несколько дней после завершения работы над «Медным Всадником»: «*Дохнул осенний хлад* – дорога промерзает...»⁵); «Уже по улицам свободным / С своим бесчувствием *холодным* / Ходил народ»⁶.

Но вернёмся к образу Петербурга в поэме «Медный Всадник». Как известно, рассматривая эту поэму в своём цикле статей «Сочинения Александра Пушкина», В. Г. Белинский в «статье одиннадцатой и последней» утверждал: «Настоящий герой её (поэмы. – С. Д.) – Петербург. Оттого и начинается она грандиозною картиною Петра, задумывающего основание новой столицы, и ярким изображением Петербурга в его теперешнем виде» [2, с. 542]. И далее критик приводит довольно большой фрагмент из Вступления к поэме, где даётся развёрнутое описание города до и после его основания. По справедливому замечанию Белинского, описание это исполнено «... высокой и мощной поэзии» [2, с. 543].

Однако многие краски и образы в картине Петербурга не что иное, как пушкинские реминисценции и автоцитаты, что, конечно, нисколько не отменяет, говоря словами Белинского, «высокой и мощной поэзии» не только Вступления, но и всего рассматриваемого произведения.

Начнём с эпитетов «пышный» и «горделивый»: «Вознёсся пышно, горделиво»⁷. Уже не раз отмечалось, что словосоче-

¹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9–10.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 2. С. 356.

³ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 13, 15, 20, 23.

⁴ Там же, с. 14, 19.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. С. 318.

⁶ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 10, 12, 19.

⁷ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

тание «пышный град» по отношению к Петербургу стало общим местом в русской поэзии ещё до Пушкина. В цитируемой выше статье С. Г. Бочаров так писал о контрастах Петербурга, имея в виду первую строку стихотворения «Город пышный, город бедный...»: «Контрасты объединяются в монолит, и город пышный и город бедный взаимно предполагают друг друга как две стороны медали...» [3, с. 57]. А ниже, в подстрочной сноске к этим словам, вспоминает об одной из работ В. Н. Топорова: «Эпитету «пышный», «диагностически важному» в русской литературе, В. Н. Топоров посвятил специальное исследование (Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга II. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 327–348). Как выяснено здесь на многих примерах из русской поэзии (Сумарокова, М. Н. Муравьева, Жуковского, Батюшкова, Дельвига, Баратынского), «город пышный» («пышный град» – по преимуществу в этой форме) стал ко времени пушкинского стихотворения постоянным, почти дежурным эпитетом Петербурга» [3, с. 57].

Но и в раннем творчестве самого Пушкина этот эпитет, прочно спаянный с Петроградом (одно из названий северной столицы в «Медном Всаднике»: «Над омраченным Петроградом / Дышал ноябрь осенним хладом»), тоже встречается – в стихотворении «К сестре» (1814): «И в пышный Петроград (здесь и ниже курсив наш. – С. Д.) / Через долины, горы / Ретивые примчат»¹.

К слову, «северная столица» («Далече северной столицы / Забыл я вечный ваш туман»²) по-разному именуется в «Медном Всаднике»: «юный град»; «Петра творенье»; «военная столица»; «град Петров»³; четы-

режды – просто «город»⁴; «Петрополь»⁵. Все эти названия Петербурга не раз находим и в других произведениях Пушкина, например, в стихотворениях «Городок» (1815): «На тройке принесенный / Из родины смиренной / В великий град Петра»⁶; «К Галичу» (1815): «Оставь Петрополь и заботы / Лети в счастливый городок»⁷; в поэме «Граф Нулин»: «Себя казать, как чудный зверь, / В Петрополь едет он теперь»⁸ и др.

Теперь об эпитете «горделивый». По отношению к Неве и к Петербургу он употреблялся ещё до Пушкина – в русской поэзии XVIII века, например, в стихотворении М. Н. Муравьева «Богине Невы» (1794): «Протекай спокойно, плавно, / Горделивая Нева...»⁹

Но и сам Пушкин ранее не раз использовал эпитет «горделивый» не только как художественное определение «волшебных» пышных палат (например, в поэме «Руслан и Людмила» («Ходит он / Один средь храмин горделивых, / Супругу милую зовет – / Лишь эхо сводов молчаливых / Руслану голос подает»¹⁰), но и, подобно «Медному Всаднику», либо по отношению к статуе (например, в стихотворении «Кинжал» (1821): «Ты Кесаря сразил – и мертв объемлет он / Помпея мрамор горделивый»¹¹ (как известно, Юлий Цезарь («Кесарь») был заколот в зале заседаний Сената и пал к подножию статуи Помпея Великого. – С. Д.), либо говоря о живых властителях

⁴ Там же, сс. 9, 14, 19, 21.

⁵ Там же, с. 14.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 1. С. 95.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 1. С. 121.

⁸ Там же. Т. 5, с. 6.

⁹ Русская поэзия XVIII века / Вступительная статья и составление Г. П. Макогоненко. М.: Художественная литература, 1972. 735 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая). С. 434.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 4. С. 63.

¹¹ Там же. Т. 2, с. 173.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 1. С. 43.

² Там же. Т. 2, с. 170.

³ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9, 10, 11, 11.

(например, в поэме «Бахчисарайский фонтан» о хане Гирее: «Но повелитель *горделивый* / Махнул рукой нетерпеливой: / И все, склонившись, идут вон»¹; в стихотворении «Послание цензору» (1822): «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры / Их *горделивые* разоблачал кумиры»²), и позднее, в незаконченном стихотворении 1835 года «Когда владыка ассирийский...», представляющем собой краткий пересказ первых глав библейской Книги Юдифь, об Олоферне: «Перед сатрапом *горделивым* / Израил выи не склонил...»³

Любопытно, что эпитет «горделивый» в «Медном Всаднике» приложен не только к Петербургу («Прошло сто лет, и юный град <...> / Вознесся пышно, *горделиво*»⁴), но и к монументу его основателя в части второй поэмы: «Он (Евгений. – С. Д.) мрачен стал / Пред *горделивым истуканом*»⁵. Причём во втором случае нельзя однозначно утверждать, кто называет «горделивым истуканом» Петра и памятник ему – Евгений или сам автор поэмы. Показательно также, что если в стихотворении «Послание цензору» Пушкин называет «горделивыми... кумирами» царских вельмож, то в «Медном Всаднике» кумиром трижды поименован сам царь, точнее, монумент Петра Великого: «*Кумир* на бронзовом коне»; «*Кумир* с простертою рукою / Сидел на бронзовом коне»; «Кругом подножия *кумира* / Безумец бедный обошел...»⁶

Показывая великолепие Петербурга в «Медном Всаднике», Пушкин несколько раз отмечает стройные, строго выдержанные гармонические очертания города: «По оживленным берегам / Громады *стройные* теснятся / Дворцов и башен»; «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой *строгий, стройный вид*»⁷ (ср. в упоминавшемся выше стихотворении: «Город пышный, го-

род бедный / Дух неволи, *стройный вид*»⁸; «Плеская шумною волной / В края своей *ограды стройной...*»⁹ (ср. в «Езерском»: «Бился вал / О пристань *набережной стройной...*»¹⁰). Всё стройно и красиво в Петербурге, даже «пехотные рати и кони»:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их *стройно* зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных...¹¹

Как видим, чтобы усилить впечатление, Пушкин использует так называемые табулогические эпитеты, присущие русскому фольклору: «стройный строй» (ср., например, в былинах о Садко: «чудо чудное», «диво дивное»).

В своей книге «Пушкин в Петербурге» [7] Р. В. Иезуитова и Я. Л. Левкович следующим образом передавали пушкинское восприятие великолепия, очарования и красоты северной столицы в «Медном Всаднике»: «Петербург предстал перед читателем в своей неповторимой красоте со «стройными громадами дворцов и башен», со всеми приметами крупнейшего европейского торгового порта, ради которого и было прорублено Петром I «окно в Европу». Поэт сумел вместить в эту панораму всю яркую, праздничную сторону петербургской жизни, военные парады, салюты, воспеть очарование белых ночей, великолепие островов, строгую красоту петербургских архитектурных ансамблей» [7, с. 206].

Действительно, в поэме явственно присутствуют приметы «европейского тор-

¹ Там же. Т. 4, с. 155.

² Там же. Т. 2, с. 269.

³ Там же. Т. 3, с. 406.

⁴ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

⁵ Там же, с. 22.

⁶ Там же, сс. 16, 21, 21.

⁷ Там же, с. 10.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. С. 124.

⁹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 12.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 5. С. 97.

¹¹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 11.

гового порта»: «Все флаги в гости будут к нам» (ср. в «Отрывках из путешествия Онегина»: «Дитя расчета и отваги, / Идет купец взглянуть на флаги»¹); «... корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся»; «Товар запасливой торговли...»; «Торгаши отважные, / Не унывая, открывал / Невою ограбленный подвал...»². Но обнаруживаются приметы не только торгового, но и чиновного города: «Наш герой / Живет в Коломне; где-то служит...»; «Что служит он всего два года...»; «Пройдет, быть может, год другой – / Местечко получу...»; «Чиновный люд, / Покинув свой ночной приют, / На службу шел»; «Или чиновник посетит, / Гуляя в лодке в воскресенье, / Пустынный остров»³.

«Праздничная сторона петербургской жизни» проявляется не только в «блеске и шуме и говоре балов», в «пирушках холостых», в военных парадах на Марсовом поле, но и в пальбе из пушек со стороны Петропавловской крепости в честь рождения наследника престола или победы над очередным внешним врагом:

*Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полночная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует...»⁴*

В пушкинском словоупотреблении *твердыня*, *крепость* часто выступает в тесной спаянности с *громом пушек* (см., например, стихотворение «Андрей Шень» (1825), где о взятии Бастилии во время Французской революции 1789 года поэт говорит, используя почти те же образы: «Я славил твой священный *гром*, / Когда он разметал позорную *твердыню*...»⁵).

О том, насколько устойчивы были перечисленные выше образы для Пушкина, свидетельствует и написанное через два года после «Медного Всадника» стихотворение «Пир Петра Первого» (1835): «Над Невою резво вьются / Флаги пестрые судов»; «И Нева пальбой тяжелой / Далеко потрясена»; «Озарен ли честью новой / Русской штык иль русский *флаг*? / Побужден ли швед суровый? / Мира ль просит грозный *враг*?»; «И раздался в честь Науки / Песен хор и пушек *гром*?»; «Годовщину ли Полтавы / Торжествует *государь*?»; «Родила ль Екатерина? / Именинница ль она, / Чудотворца-исполина / Чернобровая жена?»⁶ (ср. в «Медном Всаднике»: «Добро, строитель *чудотворный*! / Шепнул он, злобно задрожав...»⁷).

К слову, следует отметить любопытную и приводящую к определённым выводам «игру» Пушкина с предложениями. Во Вступлении Петр I («Он») думает «ногою твердой стать *при море* (здесь и далее курсив мой. – С. Д.)»; в части первой поэмы «Нева всю ночь / Рвалась к *мору* против бури, / Не одолев их буйной дури...»; в части второй Евгений негодует на «Того, чьей волей роковой / Под *морем* город основался...»; в эпилоге поэмы «Остров малый / На *взморье* виден». Если вспомнить несколько раз повторяющийся ответ корабельщиков царю в «Сказке о царе Салтане» («За *морем* житье нехудо»⁸), то картина получается почти полной. Конечно, эта «игра» с предложениями далеко не случайна, как и всё у Пушкина. Применительно к «Медному Всаднику» она и здесь вскрывает подспудный спор и явный конфликт Евгения со «строителем чудотворным». Для Петра I важно и целесообразно «заложить» город «*при море*», Евгений же обвиняет «державца полумира» в том, что тот

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 6. С. 203.

² Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 9, 10, 15, 19.

³ Там же, сс. 12, 13, 13, 19, 23.

⁴ Там же, С. 11.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР,

1937–1949 (1959). Т. 2. С. 398.

⁶ Там же. Т. 3, с. 408–409.

⁷ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 22.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. Сс. 514, 518, 524.

основал город «под морем», то есть в месте, постоянно подверженном угрозе затопления и наводнения, что и привело, в конечном счёте, к гибели его невесты.

В первой части поэмы во время страшного наводнения гармония и «стройность» Петербурга нарушаются, уничтожаются:

*Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!¹*

Как видим, здесь экспрессивное изображение разбушевавшейся природной стихии уподобляется разбойничьему набегу: «... злые волны, / Как воры, лезут в окна». То же и в начале второй части поэмы, когда «... насытятся разрушением / И наглым буйством утомясь, / Нева обратно повлеклась...»²

Но «Петра творенье» выдерживает это испытание, и уже на следующий день «в порядок прежний все вошло»³. Несокрушимость и мощь «Петрополя», устоявшийся «порядок» оказались сильнее буйства стихии. По мысли Пушкина, Петербург – «полночных стран краса и диво»⁴, символ русской государственности, несмотря на все внешние и внутрен-

ние потрясения, «неколебимо» выстоит наперекор стихиям, наперекор «тщетной злобе» финских волн. И потому как заклинание, почти как молитва звучат предпоследние строки Вступления:

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье обобщён материал по исследуемой теме и вместе с тем в научный оборот введены наблюдения над авторскими культурно-историческими и пейзажно-ландшафтными характеристиками Петербурга, представленными в пушкинской поэме. На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что в «Медном Всаднике» Петербург представлен как объект и субъект повествования. Выделенные в статье поэтические приёмы направлены на то, чтобы передать пушкинское восприятие великолепия, очарования и красоты Петербурга и вместе с тем его дисгармонию в часы разрушительного наводнения, безраздельного господства стихии.

Статья поступила в редакцию 15.01.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталова Т. П. Пушкинская рифма «волн : полн» и её выражение // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. №1. С. 34–39.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Издательство АН СССР, 1955. 740 с.
3. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 656 с. (*Studia philologica*).
4. Викторович В. А. «Медный всадник» в творчестве Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. №4. С. 107–122.
5. Виролайнен М. Н. Медный всадник. Петербургская повесть (1833) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л–О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 75–98.

¹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 14–15.

² Там же, с. 17.

³ Там же, с. 19.

⁴ Там же, с. 9.

6. Жирмунский В. М. Теория стиха / Книга подготовлена Н. А. Жирмунской. Л.: Советский писатель, 1975. 664 с.
7. Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в Петербурге. СПб.: Издательство «Пальмира»; М.: Книга по Требованию, 2017. 382 с.
8. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Предисловие, подготовка текста и примечания Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 127 с.
9. Коровин В. Л. Библийские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 38 с.
10. Михайлова Н. И. Болдинская осень: монография. Саранск: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. 188 с.
11. Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М.: Художественная литература, 1973. 280 с.
12. Топоров В. Н. Петербургский текст / Вступительные статьи С. Г. Бочарова; Т. В. Цивьян. М.: Наука, 2009. 820 с. (Памятники отечественной науки. XX век).
13. Фридман Н. В. Проза Батюшкова. М.: Наука, 1965. 167 с.
14. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине / Составление, подготовка текста И. П. Андреевой, С.Г. Бочарова, А. Л. Зорина, И. З. Сурат. М.: Сogласие, 1997. 592 с.

REFERENCES

1. Batalova T. P. *Pushkinskaya rifma «voln : poln» i ee vyrazheniye* [Pushkin's Rhyme "волн : полн" and its expression]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma Nekrasov State University]. 2009, no. 1, pp. 34–39.
2. Belinskiy V. G. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete collection of works]: in 13 vol. V. 7. М.: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 740 p.
3. Bocharov S. G. *Filologicheskiye syuzhety* [Philological stories]. М.: *Yazyki slavyanskikh kul'tur* [Languages of Slavic cultures], 2007. 656 p. (Studia philologica).
4. Viktorovich V. A. «*Mednyy vsadnik*» v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo ["The bronze horseman" in the works of F. Dostoevsky]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 107–122.
5. Virolaynen M. N. *Mednyy vsadnik. Peterburgskaya povest' (1833)* [The bronze horseman. The St. Petersburg story (1833)]. In: *Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya* [Pushkin's Encyclopedia: Works]. No. 3: L–O. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 75–98.
6. Zhirmunskiy V. M. *Teoriya stikha* [The theory of verse] / Book prepared by N. Zhirmunskaya]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1975. 664 p.
7. Iyezuitova R. V., Levkovich Ya.L. *Pushkin v Peterburge* [Pushkin in St. Petersburg]. St. Petersburg, Pal'mira Publ.; М.: Книга по Требованию Publ., 2017. 382 p.
8. Karamzin N. M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskoy i grazhdanskom otnosheniyakh* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations] / introduction, text preparation, and notes Y. Pivovarov. Moscow, Nauka Publ., 1991. 127 p.
9. Korovin V. L. *Bibleyskiye temy v russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biblical themes in Russian poetry of the 18th – the first half of the 19th century: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2017. 38 p.
10. Mikhaylova N. I. *Boldinskaya osen': monografiya* [Boldino autumn: the monograph]. Saransk, Lobachevsky NN SU Publ., 2015. 188 p.
11. Samoylov D. S. *Kniga o russkoi rifme* [The book on the Russian rhyme]. М.: *Khudozhestvennaya literatura* Publ., 1973. 280 p.
12. Toporov V. N. *Peterburgskii tekst* [The Petersburg text] / Introductory article by S. Bocharov, T. Tsiv'yan. Moscow, Nauka Publ., 2009. 820 p. (*Pamyatniki otechestvennoy nauki. XX vek*).
13. Fridman N. V. *Proza Batiushkova* [Batiushkov's Prose]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 167 p.
14. Khodasevich V. F. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine* [Collected works: in 4 vol. Volume 3: Prose. Derzhavin. On Pushkin] / Compil., the preparation of the text by I. Andreeva, S. Bocharov, A. Zorin, I. Surat. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А. Образ Петербурга в поэме А. С. Пушкина «Медный Всадник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 93–106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-93-106

FOR CITATION

Dzhanumov S. A. The Image of St. Petersburg in A. Pushkin's Poem "The Bronze Horseman". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 93–106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-93-106

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-107-114

10.01.01 Русская литература

О ДИСКУССИИ «АРЗАМАСА» И МЛАДОАРХАИСТОВ В БОЛЬШОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

Иваницкий А. И.*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью статьи является анализ истоков противоречий «Арзамаса» и «младархаистов» как двух линий развития дворянского просвещения XVIII века.

Процедура и методы исследования. Проанализированы тексты, программирующие «арзамасские» идеи дворянской свободы (прежде всего оды Державина, инициированные сказками Екатерины II; стихотворения А. С. Пушкина рубежа 1810-20-х годов, концентрирующие идеи «Арзамаса»), и тексты оппонентов «Арзамаса» (В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылеева, К. А. Катенина, Ф. Н. Глинки). Привлечены исследования по основным пунктам этого противостояния (Ю. М. Лотмана, Г. А. Лесскиса, В. Альтшулера и др.).

Результаты проведённого исследования. Анализ показал, что противоречия двух лагерей коренились в значениях отстаиваемой ими свободы, идущих из XVIII века. Наследуя идеи французской революции, будущие декабристы утверждали гражданские свободы римской республики в высоких жанрах классицизма. Апология общественного призвания поэзии сблизила их с консервативной «Беседой любителей русского слова». «Арзамас» отстаивал в формах «лёгкой поэзии» дворянскую духовную свободу екатерининского «золотого века» в условиях превращения монархии в полицейско-бюрократическую.

Теоретическая / практическая значимость. Автору удалось обнаружить связь двух линий литературного движения 1810-х годов с общей логикой ментального развития дворянской культуры рубежа веков.

Ключевые слова: просвещение, гражданские свободы, дворянские свободы, «Арзамас», младархаисты, гедонизм, анакреонтика

ON THE DISCUSSION BETWEEN 'ARZAMAS' AND THE "YOUNG ARCHAISTS" IN THE GREAT HISTORICAL TIME

A. Ivantsky*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to study the sources of the discussion between "Arzamas" and the "Young Archaists," two ways of the Russian noblemen's enlightenment.

Methodology and Approach. It analyzed the texts that had motivated the "Arzamas" ideas if the noblemen's freedom (the G. Derzhavin's odes after the Catherine II's tales, the A. Pushkin's poems of 1810-20s, concentrating the themes of "Arzamas"), and the texts of their opponents (V. Kuchelbecker, K. Ryleev, K. Katenin, F. Glinka). The article references the works on the main points of the confrontation (J. Lotman, G. Lesskis, V. Altshuller, T. Akimova, etc.)

Results. The analysis had shown that the opposition of the two groups had reflected two meanings of the freedom in Russian enlightenment. The “Young Archaists” had inherited from the French revolution the ideas of the roman republic and their classicist forms. The apology of the social responsibility of the poetry had pulled the “Young Archaists” towards the conservative “Colloquy of Lovers of the Russian Word.” “Arzamas” had rehabilitated “light poetry” as the demonstration of the noblemen’s freedom in the Nikolay I’s state.

Theoretical and Practical Implications. The author managed to find the connection between the two poetical movements at the beginning of the 19th century with the general logic of the mental development of the noblemen’s culture at this time.

Keywords: enlightenment, citizen’s freedoms, noblemen’s freedoms, “Arzamas,” young archaists, hedonism, Anacreontic

ВВЕДЕНИЕ

Неоднократно отмечалось, что вхождение в «Арзамас» будущих декабристов Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова и др. и внесённый ими серьёзный дискурс в противовес культивируемой «арзамасцами» «галиматье» в известной степени разрушил кружок изнутри. Наиболее точно это было обобщено в письме В. А. Жуковского к В. ф. Мюллеру от 12 (24) мая 1846 года:

«Буффонада явилась причиной рождения «Арзамаса», и с этого момента буффонство определило его характер. Мы объединились, чтобы хохотать во всё горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, сделал немалый вклад, чтобы достигнуть этой главной цели, т. е. смеха; я заполнял протоколы галиматьёй, к которой внезапно обнаружил колоссальное влечение. До тех пор пока мы оставались только буффонами, наше общество оставалось деятельным и полным жизни; как только было принято решение стать серьёзными, оно умерло внезапной смертью» (оригинал был написан на французском языке)¹.

Причины «внезапной смерти» кружка вследствие несочетаемых идейных стремлений и литературных установок его старых и новых участников признавал и принадлежавший к последним М. Орлов:

«Рука, обыкшая носить тяжкий булатный меч брани, возможен ли владеть легким оружием Аполлона, и прилично ли гла-

су, огрубелому от произношения громкой и протяжной команды, говорить божественным языком вдохновенности или тонким наречием насмешки?» [4, с. 206]².

Ю. Лотман видел в стратегии «арзамасцев» и будущих декабристов два типа утверждения дворянского свободолюбия [13, с. 170-173]. С нашей точки зрения, они противостояли власти по разным основаниям, развивая различные социокультурные коллизии XVIII века – как русского, так и европейского.

Как известно, в своей идеологии, этике, а отсюда и эстетике декабристы были воспитаны Французской революцией 1789-1793 гг., знаменовавшей торжество наиболее радикальных идей Просвещения и в его лице – коренной раскол новоевропейского понимания античности. В доктрине просвещенного абсолютизма, утверждённой во Франции Людовиком XIV (1661-1715), монарх был переведён из средневековой позиции наместника бога на земле в позицию бога как такового, творящего новый мир (природу, государство и человека), в котором навсегда возвращается

¹ Цит. по: Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 226 с. [5, с. 67-69].

² Столь же противоположны аскетическому «этосу» декабристов были и собрания отчасти наследующей «Арзамасу» «Зеленой лампы» (1819-1820) и сопутствующие им «оргияческие» ужины в петербургском доме Н. В. Всеволожского [13, с. 187-194; 10, с. 61-65]. Хотя «... лампа» часто рассматривалась исследователями в качестве одного из филиалов («управ») декабристского Союза Благоденствия [17, с. 239-246], будущие декабристы (и, в частности, Ф. Н. Глинка) были там абсолютно инородным телом. В целом о роли Жуковского в стратегии «Арзамаса» и «контroversной» позиции будущих декабристов в кружке [13, с. 192-194; 14, с. 213-229].

вечная весна утраченного золотого века. Магической рецептурой такого построения утверждалась культура греко-римской античности, которая, таким образом, переквалифицировалась из источника мифа о золотом веке в хронотоп его осуществления. Поэтому классицизм, утверждавший эстетическую норму античности, фактически стал государственным законом. Применительно к литературе это воплотилось в «Поэтическом искусстве» (*Art poétique*), 1674) Н. Буало [8, с. 661-662].

После кончины Людовика XIV эти принципы деградировали. Эпоха регентства (1715-1726) и последующее правление Людовика XV (1724-1774) сделали общей платформой дворянства и монархии либертинаж, обосновывающий материальной природой мира моральную вседозволенность. Его художественным знаменем стало рококо, видевшее смыслом античной культуры игривый и приватный гедонизм, каким он предстаёт в греческом и римском романах. Литературными линиями рококо стала античная *«Анакреонтика»*, переводы и вольные переработки которой составили во Франции корпус т. н. «лёгкой поэзии» (*poesie fugitive*).

Просвещение же превратилось из атрибута абсолютизма в его идейный антипод. Но именно оно унаследовало у «великого века» высокую классицистическую норму. В радикальном крыле Просвещения, которое и восторжествовало в революцию, социальным идеалом вместо римской империи была утверждена римская республика, что наиболее программно было выражено в трактате Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре» (*Du Contrat social*), 1762). Места прежних героев – Александра, Цезаря и Августа – заняли Гораций, Брут и Муций Сцевола¹.

¹ В ходе самой революции проявилось ключевое преимущество унаследованного ею классицизма абсолютистскому: вера в его бытийную «сверхценность». Римская республика стала для революционеров образцом для полного уподобления и матрицирования, а обожествление выводимой из её опыта справедливости – буквальным, сделав массовый террор формой жертвоприношения новому божеству. О культурных корнях французской революции см.

Именно такое отношение к антично-республиканской норме унаследовало у революционеров минувшего века радикальное крыло декабристов². Ключом приобщения ей стало в том числе семиотически нагруженное, «знаковое» поведение. Слово и поступок получили признаки и роли друг друга. Никакая конспирация не могла отвратить будущих заговорщиков, по слову Пушкина, *«витийством резким знамениты(х)»*, от публичного оглашения своих позиций. В то же время поступок (как общественный, так и приватный) становился словом, то есть автоманифестацией (ср. известный эпизод отказа Рылеева от приглашения Дельвига совместно посетить «весёлый дом»). А это, в свою очередь, делало социальное поведение (в том числе планируемое переустройство России) осуществлением универсального античного «текста», в котором тождественны были миф и история, – будь то клятва Горациев, убийство Цезаря, подвиг Катона или Гектор, прощающийся с Андромахой перед схваткой с Ахиллом. Только в соотношении с ними бытовые и социальные поступки (включая и грядущее преобразование России) получали свой смысл [13, с. 160-173].

Это, очевидно, и привело литераторов-декабристов (включая В. К. Кюхельбекера, К.Ф. Рылеева, а также К. А. Катенина, Ф. Н. Глинку, А. С. Грибоедова и др.) к «младодархаизму», парадоксально сведя с вышущиваемой «Арзамасом» «Беседой любителей русского слова» (1811-1816). Державин становится в 1820-е годы образцом для декабристской оды [20, с. 25-27, с. 35; 6, с. 27; 3].

монографию Р. Шартье [21].

² В. Мороз [16, с. 112-115] обращает внимание, что в петербургском и московском свете рубежа 1810-х-1820-х годов будущих заговорщиков 14 декабря в глаза и за глаза именовали «якобинцами», что не встречало особой отповеди, несмотря на то, что далеко не все будущие декабристы разделяли якобинские идеалы и методы. «Якобинец» получил расширительное значение французского революционера 1789-1793 гг. – как сама Революция, вовсе не отражавшая весь спектр идей Просвещения, поглотила его собою в сознании русского общества начала века – знаком «плюс» для одних и «минус» для других.

В этом плане своего рода манифест младоархаизма, статья В.К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824), противопоставившая оду элегии, идейно наследовала «Рассуждению о старом и новом слоге русского языка» лидера «Беседы...» А. С. Шишкова (1803). Общей для «беседчиков» и младоархаистов основой апологии церковнославянского языка и обслуживаемых им классицистических жанров была апология государственного / общественного служения как единственного смысла бытия, которое поэтому не подлежало делению на общественное и приватное¹.

Сверхценность уподобления современности антично-республиканскому идеалу не только снимала для декабристов (принадлежавших в большинстве своём к аристократической элите) мотив социального интереса, но побуждала готовить восстание во вред себе. Это отразила известная шутка Ф. В. Ростопчина, зарифмованно процитированная Н. А. Некрасовым в поэме «Русские женщины»:

«В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками».

Совсем иные корни видятся во фрондерстве «Арзамаса» и наследующего ему пушкинского круга. Связано оно с двумя эпохами и смыслами уже собственно русского просвещённого абсолютизма XVIII века: Петра I (1696-1725) и Екатерины II (1762-1796), противоположных, прежде всего, в понимании места и роли дворянства. Петру оно виделось основным субъектом службы по прусскому (бранденбургскому) образцу, которую введённая в 1722 году «Табель о рангах» сделала одновременно и

обязанностью, и привилегией. Основой сопутствующего реформам «просвещения» дворян стали директивно вменённые им европейские формы приватной культуры, начиная от одежды, фехтования и кофе и заканчивая «ассамблеями», театром и поэзией. Будучи призваны привязать дворянское сословие к государству и службе ему, они, однако, создали потенциал его социокультурной суверенизации, осуществлённый в екатерининскую эпоху.

Убедившись в неготовности России и её дворянской элиты к преобразованиям в духе идей французских просветителей, на которых она была воспитана, Екатерина II сделала стратегией своего правления освобождение самой этой элиты. Социальное освобождение было обеспечено «Жалованными грамотами» дворянству и городам 1785 г. Первая, утвердившая манифест Петра III «...о вольности дворянства» 1762 г., освобождала дворян от обязательной службы и позволяла жить за счёт своих имений, приравненных к вотчинам; вторая делала их фактически независимыми от государства в административном и судебном отношениях. Идейный суверенитет (по крайней мере, частичный) несло разрешение частных журналов и типографий. Суммарно это и массовое переселение дворян в собственные имения сделало литературу апологией уже не государства, а дворянского приватного быта (особенно в усадебной лирике), личностной рефлексии и внутрикорпоративного диалога. Соответственно, сменилась жанровая парадигма: оду, трагедию и духовный гимн сменили дружеское послание, элегия, эклога, любовное посвящение, идиллия и пастораль.

По верной оценке Г. Лескиса [12, с. 50] русская «лёгкая поэзия» рубежа 1810-х гг. (культивируемая в рамках «Арзамаса» прежде всего В. Л. Пушкиным), в отличие от французской, противостояла не гражданским идеалам высокого классицизма, а абсолютистской государственности и утверждала социальный и духовный суверенитет дворянской личности [18, с. 156-159]. Но исторической подоплёкой такого

¹ Такое родство неизбежно приводило к переходам отдельных фигур из одного лагеря в другой, в частности – М. Н. Муравьева, проделавшего путь от одного из авторов устава Союза Благоденствия до подавителя польского восстания 1863 г., арзамасца Д. Н. Блудова, впоследствии служившего в министерстве иностранных дел, а в 1826 г. вполне искренне голосовавшего за заочный смертный приговор декабристу Н. И. Тургеневу, и др.

вектора противостояния явилось возвышение «лёгких» жанров в екатерининскую эпоху. В 1770-х годах царицей был создан придворный Эрмитажный салон, в котором наиболее близкие ей люди регулярно собирались для чтения и обсуждения литературных новинок. Ключевым «кодом» салона стал тотальный запрет на этикетное поведение. Нарушивший запрет прилюдно вслух главы из «Телемахида» В.К. Тредиаковского, символизировавшей отвергнутую «литературно-государственную» архаику. В то же время салон ввёл в литературный обиход сказку и устный анекдот как формы весёлого общения близких людей, в то же время несущие познавательный и поучительный потенциал [1, с. 262-269]. Эрмитажный салон дал толчок к созданию частных дворянских литературных салонов – И. И. Дмитриева, Н. А. Львова и др., которые и подражали царскому, и конкурировали с ним, приведя в итоге к появлению общедворянского поля литературно-общественного диалога¹.

В конечном счёте именно лёгкие жанры стали основной формой государственной и царской апологетики. Написанные Екатериной для внука, будущего императора Александра I, «Сказка о царевиче Хлоре» (1781) и «Сказка о царевиче Февее» (1783) вдохновили Г. Р. Державина на создание в её честь од «Фелица» (1782), «Изображение Фелицы» (1782) и посвящённую Г. А. Потёмкину оду «Решемыслу» (1783), написанных в форме дружеского послания или лирико-философского посвящения². И. Ф. Богданович с теми же апологетическими целями использует в своей «Душеньке» (1783) форму сказки по сюжету Апулея и Лафонтена для изображения пути Екатерины к трону [9, с. 33-64]. Тем самым, лёгкая поэзия не разрушала связь Просвещения с абсолютизмом, как это было в современной Франции, а

утверждала её³. При этом державинский «Решемысл»-Потёмкин соединял гедонизм и службу в дворянской поведенческой норме тем, что –

... Готов *среди своей забавы* / Внимать, судить, повелевать,

И молнией лететь в храм славы...⁴

А в «Фелице» разрешение царицей дворянам различных форм вольной приватной жизни («слабостей», не только отграничиваемых от пороков, но, по сути, противопоставляемых им как проявления личностного начала) становится главным предметом авторской хвалы: «... Дурачества сквозь пальцы видишь, / Лишь зла не терпишь одного». Именно из этой дефиниции выводится новая роль поэзии – не учения и пророчества, а рефлексии весёлой и живой повседневности:

... Пророком ты того не числишь,

Кто только рифмы может плести... / [...] сия ума забава...

... Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна,

Как летом вкусный лимонад...⁵

Кончина Екатерины в 1796 г. знаменовала закат дворянского «золотого века». «Беседа...» фактически стала литературным предвестием идейно-политического разворота монархии Павловичей к чиновно-полицейской модели, в которую дворянство встраивалось по петровскому образцу. Апология церковнославянского языка и классицистической иерархии жанров изымала из дворянской литературы анакреонтическую составляющую как проявления личной и социальной независимости. Вне литературной нормы оказывалась, по сути, и беллетристическая проза, чей фактический создатель в России, Н. М. Карамзин, стал знаменем «Арзамаса».

¹ О литературных салонах екатерининской эпохи см. подробнее в работе Е. Марасиновой [15].

² О программном характере этих сказок в екатерининской литературно-языковой программе см. в работе Т. И. Акимовой [2, с. 413-418].

³ Важно, что триумфально-парадные значения рококо, фактически снимающие антитезу парадности и приватности, были в дворянском золотом веке не только поэтическими, а общекультурными [11, с. 28-42].

⁴ Державин Г. Р. Сочинения. СПб.: Новая Библиотека поэта, 2002. 704 с. С. 120.

⁵ Там же, с. 77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противостав в лице «Беседы...» официозной культуре, «Арзамас» предвосхитил перерождение самой этой культуры. Если декабристы противопоставляли имперской власти заимствованную у Французской революции идею гражданских свобод, то «Арзамас» (фактически продолжавший литературную позицию Эрмитажного Салона) – дворянскую духовную свободу «золотого века». Разрушение «героико-гедонистического» единства неги и службы екатерининской поры привело к тому, что пиры «весёлых остряков» и их анакреонтическая апология (в частности, в лицейской лирике Пушкина, Дельвига и др.) утверждали уже не единство дворянина с монархией, а моральную независимость от неё. А словесная «галиматья» проявляла максимальную свободу варьирования (и, тем самым, вышучивания) как «чужих», так и обрётённых

самой дворянской культурой поэтических парадигм.

Очевидно, в этих равно коренящихся в минувшем веке *содержаниях* отстаиваемой свободы расходятся литературные пути декабристов и «коренных арзамасцев» и наследующего последним пушкинского круга. Сам Пушкин, который, по точному определению Л. Гроссмана, «*Политическую борьбу... воспринимал не как отречение и жертву, а как радость и праздник*» [7, с. 143], подытожит этот «водораздел» в элегии «*Из Пиндемонти*» (1836): «*Зависеть от царя, зависеть от народа – / Не все ли нам равно...*»¹

Пушкинская эпоха, однако (и прежде всего зрелое творчество самого Пушкина), стала полем нового синтеза этих идейных и поэтических антитез, – по сути, суммировав смысл русской дворянской культуры Нового времени².

Статья поступила в редакцию 19.12.19.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

ACKNOWLEDGMENT

The research was prepared with the financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project № 18-012-00452 "Catherine II: person, works, era. Encyclopedic dictionary".

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Т. И. Выражение личностного самосознания в «малых жанрах» Эрмитажного салона Екатерины II // Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха. М.: Изд-во МГ И им. Е.Р. Дашковой, 2013. С. 262–269.
2. Акимов Т. И. Русский язык как вектор просветительской доктрины Екатерины II (о литературных особенностях «Сказки о царевиче Хлоре» и «Сказки о царевиче Февее») // Актуальные проблемы обучения русскому языку. XIII. 2018. С. 413–418.
3. Альтшуллер М. «Беседа любителей русского слова»: у истоков русского славянофильства. М.: НЛЮ, 2007. 448 с.
4. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 304 с.
5. Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 226 с.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 409 с.
7. Гроссман Л. П. Пушкин. Л.: Молодая гвардия, 1958. 528 с.
8. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 657–684.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 372.

² О том, как эта синтезирующая энергия задавалась литературой самого русского Века Просвещения, см. работу А. Н. Пашкурова [19, с. 49–67].

9. Иваницкий А. И. “Душенька” И.Ф. Богдановича и русская хвалебная ода // *Slavica tergestina*. Vol. 7. Trieste: 1999. С. 33–64.
10. Иваницкий А. И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: Изд-во РГГУ, 2016. 299 с.
11. Иваницкий А. И. Рокотов: раздвоение рококо // *Русский язык в контексте национальной культуры. Материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына*. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2019. С. 28–42.
12. Лесскис Г. А. Пушкинский путь в русской литературе. М.: Художественная литература, 1993. 524 с.
13. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 158–205.
14. Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: НЛО, 2008. 800 с.
15. Марасинова Е. Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М.: Наука, 2008. 463 с.
16. Морев В. Ода Пушкина «Вольность» и «Арзамас». М.: Новое зеркало, 2009. 416 с.
17. Нечкина М. В. Движение декабристов. Тт. 1–2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
18. Пашкуров А. Н. Русская «лёгкая поэзия» в контексте европейской стиховой культуры (рубеж XVIII – XIX веков) // **Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики**. Сб. научных трудов. М., 2017. С. 156–159.
19. Пашкуров А. Н. Русская литература XVIII столетия в поисках гармонии (опыт системного разбора) // Русистика и компаративистика. Научные труды по филологии. М., 2018. С. 49–67.
20. Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 9–132.
21. Шартье Р. Культурные истоки французской революции. М.: Искусство, 2001. 256 с.

REFERENCES

1. Akimova T. I. Virashenie lichnostnogo samosoznaniya v “malich zhanrach” Ermitazhnogo salona Ekaterini II [The expression of the personal identity in the “small genres” of the Hermitage salon of Catharina II] // E. R. Dashkova v krugu sovremennikov: istoricheskie lichnosti I epoka. Moscow: *Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo instituta imeni E. R. Dashkovoi* [Dashkova Moscow State Institute Publ.], 2013, pp. 262–269.
2. Akimova T. I. Russkii yazyk kak vektor prosvetitel'skoi doktriny Ekateriny II (o literaturnykh osobennostyakh «Skazki o tsareviche Khlore» i «Skazki o tsareviche Fevee») [Russian language as the vector of the enlightenment doctrine of Catherine II (on the literally features of “The Story of Tsarevich Chlor” and “The Story of Tsarevich Fevey”)] // *Aktualnye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Actual problems of teaching Russian language]. XIII. 2018, pp. 413–418.
3. Altshuller M. “Beseda lubiteley russkogo slova”: u istokov russkogo slavyanofilstva [“Colloquy of Lovers of the Russian Word”: the sources of the Russian Slavophile movement]. М.: NLO Publ., 2007. 448 p.
4. “Arzamas” i arzamasskie protokoly [“Arzamas” and its protocols]. Leningrad, Publisher of Writers in Leningrad, 1933, 304 p.
5. Gillelson M. I. Ot arzamasskogo bratstva k pushkinskomu krugu pisateley [From “Arzamas”'s brotherhood to the Pushkin's circle of the writers]. Leningrad, *Nauka, Leningradskoe otделение Publ.*, 1974. 226 p.
6. Ginzburg L. J. O lirike. [On the lyric]. Lenindrad, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1974. 409 p.
7. Grossman L. P. Pushkin. Lenindrad, *Molodaya gwardiya Publ.*, 1958. 528 p.
8. Zhivov V. M. Gosudarstvennyi mif v epokhu Prosveshcheniya i ego razrushenie v Rossii kontsa XVIII veka [The myth of the state in the age of Enlightenment and its destruction in Russia in the late 18th century]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury*. T. IV (XVIII – nachalo XIX veka) [From the history of Russian culture. Vol. IV (18th – the beginning of the 19th century)]. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury* [Languages of Russian culture Publ.], 1996, pp. 657–684.
9. Ivanitsky A. I. “Dushenka” I.F. Bogdanovicha i russkaya hvalebnyaya oda [“Dushenka” by I. Bogdanovich and Russian glorious ode] // *Slavica tergestina*. Vol. 7. Trieste: 1999, pp. 33–64.
10. Ivanitsky A. I. Poezija Pushkina kak mifologiya povedeniya [The Pushkin's poetry as the behavior's mythology]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2016. 299 p.
11. Ivanitsky A. I. Rokotov: razdvoenie rococo [Rokotov: the split of rococo] // *Russkii yazyk v kontekste natsional'noi kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya ro-*

- zhdeniya A.I. Solzhenitsyna [Russian language in the context of national culture. Proceedings of the international conference devoted to the 100 anniversary of A. Solzhenitsyn]. Saransk, Mordovia Ogarev state national research University Publ., 2019, pp. 28–42.
12. Lesskis G. A. Pushkinskii put' v russkoi literature [Pushkin's way in the Russian literature]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura [Fiction Publ.], 1993. 524 p.
 13. Lotman J. M. Dekabrist v povsednevnoi zhizni [The Dekabrist in everyday life]. In: Lotman Yu.M. V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol' [Lotman Y. In the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshchenie [Education] Publ., 1988, pp. 158–205.
 14. Maiofis M. Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815-1818 godov [An appeal to Europe: the literary society "Arzamas" and the Russian modernisation project of 1815-1818 years]. Moscow, NLO Publ., 2008. 800 p.
 15. Marasinova E. N. Vlast' i lichnost' (Ocherki russkoi istorii XVIII veka) [Power and identity (Essays on Russian history of the 18th century)]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p.
 16. Morov V. Oda Pushkina «Vol'nost'» i «Arzamas» [The Pushkin's ode «Vol'nost'» and «Arzamas»]. Moscow, Novoe zertsalo Publ., 2009. 416 p.
 17. Nechkina M. V. Dvizhenie dekabristov [Dekabrist's movement]. Vol. 1-2. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955.
 18. Pashkurov A. N. Russkaya «legkaya poeziya» v kontekste evropeiskoi stikhovoi kul'tury (rubezh XVIII – XIX vekov) [Russian "light poetry" in the context of European verse culture (at the turn of 18th – 19th centuries)] // [Modern problems of Philology and methods of teaching languages, the theory and practice, the collection of scientific papers. Moscow, 2017, pp. 156-159.
 19. Pashkurov A. N. Russkaya literatura XVIII stoletiya v poiskakh garmonii (opyt sistemnogo razbora) [Russian literature of the 18th century in search of harmony (experience of system analysis)]. In: *Rusistika i komparativistika. Nauchnye trudy po filologii* [Russian studies and comparative studies. Scientific works on Philology]. Moscow, 2018, pp. 49–67.
 20. Tynyanov Yu.N. Arkhaisty i Pushkin [The archaists and Pushkin]. In: Tynyanov Yu.N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Tynyanov Y. Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 9–132.
 21. Shart'e R. Kul'turnye istoki frantsuzskoi revolyutsii [Cultural origins of the French revolution]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2001. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского (ИВГИ) Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Ivanitsky – Doctor in Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinsky Institute for Advanced Studies of the Russian State University for Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иваницкий А. И. О дискуссии «Арзамаса и «младархаистов» в большом историческом времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-107-114

FOR CITATION

Ivanitsky A. About the Discussion Between “Arzamas” and the “Young Archaists” in the Great Historical Time // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-107-114

УДК 1571

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-115-124

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК КАК СИМВОЛ БЛАГОРОДНОГО ДЕЛА И БЕССМЕРТИЯ

Маркова А. С.¹, Мамукина Г. И.², Минова М. В.³

¹Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

³Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. В статье исследуется образ Голубого цветка как символ благородного дела с опорой на средневековый шванк «Крестьянин Гельмбрехт», на роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген», а также на рецепции голубого цветка в мировой и отечественной литературе.

Процедура и методы исследования. Для установления взаимосвязи между образом Голубого цветка и смысловой составляющей «благородное дело» авторами использованы методы анализа и синтеза, а также историко-генетический метод для определения рождения и развития образа Голубого цветка.

Результаты проведенного исследования. Доказана взаимосвязь образа Голубого цветка с благородным делом как одной из составляющих его символа.

Теоретическая / практическая значимость. Исследование подтверждает, что образ Голубого цветка является символом благородного дела, а также частью мифического, целостного сознания.

Ключевые слова: Голубой цветок, метамодернизм, рецепция, мифическое сознание

BLUE FLOWER AS A SYMBOL OF NOBLE CAUSE AND IMMORTALITY

A. Markova¹, G. Mamukina², M. Minova³

¹Independent researcher, Moscow, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanniy per., Moscow 115054, Russian Federation

³Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanniy per., Moscow 115054, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The article explores the image of the Blue Flower as a symbol of a noble cause basing on the medieval “Meier Helmbrecht” medieval poem, on the novel by “Heinrich von Ofterdingen,” as well as on the reception of the blue flower in the world and national literature.

Methodology and Approach. To establish the relationship between the image of the Blue Flower and the semantic component of the noble cause, the authors used the methods of analysis and synthesis, as well as the historical and genetic method to determine the birth and development of the image of the Blue Flower.

Results. The relationship of the image of the Blue Flower with the noble deed as one of the components of its symbol is proved.

Theoretical and Practical Implications. The study confirms that the image of the Blue Flower is a symbol of the noble cause as well as part of a mythical, holistic consciousness.

Keywords: Blue flower, metamodernism, reception, mythical consciousness

Задолго до того, как в мировой литературе появился образ Голубого цветка, в XIII веке, в немецкой словесности стал популярен шванк «Крестьянин Гельмбрехт», в котором не только поставлена проблема социальной вертикальной мобильности, но и заострено внимание на расщеплении целостного («мифического», по А. Ф. Лосеву) сознания. Одним из последствий стала утрата понимания «благородного дела»¹ как цели жизни, как пути к бессмертию.

Вместо служения своему призванию человеку было предложено заниматься наиболее эффективной для него деятельностью, которая могла бы материально упрочить его социальный статус и обеспечить благосостояние. Морально-нравственная сторона являться необходимой составляющей труда, а сама ежедневная рутинная деятельность стала восприниматься как тяжкое бремя, а не как работа над собой. И требовала вознаграждения в виде мгновенной прибыли. Об этом пишет Э. Фромм, цитируя проповедника Мартина Бутцера: «Все вокруг ищут занятий, дающих наибольшую выгоду. Все готовы променять науки и искусства на самый низменный ручной труд. Все умные головы, наделенные Господом способностями к благородным наукам, захвачены коммерцией, а она в наши дни столь проникнута бесчестностью, что стала наипоследнейшим делом, которым мог бы заниматься достойный человек» [17, с. 61].

Иными словами, смыслом жизни человека стало не дело, которому бы он предавался всей душой, которому бы служил, а то, что «стало иметь свою цену, что можно было бы продать и купить» [11, с. 91].

Но такое восприятие не могло полностью удовлетворить человеческие потребности в самовыражении, в формировании интеллектуального и духовного облика. Индивид чувствовал собственную ограниченность в предложенных утилитарных рамках. Поэтому бунт романтиков – «живой, цельной и непредсказуемой личности» –

против «механизации Просвещения» [5, с. 15] был вполне ожидаем и имел широкий резонанс в мировом историко-культурном процессе.

Одним из первых романтиков, который теоретически осмыслил проблему разрозненного мышления, был Новалис. Поэт не просто осознавал, что реальность лишена гармонии, но и искал пути восстановления симультанно-синкретического сознания. И ключевую роль в процессе возвращения целостного восприятия, по его мнению, будет играть поэзия как созидательная, действенная сила. Е. В. Давыдова отмечает: «Когда Новалис говорит о волшебном, магическом, он всегда говорит о поэзии. Причем в выражениях типа «волшебная сила поэзии», «в поэзии каждое слово есть слово заклатья», типичных у Новалиса, слова «волшебный», «заклятие» употребляются не в переносном смысле, не в смысле «прекрасный», а употребляется в прямом значении. Для Новалиса поэзия наделена не просто силой эстетического воздействия на читателя, но силой воздействия на мир, силой изменения этого мира» [4, с. 90-91].

Поэзия, в свою очередь, опирается на образы. И не просто на образы, а на символы-архетипы, способные воздействовать на национальное сознание, так как содержат в себе скрытые национальные коды, – на миф. И так как «существенное вскрытие понятия мифа» возможно только на материале, «который дает само мифическое сознание» [7, с. 35], то приходится допустить, что, по принципу голографизма, каждый символ способен нести в себе всю информацию о целостном сознании и при этом являться самостоятельным целым. В данном контексте «под голографизмом понимается способность содержать многое в малом (*multum in parvo*)» [8, с. 128-138].

Иными словами, мы можем предположить, что центральный образ поэтики Новалиса (Фридриха фон Гарденберга) – *Голубой цветок*, – вошедший в мировую литературу благодаря роману «Генрих фон Офтердинген», несёт в себе смысловую доминанту «благородного дела», которое для

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 24.

самого поэта заключалось в формировании единого, поэтического сознания.

Голубой цветок является многофункциональным символом. В немецкоязычной литературе он имеет дефиниции «веры в чудеса» (Г. Гейне), «залога счастья» (Д. Эйхендорф) и «прообраза человеческой души» (Х. Риттер-Шаумбург), открываемая немецкоязычным писателям, поэтам и исследователям бесконечность постигаемого смысла, а внимательному читателю – «область коллективного бессознательного, где возможна встреча с истинным чудом» [10, с. 188; 9, с. 207].

Также образ Голубого цветка можно причислить к «литературному архетипу женщины-цветка» [3, с. 247], о котором пишет С. Г. Горбовская, исследуя творчество С. Малларме.

Однако дефиниция *Голубого цветка* как «благородного дела» была до настоящего времени не акцентирована и, как следствие, не до конца изучена.

Голубой цветок, по нашему мнению, является непосредственным символом благородного дела, которое открывает горизонт самосовершенствования и самовыражения, а также воплощает подлинную любовь к жизни, к каждому её мгновению.

При этом необходимо заметить, что данный смысловой аспект сохраняется не только непосредственно в произведении Новалиса, но и в рецепциях образа Голубого цветка в мировой литературе.

Для подтверждения данной гипотезы предлагается сравнить поэму В. Садовника «Крестьянин Гельмбрехт» с отображением образа Голубого цветка в мировой словесности.

Сравнение представляется легитимным, так как и поэма «Крестьянин Гельмбрехт», и образ Голубого цветка являются продуктами мифического сознания. Шванк В. Садовника называют произведением, «отразившим развитие самосознания немецкого народа» [16, с. 79] и показавшим «крестьянское сознание <....>, целостную мифическую систему» [12, с. 197], а образ Голубого цветка «опирается на старинные средневековые немецкие легенды» [3,

с. 117], и его связь с «народным преданием о голубом цветке пастухов» вполне логична [1, с. 18].

Мы находим подтверждение этому мнению в самой немецкой словесности. Я. Гримм в «Немецкой мифологии» пишет о голубом цветке как о «безымянном чудесном голубом цветке» (*die ungenannte blaue Wunderblume*) [18], подчёркивая его особую роль для германского народа. Это подтверждает взаимосвязь образа с менталитетом народа, для которого идея «благородного дела» является одним из национальных кодов.

Напрямую эта мысль находит своё подтверждение в произведении В. Садовника. Старший Гельмбрехт, увещевая сына, говорит: «Вот если б ты пошёл за плугом / И, мерясь силами друг с другом, / Мы запахали бы свой клин, / Счастливей был бы ты, мой сын, / И даром не потратив силы, / Дожил бы честно до могилы»¹.

В этом небольшом отрывке представлен крестьянский космос. Старик хочет, чтобы сын проникся его представлением о труде и занял бы место рядом со своим родителем на пашне, как это сделал он сам, Гельмбрехт-старший, приняв клин от своего отца. Есть стремление к соревнованию друг с другом — к честной борьбе, в которой рождается лучший результат. И главное — отрывок о том, что силы, вложенные в «благородное дело», никогда не будут потрачены напрасно. Жизнь будет иметь смысл.

Сын возражает: «Чем честно бедствовать с тобой, / Уж лучше я пушусь в разбой, / Одежду заведу их меха, / Нам зимний холод не помеха – / Всегда найдем и стол, и кров, / И стадо тучное быков...»². Сын Гельмбрехт показан как человек беспринципный, жаждущий сиюминутной выгоды, эгоистичный и, как потом убедится читатель, жестокий.

Слово «разбой» для Гельмбрехта-младшего означает сытую, довольную жизнь, он уверен, что сможет силой взять то, что пожелает, возвыситься надо все-

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 14.

² Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 20.

ми, сделаться благородным «рыцарем». Молодой человек не собирается ни с кем считаться, в том числе со своими родными односельчанами, которых, как читатель вскоре увидит, тот готов грабить и убивать без зазрения совести.

А для прикрытия зверств и преступлений Гельмбрехт-младший желает использовать свой новый социальный статус.

Отец это понимает и приводит, как ему кажется, однозначный довод в пользу честного труда: «Ты быть стремишься благородным, / Сумей же оказаться годным / На благородные дела, / Они для замка и села / Единый истинный венец»¹.

Благородное дело представляется «истинным венцом», то есть такой победой, которая в античном мире открывала путь в бессмертие. Для отца Гельмбрехта очевидно, что не одежда и не достаток определяет человека, а отношение его к Делу, к труду.

Поэма во времена В. Садовника была остросоциальной. Многие знатные феодалы не гнушались откровенным грабежом крестьян, проживающих в их владениях и вместо того, чтобы быть защитниками территорий, становились тиранами. Вертикальная мобильность приводила к тому, что дети зажиточных крестьян оставляли родной дом и тоже примыкали к таким бандам.

Понимание «благородного дела» утрачивалось. Но до конца не исчезло.

Роман «Генрих фон Офтердинген» открывается молитвой в ночи: «Нет, не клды пробудили во мне столь несказанное влечение, – говорил себе юноша. – Я далек от корысти: по голубому цветку я тоскую, увидеть бы мне только голубой цветок»².

Главный герой, во сне узревший образ Голубого цветка, верит, что ему откроется что-то важное, если он пойдёт за ним. И молодой человек отправляется в странствие.

По форме произведение представляет роман воспитания, центральной идеей ко-

торого является нравственное становление центрального персонажа. Новалис писал его под впечатлением от романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». В обоих произведениях путь героя — обретение смысла жизни.

Мы можем сказать, что Генрих, главный герой, близок своему создателю, так как сам Фридрих фон Гарденберг тоже стремился постичь суть всех вещей и был «охвачен любознательностью, которая распространялась на области, явно выходящие за пределы обязательных для того времени учебных предметов: его конспекты книг из различных областей знаний образуют целые тома, и по широте интересов его нередко сравнивают с Лейбницем и Гёте» [6, с. 394].

Новалис не просто изучал материал и впитывал информацию, он искал возможности применить свои силы во благо. Об этом тонко свидетельствует лауреат Букеровской премии, британская писательница П. Фицджеральд в романе «Голубой цветок», посвящённом жизни и творчеству поэта. Писательница так описывает разговор Фридриха с отцом и дядей: «Во время моих занятий в Йене, и теперь в Лейпциге, вы, дядюшка, недоумевали, зачем историю и философию предпочел я праву, а вы, батюшка, обиделись, когда я сказал, что даже и право предпочтительнее богословия. Но теперь я хочу, чтобы вы оба сложили с себя все заботы обо мне, отрясли, как прах от ног своих. Теперь я понял, что мой долг — быть солдатом»³.

Солдатом поэту стать не пришлось, но его стремление к самореализации в этом отрывке ощущается. И гораздо большее в том, где Новалис начинает вести дневниковую (литературную) деятельность: «И тогда он написал: «Но есть во мне, этого не могу я отрицать, неизъяснимое чувство бессмертия»»⁴.

И это чувство бессмертия воплощает- ся в его трудах, в стремлении служения

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 24.

² Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, Ладомир, 2003. С. 4.

³ Фицджеральд П. Голубой цветок / Пер. Е. Суриц // Иностранная литература. №9. М., 2016. С. 31.

⁴ Фицджеральд П. Голубой цветок / Пер. Е. Суриц // Иностранная литература. №9. М., 2016. С. 34.

своей прекрасной даме, в приближении «золотого века» (о чём он напишет в эссе «Христианство или Европа»). Всё это обрело зримое воплощение в образе Матильды (Шианы), «Голубого цветка»: «Считается, что Новалис нашел в Софии столь ценную им поэзию утреннего часа («Дева — это вечное, женственное дитя»¹), которая станет в творчестве Новалиса провозвестницей возвращения золотого века» [6, с. 396].

Новалис чутко ощущал утрату целостного сознания, и полагал, что первая любовь «почила под гнётом деловой жизни»², полагал, что только возвращение в лоно католической церкви может исправить ситуацию и «стремился призвать к духовной борьбе» [10, с. 141].

Это стало его делом жизни, как и роман «Генрих фон Офтердинген», где «каждый чувственный образ предстает как миф, символ» [6, с. 404]. А сам образ Голубого цветка принял на себя значение «бескорыстного, бесконечного стремления к горизонту, к заветной мечте (*die Blaue Blume* – современный нем. фразеологизм «несбыточная мечта»)» [9, с. 206], что впоследствии нашло отражение в его рецепциях.

Наиболее интересны рецепции образа Голубого цветка в русской литературе, так как отношение к труду как к «благородному делу» также является одним из национальных русскоязычных кодов, что подтверждает и интерес, который был «стабильным и продолжительным» [4, с. 7], отечественных литераторов к творчеству и эстетическому наследию йенского романтика.

Те из них, что принадлежат к русскому символизму начала XX века, отмечены большим разнообразием. Связано это как с формированием идеи постижения истины через искусство, так и со стремлением обретения гармонии с миром. О. Ю. Панова в своей статье «Человек в

модернистской культуре» отмечает: «Идею о том, что искусство сможет заменить человеку религию и стать великой интегрирующей и смыслообразующей силой, была суждена долгая жизнь. Искусство с умиранием религии должно взять на себя функцию метафизического утешения – эту мысль, зародившуюся в романтизме, на разные лады повторяют в XX в. Уайльд и Генри Джеймс, Джойс и Сартр, Малларме и Элиот, Х. Л. Борхес и Дж. Барт» [15].

Иными словами, дело жизни — постижение истины, Софии, и воплощение её через литературное творчество, символ и миф – требовало нового развития.

Художники, музыканты, писатели и поэты мыслили себя как проводники и вместе с тем — жрецы Искусства, которым доступен мир сакрального, которые могут поделиться его светом с простыми смертными через творчество.

Голубой цветок становится универсальным мультикультурным символом [14], ощущается для каждого чем-то личным, узнаваемым, но непостижимым. Каждый пытается самостоятельно «вникнуть в трепет голубой»³ и добыть «лилею голубую»⁴.

В отечественной литературе этого времени образ встречается в творчестве многих поэтов: Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова, А. Белого (Б. Н. Бугаева), А. А. Блока, И. Северянина (И. В. Лотарёва), Н. С. Гумилёва, Н. Тэффи и др.

В. Я. Брюсов пишет статью «Голубой цветок», в которой так же, как и Новалис в своём эссе, говорит о необходимости формирования нового целостного (в статье оно фигурирует как «религиозное»⁵) сознания.

В какой-то мере этим надеждам суждено было сбыться. Приходит новая эпоха, преисполненная тоже романтического пафоса, правда несколько отличного от того, каким были полны поэты Серебряного века.

¹ Новалис. Фрагменты // Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб.: Евразия, 1995. С. 157.

² Новалис. Христианство, или Европа. Фрагмент // Новалис. Генрих фон Офтердинген (Heinrich von Ofterdingen) / Изд. подгот. В. Б. Микушевич; отв. ред. Р. Ю. Данилевский, Д. Л. Чавчанидзе; ред. [изд-ва] О. В. Бодешко. М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 135.

³ Тэффи Н. Семь огней. СПб.: Шиповник, 1910. 120 с.

⁴ Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. 461 с.

⁵ Брюсов В. Я. «Голубой цветок» [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-ger/bryusov-goluboj-cvetok.htm> (дата обращения: 24.10.2019).

Е. В. Давыдова отмечает: «Для Новалиса единственно возможным видится преобразование мира и достижение нового «золотого века» творческой деятельностью гения (поэта), – именно эстетизм этой утопии и привлекал русских символистов. Тогда как марксизм не приемлет эстетизм, выдвигая на первый план социальную сферу человеческой жизни, отвергая дух; рассматривая движущей силой прогресса пролетарскую массу, отвергая гения (единичную личность). Ориентируется на массу, а не на личность и «революционно-романтическая» поэзия: по сравнению с романтической и символистской лирикой у революционных романтиков 1920-1930-х годов на смену лирическому «я» приходит лирические «мы»» [4, с. 159].

Однако одно из произведений является рецепцией образа Голубого цветка, и оно гораздо сложнее, чем может показаться.

История, описанная в рассказе М. Горького «Голубая жизнь», развивается в провинциальном городке. Главный герой — Миронов — мечтает о Париже, как о некоем сказочном месте, которое представляется ему в голубой дымке. Главный герой — наблюдательный молодой человек, он фиксирует в своём сознании увиденные им вещи и предметы, подмечает детали. Саму попытку анализа он пресекает на корню. Не желает делать выводы и сопоставления. Как замечает герой, «когда думаешь, так кажется, что в тебе – двое, один – знает, другой – путает. А я не хочу думать. Душа не любит думать».¹

Он надеется когда-нибудь покинуть город, уехать в Париж, но для этого нужно знать французский, а язык даётся ему с большим трудом.

Жизнь героя преобразается, когда Пасхальным утром он встречает соседскую девушку, давно ему знакомую. Но только теперь он видит в ней нечто особенное: «Лиза Розанова понравилась Миронову в первый день Пасхи, когда он увидел ее одетой в голубое платье; она шла из церкви,

торжественный колокольный звон провозжал её, щедро освещало праздничное солнце, маленькая, стройная и в то же время пышная, как *необыкновенный цветок* (*курсив наш.* — Г. М., А. М. и М. М.), она была вся голубая, даже в голубых чулках».²

Фамилия Лизы также намекает читателю на то, что герой нашёл свой «голубой цветок», и становится понятным, почему «с того дня он сделал её соучастницей своей мечты о певучей, голубой жизни, она стала для него соломинкой в шумном потоке непонятного и пугающего».³

Миронов желает жениться на девушке, но сначала хочет привести в порядок свой дом — покрасить его голубой краской. Это приводит в замешательство город. Автор отмечает: «Улица всячески показывала, что голубой дом противен ей».⁴ Мальчишки даже забрасывают грязью голубые стены. И тут на пути героя возникает человек Каллистрат, который, уверяя, что желает помочь, на самом деле пытается привлечь к себе всеобщее внимание. Стать известным, популярным, обсуждаемым. Ему всё равно, каким образом (хоть сметаной забор красить).

Каллистрат представляет собой пример человека, который тратит силы напрасно. Деятельность его не только не приносит никакой пользы, но и вызывает напрасные волнения души и бурные эмоции, которые иссушают и опустошают дух. Имя *Каллистрат* (др.-греч. *Красивый воин*) изначально несёт в себе высокое значение, но в рассказе оно читается как «кастрат». Духовно немощный человек не способен к созидательной деятельности.

Однако Миронов не может противостоять новому знакомому, который «прилепился к нему»⁵, как тень.

Заканчивается всё драматично. Миронов оказывается в доме для умиленных, где происходит его полное

¹ Горький. М. Голубая жизнь // Горький М. Соб. соч. в 15 томах. М.; Ленинград: Гослитиздат, 1949. Т. 11. С. 264.

² Горький. М. Голубая жизнь // Горький М. Соб. соч. в 15 томах. М.; Ленинград: Гослитиздат, 1949. Т. 11. С. 245.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 273.

переформатирование как личности, его духовная основа разрушается, мир в его понимании упрощается – он становится дельцом, беспринципным и могущественным.

В рассказе М. Горького *Мир* (Миронов) — повержен. Смят мещанскими потребностями. А труд — Дело — сведено к жажде наживы.

Двадцатый век показал, что рассказ М. Горького можно считать пророческим. Человечество пережило много бедствий из-за желания больших удовольствий, «стада тучного быков», лёгкой и сладкой жизни — из-за того, что исключило само понимание «благородного дела» из деятельности, которую ведёт человек.

Более того, нельзя не согласиться с точкой зрения С. Г. Горбовской: «В 1930–1940-х гг. «голубой цветок» в Германии будет связан с одной из самых страшных идей XX столетия – идеей превосходства одной группы людей над другой, с идеей «сверхчеловека», голубой цветок Новалиса станет для идеологов Третьего рейха символом высшего идеала, стремления к обладанию особыми, недоступными для профанов знаниями» [2, с. 175].

Но сейчас в социально-культурном процессе наметились значительные перемены. Л. Тёрнер, один основателей нового течения метамодернизм, в статье «Метамодернизм: Краткое введение» заявляет: «Быть человеком – значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому чело-

век себя посвятил (*курсив наш.* – Г. М. и А. М.)»¹. Иными словами, речь идёт о самотрансценденции, которая «в концепции метамодернизма имеет положительную социальную направленность» [13, с. 149], то есть воплощает то самое желание быть способным на «благородные дела», которое было органичным для целостного сознания.

Неудивительно, что в рамках нового течения интерес к *Голубому цветку* – как символу горизонта, «благородного дела» и даже бессмертия – снова возрос. Датская музыкальная группа взяла себе имя «Blaue Blume». Также название «Голубой цветок» имеет женский музыкальный коллектив из Сербии. Роман П. Фицджеральд «Голубой цветок» (1995) вошёл в десятку лучших исторических романов, по версии «The Guardian»².

Голубому цветку посвящают научные работы [1; 2; 4; 10; 14; 19], благодаря которым уже сегодня мы можем говорить о нём как о мультикультурном символе и универсальной культуре.

Сегодня мы видим, что сама жизнь стала восприниматься иначе. Мы уже способны говорить об ответственности. И, возможно, совсем скоро человечество снова обретёт такое понимание себя и мира вокруг, которое позволяет видеть «небо в чашечке цветка»³, иметь поэтическую чуткость к миру и желание творить благородные дела.

Статья поступила в редакцию 06.11.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбовская С. Г. Из истории «Голубого цветка» как одного из художественно-литературных символов французской, немецкой и русской литератур XIX в. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 16–24.
2. Горбовская С. Г. Формирование художественного образа «голубой цветок» в мировой литературе XVII–XX вв.: от Жана де Лабрюйера к Раймону Кено // *Вестник Томского государственного университета*. Серия: Филология. 2018. №54. С. 160–181.

¹ Тёрнер Л. Метамодернизм: Краткое введение / пер. Устиновой А. [Электронный ресурс] // METAMODERN. Журнал о метамодернизме: [сайт]. URL: <http://metamodernizm.ru/brief-introduction/> (дата обращения: 03.07.2018).

² Skidelsky W. The 10 best historical novels [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/culture/gallery/2012/may/13/ten-best-historical-novels> (дата обращения: 15.06.2018).

³ Блейк У. Избранное / Пер. С. Маршака. М.: Олма-Пресс, 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://blake.sacrum.ru/poem_proph.htm (дата обращения: 02.10.18).

3. Горбовская С. Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2017. 276 с.
4. Давыдова Е. В. Голубой цветок и русский символизм. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 192 с.
5. Зарубежная литература XX века: практические занятия / под ред. И.В. Кабановой. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 472 с.
6. История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, А.В. Маркина, Н.С. Павловой. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. 808 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
8. Мамукина Г. И., Маркова А. С. Метамодернизм в концепции А.Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Научный журнал. 2018. №3 (39). С. 128–138.
9. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. №5. С. 205–208.
10. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код и мифический символ в европейской культуре // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX-XXI века: коллективная монография. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 140–143.
11. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №1. С. 89–98.
12. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Национальный код как смысловое ядро поэмы «Крестьянин Гельмбрехт» В. Садовника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 195–204.
13. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Самоотрансценденция как отличительная черта героя метамодернистского произведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №3. С. 146–156.
14. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Своеобразие понимания архетипа «Голубой цветок» другими культурами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №2. С. 187–191.
15. Панова О. Ю. Человек в модернистской культуре // Официальный сайт филологического факультета МГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/panova-article1-ru> (дата обращения: 25.10.19).
16. Френкель Р. В. Вернер Садовник и его поэма «Крестьянин Гельмбрехт» // В. Садовник. Крестьянин Гельмбрехт. М.: Наука, 1971. С. 79–92.
17. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. Г.Ф. Швейника. М.: АСТ, 2016. 288 с.
18. Grimm J. Deutsche Mythologie // Drei Lilien Ver-lag. W., 1992. 1552 p.
19. Klausnitzer R. Blaue Blume unterm Hakenkreuz. Die Rezeption der deutschen literarischen Romantik im Dritten Reich. F. Schöningh, 1999. 708 p.

REFERENCES

1. Gorbovskaia S. G. [From the history of the "Blue flower" as one of the literary characters in French, German and Russian literatures of the 19th century.]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9* [Bulletin of Saint Petersburg State University. Series 9], 2010, no. 1, pp. 16–24.
2. Gorbovskaia S. G. [The formation of the artistic image of "blue flower" in the world literature of the 17-20th centuries: from isolated maxims of La Bruyere Jean de to Raymond Keno]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: Philology], 2018, no. 54, pp. 160–181.
3. Gorbovskaia S. G. *Floroobraz vo frantsuzskoi literature XIX veka* [Floral image in the French literature of the 19th century]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2017. 276 p.
4. Davydova E. V. *Goluboi tsvetok i russkii simvolizm. Tvorchestvo Novalisa v kontekste russkoi literatury XX veka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01, 10.01.03* [Blue flower and Russian symbolism. The work of Novalis in the context of Russian literature of 20th century: PhD thesis in Philological sciences: 10.01.01, 10.01.03]. Moscow, 2001. 192 p.

5. *Zarubezhnaya literatura XX veka: prakticheskie zanyatiya* [Foreign literature of 20th century: practical classes] / ed. by I. Kabanova. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 472 p.
6. *Istoriya nemetskoj literatury: Novoe i noveishee vremya* [History of the German literature: modern and contemporary history] / ed. by E. Dmitrieva, A. Markin, N. Pavlova. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet [Russian State University for the Humanities Publ.], 2014. 808 p.
7. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 320 p.
8. Mamukina G. I., Markova A. S. [Metamodernism in the concept of A. Chuchin-Rusov «The Unified field of world culture»]. In: *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. Nauchnyi zhurnal* [Modern linguistic and methodical-and-didactic researches. The scientific journal], 2018, no. 3 (39), pp. 128—138.
9. Markova A. S., Mamukina G. I. [The archetype of the "Blue flower" as a national code]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2018, no. 5, pp. 205—208.
10. Markova A. S., Mamukina G. I. [The archetype of the "Blue flower" as a national code and a mythical symbol in European culture] // *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v khudozhestvennom prostranstve XIX-XXI veka: kollektivnaya monografiya* [The paradigm of transition and images of a fantastic world in the artistic space of the 19-21 century: monograph]. Nizhny Novgorod: *Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. N.I. Lobachevskogo* [Lobachevsky Nizhny Novgorod State National Research University N. I. Publ.], 2019, pp. 140—143.
11. Markova A. S., Mamukina G. I. [Metamodernism: overcoming the discreteness and individualism]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 1, pp. 89—98.
12. Markova A. S., Mamukina G. I. [The national code as the semantic core of the poem "Meier Helmbrecht" by Wernher der Gartnaer]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 5, pp. 195—204.
13. Markova A. S., Mamukina G. I. [Self-transformation as a distinctive feature of hero of a meta-modern work]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3, pp. 146—156.
14. Markova A. S., Mamukina G. I. [The peculiarity of the understanding of the archetype of the "Blue flower" by other cultures]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2019, no. 2, pp. 187—191.
15. Panova O. Yu. [People in modernist culture]. In: *Ofitsial'nyi sait filologicheskogo fakul'teta MGU* [Official website of the philological faculty of Moscow State University]. [Electronic resource]. Available at: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/panova-article1-ru> (accessed: 25.10.19).
16. Frenkel' R. V. [Wernher der Gartnaer and his poem "Meier Helmbrecht"]. In: [Wernher der Gartnaer. Meier Helmbrecht]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 79—92.
17. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom] / translated by G. F. Shveinik. Moscow, AST Publ., 2016. 288 p.
18. Grimm J. *Deutsche Mythologie* // *Drei Lilien* Ver-lag. W., 1992. 1552 p.
19. Klausnitzer R. *Blaue Blume unterm Hakenkreuz. Die Rezeption der deutschen literarischen Romantik im Dritten Reich*. F. Schöningh, 1999. 708 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – независимый исследователь; инженер Московского вертолётного завода имени М. Л. Миля;

e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;

e-mail: mamukina@mail.ru

Минова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;

e-mail: mariaminova543@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – independent researcher; engineer, Moscow Helicopter Plant named after M. L. Mil';
e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – PhD in Sociological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;

e-mail: mamukina@mail.ru

Maria V. Minova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;

e-mail: mariaminova543@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В. *Голубой цветок* как символ благородного дела и бессмертия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 115–124.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-115-124

FOR CITATION

Markova A. S., Mamukina G. I., Minova M. V. *Blue Flower* as a Symbol of Noble Affairs and Immortality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 115–124.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-115-124

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИИ

УДК 81:929 Пешковский А. М.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-125-129

ПЕШКОВСКИЙ А. М. ЛИНГВИСТИКА. ПОЭТИКА. СТИЛИСТИКА / СОСТ., НАУЧ. РЕД., ПОДГОТ. ТЕКСТА, ВСТУП. СТ. И ПРИМ. О. В. НИКИТИНА. М.: ФЛИНТА, 2018. 712 С. (СЕРИЯ «СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»)

Матвеев Е. М.

Санкт-Петербургский государственный университет,

Институт лингвистических исследований РАН

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11 / 199053, Санкт-Петербург,

Тучков переулок, д. 9, Российская Федерация

PESHKOVSKY A. M. LINGUISTICS. POETICS. STYLISTICS / COLLECTION, SCIENTIFIC EDITING, TEXT PREPARATION, INTRODUCTORY ARTICLE AND NOTES BY O. V. NIKITIN. MOSCOW: FLINTA PUBL., 2018. 712 P. (SERIES «STYLISTIC HERITAGE»)

E. Matveev

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

11 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034,

9 Tuchkov per., St. Petersburg 199053,

Russian Federation

В 2018 году в издательстве «Флинта» вышел объёмный сборник трудов классика отечественной филологии А. М. Пешковского [7]. В сборник вошли наиболее значительные работы Пешковского по современному языкознанию и стилистике.

Книга открывается небольшой статьёй «От составителя», в которой обосновывается актуальность выхода подобного сборника. Нельзя не согласиться с О. В. Никитиным, что наиболее известной и востребованной работой Пешковского на сегодняшний день остаётся его книга «Русский синтаксис в научном освещении», выдержавшая уже восемь изданий. Какая-то часть лингвистического наследия учёного была опубликована в сборнике его избранных трудов 1959 года [5]. Между тем значительная часть весьма интересных и оригинальных исследований, «разбросанных в малодоступных журналах и сборниках 1910–1930-х годов, до сих пор остаются библиографической редкостью» [7, с. 6].

О. В. Никитин уже второй раз за последние годы обращается к подготовке издания филологических трудов Пешковского – в 2007 году под его редакцией вышло учебное пособие [6], получившее высокую оценку научного сообщества [8]. Структура учебного пособия 2007 года и сборника 2018 года сходна, но не идентична. В учебном пособии был представлен раздел рецензий и критики («Miscellanea. Вокруг А. М. Пешковского: рецензии и полемика»), не вошедший в новую книгу. В рецензируемом же сборнике существенно расширена и переработана с учётом вновь найденных архивных докумен-

© CC BY Матвеев Е. М., 2020.

тов вступительная статья (её фрагменты публиковались ранее в журнальном варианте [2; 3; 4]. Кроме того, в приложении издан крайне любопытный фрагмент книги В. Г. Шершеневича «2 × 2 = 5. Листы имажиниста» (М., 1920), посвящённый А. М. Пешковскому и озаглавленный «Ломать грамматику».

После раздела «От составителя» следует обширная (почти 100 страниц) статья О. В. Никитина «Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени», которая состоит из двух дополняющих друг друга разделов: 1. Жизнь; 2. Труды и полемика. Красной нитью при рассказе о биографии Пешковского проходит история взаимоотношений Пешковского с М. Волошиным, весьма интересны приводимые в статье фрагменты переписки Волошина с Пешковским (письма последнего цитируются по автографу, находящемуся в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Значительно более подробно, чем в издании 2007 года, в статье 2018 года рассказано о раннем периоде деятельности учёного (от приезда в Крым до окончания Московского университета). Во второй части вступительной статьи О. В. Никитин анализирует главные научные темы, волновавшие Пешковского (в соответствии с этими темами и группируются далее научные статьи в книге). Особое внимание уделяется Пешковскому-педагогу: приводятся замечательные примеры из книги «Наш язык» [7, с. 86–91], **демонстрирующие** главные педагогические принципы Пешковского – обучать «методом живого наблюдения и индукции, методом развития мыслительных и сенсорных способностей учеников» [7, с. 86].

Основная часть рецензируемой книги – статьи учёного, которые сгруппированы в три раздела.

Первая часть книги охватывает наиболее важные труды по русскому языку и методике его преподавания в средней и высшей школе, неизвестные широкому кругу читателей. Подобранные статьи расширя-

ют рамки традиционно сложившегося мнения о А. М. Пешковском преимущественно как о синтаксисте и акцентируют его достижения в иных областях языкознания – орфографии, морфологии, стилистике. Значительная часть публикаций представляет Пешковского-педагога: такие статьи, как «Противоречия между школьной и научной грамматикой», «Синтаксис в школе», «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания», «Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе», «Роль грамматики при обучении стилю», «Цели и методы учёта орфографических ошибок», «Вопросы изучения языка в семилетке» и другие, содержат интереснейшие методические находки, которые не потеряли своей актуальности и с успехом могут быть использованы при обучении русскому языку и в наше время. Во всех трудах Пешковского по методике преподавания русского языка лейтмотивом проходит мысль о том, что необходимо минимизировать противоречия между научной картиной языка и его преподаванием в школе, поскольку «практика не требует искажения теории» [7, с. 113].

Вторая часть сборника трудов включает восемь энциклопедических статей, подготовленных Пешковским для «Литературной энциклопедии» (1925 г.): «Грамматика», «Лексема», «Предложение», «Синтаксис», «Слово», «Слово отдельное», «Стилистика», «Стилистическая грамматика». Эти статьи, отражающие суть лингвистической концепции учёного, не представляют собой свода сухих энциклопедических данных; это скорее статьи-размышления, в которых доминирует особая «философская» интонация, отмечаются парадоксы лингвистического учения, невозможность строгих определений ряда базовых терминов лингвистики (например, термина *слово*) без учёта различных точек зрения на языковые факты (ср., например, в этом контексте наблюдения над Пешковским-лексикографом: [1]). Рассуждая о границах термина «грамматика» и о разделах лингвистики, Пешковский пишет: «Цельность предмета не должна

препятствовать делению на отделы, поскольку возможны отдельные точки зрения на каждый языковой факт. Ведь и мироздание цельно, но это не помешало науке разбиться на отдельные “науки”, которые в сущности так же беспомощны друг без друга при истолковании каждого отдельного факта, как и отделы языковедения при истолковании фактов языка» [7, с. 530].

Наконец, третья часть издания объединяет неизвестные современному читателю труды учёного по языку художественной литературы, поэтике и стилистике, не переиздававшиеся со времени их первой публикации. В них Пешковский показывает себя, с одной стороны, знатоком отечественной литературы (прежде всего классической), а с другой – учёным широкого филологического профиля, способного блистательно «сопрягать» различные области филологического знания и обосновывать новые приёмы и методы анализа поэтических и прозаических произведений. Так, например, в открывающей третий раздел статье «Стихи и проза с лингвистической точки зрения» Пешковский обращается к проблеме ритма в широком смысле, обосновывает гипотезу о том, что «человеческая речь действительно всегда и везде ритмична» [7, с. 565], и показывает, как именно ритм прозаической речи отличается от ритма речи стихотворной: ритм в прозе создают другие ритмические единицы (слог, такт, фонетическое предложение, фонетический период) [7, с. 565]. Автор приходит к выводу о том, что «основное различие стиха и разговорной речи – урегулирование числа слогов в тактах одного и полное отсутствие такого урегулирования в тактах другой» [7, с. 568].

Следующая статья раздела «Десять тысяч звуков (Опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований)» имеет совсем иной характер: проделав статистическую работу над звуковым составом разговорно-литературной русской речи, Пешковский приходит, в частности, к следующему любопытному выводу: «Речь “Евгения Онегина”

резко отличается от русской разговорно-литературной речи (25,5%), так как разговорная речь “шумнее”, а “Онегин” “звучнее” в этом пункте на 5,5%» [7, с. 600].

В третьей обширной статье «Принципы и приёмы стилистического анализа и оценки художественной прозы» Пешковский анализирует прозаическую фонику, ритмику, грамматику, лексику художественного произведения, уделяя особое внимание его мелодике: «Мы все непосредственно чувствуем, что мелодия – это тот фокус, в котором скрещиваются и ритм, и синтаксис, и словарь, и всё так называемое “содержание”» [7, с. 645].

Сборник завершается приложением («Ломать грамматику» В. Г. Шершеневича) и библиографическим списком опубликованных трудов А. М. Пешковского, в который внесена информация о 62 работах учёного (в сборнике 1959 года в списке печатных работ Пешковского только 54 работы [5, с. 247–251]).

Отметим два мелких недочёта рецензируемого издания. При каждой статье составителем указано, по какому изданию она печатается, но, к сожалению, не уточняется время первой её публикации. Во вступительной статье говорится, что рецензия Д. Н. Ушакова на книгу Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» полностью опубликована «в нашем издании» [7, с. 66]. Речь, очевидно, об издании 2007 года, поскольку в рецензируемом сборнике раздел рецензий отсутствует. Эти незначительные недостатки издания ни в коей мере не могут повлиять на высокую оценку качества сборника, подготовленного О. В. Никитиным. Материалы всех его разделов позволили составителю создать объёмную картину научного творчества А. М. Пешковского, показать масштаб его незаурядной личности, а также продемонстрировать современным филологам индивидуальную манеру мышления и письма, свойственную этому замечательному учёному, чьи научные изыскания не утратили своей остроты и актуальности.

Рецензия поступила в редакцию 19.08.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 232 с.
2. Никитин О. В. «Жизнеописание Пешковского в юности. Тема очень благодарная...» (Опыт воссоздания портрета известного учёного) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. №1 (4). С. 89-96.
3. Никитин О. В. «...Решил бесповоротно идти на филологический» (Дискуссии и споры М. А. Волошина с А. М. Пешковским в контексте исторических событий 1900-х гг.) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. №2 (5). С. 87-93.
4. Никитин О. В. «Лики творчества» А.М. Пешковского: 1910-1930-е гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. №3 (6). С. 68-73.
5. Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. 252 с.
6. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды: учеб. пособие / сост. и науч. ред. О. В. Никитин. М.: Высшая школа, 2007. 800 с.
7. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / сост., науч. ред., подгот. текста, вступ. ст. и прим. О. В. Никитина. М.: ФЛИНТА, 2018. 712 с. (Серия «Стилистическое наследие»).
8. Шмельёва Т.В. А. М. Пешковский. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды: Учебное пособие / сост. и науч. ред. О. В. Никитин. М.: Высшая школа, 2007 [Рецензия] // Русский язык в научном освещении. 2009. №1 (17). С. 296–299.

REFERENCES

1. Nikitin O. V. *Ocherki po istorii russkoy leksikografii pervoy poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya* [Essays on the history of Russian lexicography of the first part of the 20th century (explanatory dictionaries): monograph]. Slavyansk-na-Kubani, *Izdatel'skii tsentr filiala KubGU v g. Slavyanske-na-Kubani* [Publishing center of the branch of the Kuban State University in city Slavyansk-na-Kubani], 2012. 232 p.
2. Nikitin O. V. «*Zhizneopisanie Peshkovskogo v yunosti. Tema ochen' blagodarnaya...*» (*Opyt vossozdaniya portreta izvestnogo uchenogo*) [*The life of Peshkovsky in his youth. The theme is very grateful...*] (Experience of recreating the portrait of a famous scientist). In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Humanities, Social, Pedagogical Sciences], 2017, no. 1 (4), pp. 89–96.
3. Nikitin O. V. «*...Reshil bespovorotno idti na filologicheskii*» (*Diskussii i spory M.A. Voloshina s A. M. Peshkovskim v kontekste istoricheskikh sobytii 1900-h gg.*) [*...Decided to go irrevocably to the philological*] (Discussions and disputes between M. Voloshin and A. Peshkovsky in the context of historical events of the 1900s). In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Humanities, Social, Pedagogical Sciences], 2017, no. 2 (5), pp. 87–93.
4. Nikitin O. V. «*Liki tvorchestva*» A.M. Peshkovskogo: 1910-1930-e gg. [*Faces of creativity*] by A. Peshkovsky: 1910-1930s]. In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Humanities, Social, Pedagogical Sciences], 2017, no. 3 (6), pp. 68–73.
5. Peshkovsky A. M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, *Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR* [State Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR], 1959. 252 p.
6. Peshkovsky A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika: Izbrannye trudy: uchebnoe posobie* [Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected Works: a training manual]. Moscow, Higher School Publ., 2007. 800 p.
7. Peshkovsky A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika* [Linguistics. Poetics. Stylistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. 712 p.
8. Shmeleva V. V. [A. Peshkovsky. Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected Works: a training manual / Compiler and Scientific Editor O. Nikitin]. Moscow, Higher School Publ., 2007 [Review]. In: *Russky yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], 2009, no. 1 (17), pp. 296–299.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матвеев Евгений Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН;
e-mail: e.matveev@spbu.ru, ematveev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny M. Matveev – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Russian Literature History Department, St. Petersburg State University, Senior Researcher, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences;
e-mail: e.matveev@spbu.ru, ematveev@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Матвеев Е. М. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / сост., науч. ред., подгот. текста, вступ. ст. и прим. О. В. Никитина. М.: ФЛИНТА, 2018. 712 с. (Серия «Стилистическое наследие») [Рецензия] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 125–129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-125-129

FOR CITATION

Matveev E. M. Peshkovsky A. Linguistics. Poetics. Stylistics / Collection, Scientific Editing, Text Preparation, Introductory Article and Notes by O. Nikitin. Moscow: FLINTA Publ., 2018. 712 p. (Series «Stylistic Heritage») [Review]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 125–129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-125-129

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929 Фигуровский И. А.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-130-133

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ФИГУРОВСКИЙ: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА

Свиридова Т. М.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, Российская Федерация

IVAN ALEKSANDROVICH FIGUROVSKY: TO THE 120TH BIRTHDAY OF THE OF PROFESSOR'S BIRTH

T. Sviridova

Bunin Yelets State University

28 Communarov ul., Elets 399770, Russian Federation

В Елецком государственном университете им. И. А. Бунина 19 сентября 2019 года состоялась Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка», посвящённая 120-летию со дня рождения профессора И. А. Фигуровского.

Иван Александрович Фигуровский был заведующим кафедрой русского языка Елецкого государственного педагогического института с 1946 по 1975 г., освещал работу кафедры в журнале «Русский язык в школе», активно работал с учителями школ.

В Ельце помнят профессора И. А. Фигуровского как выдающегося учёного, который оставил заметный след в культурном и научном наследии вуза.

Большой научный опыт профессора демонстрирует широкое видение рассматриваемых языковедческих проблем.

Учёный разрабатывал такие проблемы, как строение и семантика простого и сложного предложения, синтаксис целого текста, методика работы над связным текстом.

Актуальность трудов профессора И. А. Фигуровского состоит в том, что многие идеи, заложенные в них, не были в достаточной степени реализованы. К ним относится изучение синтаксических отношений в тексте, синтаксической структуры текста, доминанты в построении различных текстов, проблема передачи синтаксических отношений в тексте при переводе с одного языка на другой, проблема обучения правилам построения текстов.

Новизна подхода И. А. Фигуровского к тексту состоит в том, что в его работах показана аналогия синтаксических отношений между предложениями в тексте и в рамках простых и сложных предложений, рассмотрены синтаксические признаки описания, повествования и рассуждения, определены основные подходы к анализу синтаксической структуры текста, методические проблемы обучения школьников анализу и созданию текстов.



На фото слева направо: Г. Д. Фигуровская (профессор ЕГУ имени И. А. Бунина), Т. Е. Шаповалова (профессор МГОУ), Т. М. Свиридова (доцент ЕГУ имени И. А. Бунина, зав. кафедрой русского языка, методики его преподавания и документоведения), Д. А. Романов (профессор ТГПУ имени Л. Н. Толстого), О. В. Шаталова (профессор ЛГПУ имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского), И. А. Карпачёва (доцент ЕГУ имени И. А. Бунина, директор института филологии), С. В. Коростова (доцент ЮФУ).

In the photo from left to right: G. D. Figurovskaya (professor of YSU named after I. A. Bunin), T. E. Shapovalova (professor, Moscow State Educational University), T. M. Sviridova (Associate Professor, YSU named after I. A. Bunin, Head of the Department of the Russian Language, Methods of Teaching and Documentation), D. A. Romanov (professor of TSPU named after L. N. Tolstoy), O. V. Shatalova (professor of Leningrad State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky), I. A. Karpachev (associate professor of YSU named after I. A. Bunin, Director of the Institute of Philology), S. V. Korostova (Associate Professor of SFedU).

И. А. Фигуровский был первым учёным, который разработал концепцию синтаксического анализа текста (его первые статьи по данной проблематике опубликованы в 1936 г., кандидатская диссертация защищена в 1947 году).

В своих трудах профессор доказывал важные положения о синтаксическом строении текста, о методических подходах к его изучению.

Работы И. А. Фигуровского оказали влияние на ряд исследований, в них нашли подтверждение результаты его трудов.

Научная программа Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилейному дню рождения профессора И. А. Фигуровского, включала пленарное заседание, которое было представлено докладами, посвящёнными

переосмыслению научного наследия учёного в области славянского языкознания, палеографии, лингвистики текста и текстовых единиц: «Вопросы славянского языкознания в трудах И. А. Фигуровского и А. М. Селищева» (Т. М. Свиридова, Елец), «И. А. Фигуровский и славянская палеография» (Д. А. Романов, Тула), «Роль концепции И. А. Фигуровского в развитии лингвистики текста: аспект имплицитной семантики» (А. Л. Факторович, Краснодар), «Отношения и связи между предложениями в синтаксисе целого текста И. А. Фигуровского и в современной лингвистике текста» (Г. Д. Фигуровская, Елец), «В диалоге с мэтром»: об одном концептуальном подходе в синтаксических воззрениях И. А. Фигуровского» (О. В. Шаталова, Липецк), «Темпорально-

персуазивная семантика русского предложения» (Т. Е. Шаповалова, Москва).

На конференции работали шесть секций.

На секции «Актуальные вопросы синтаксиса предложения и текста» обсуждались проблемы текстовых аспектов анализа семантики и функционирования синтаксических единиц, функционирования языковых единиц в разных стилях и типах текстов: «Семантика временных форм структурообразующего компонента схем «что светит чем», «кто / что освещает что» (Аль Хаснави Али Ради Машджель, Насирия, Ирак), «Повествовательные восклицательные и невосклицательные неполные двусоставные конструкции со значением необдуманного действия» (Е. П. Волкова, Москва), «План выражения поля модальности текста (на материале регионального законодательства)» (Е. З. Киреева, Тула), «Эмотивный синтаксис ранних рассказов А. П. Чехова» (С. В. Коростова, Ростов-на-Дону), «О служебном потенциале модели $V+N_6$ » (Е. С. Шереметьева, Владивосток) и др.

Секция «Актуальные проблемы теории и практики филологического анализа текста и дискурса» была представлена докладами, рассматривающими языковые средства создания художественного образа, виды художественных описаний, структуру и семантику заглавия как ключевого элемента текста, жанровую трансформацию, категории художественного текста, лингвистические особенности дискурса: «Речевые стратегии построения имиджа демократического лидера в выступлениях В. В. Путина» (О. И. Егорова, Липецк), «Языковые средства создания символа-образа Светланы в поэтическом тексте (В. А. Жуковский и А. С. Пушкин)» (С. М. Колесникова, Москва), «О взаимосвязи перцептивной и пространственно-временной семантики» (О. А. Мещерякова, Пушкин, Ленинградская область), «Украинско-русское языковое взаимодействие в художественном тексте русских классиков» (Т. М. Полякова, Киев, Украина), «Интернет как среда дискур-

сивных изменений жанра» (О. Ю. Усачёва, Липецк) и др.

На секции «Языковые единицы в системно-структурном, функциональном и семантическом аспектах» были заслушаны доклады, направленные на анализ окказионализмов с точки зрения соответствия ортологической системе языка, прагматистических функций предложений, структурно-семантических трансформаций фразеологизмов, языковых механизмов, лежащих в основе неизосемичности: «Проявление интернационализации лексики тематической сферы «туризм» в русском языке» (Г. А. Воеводина, Елец), «Семиотика лексики, реализующей вероучительные идеи в русском языке» (С. Ю. Дубровина, Тамбов), «Лингвистические «стопперы» в языке текстов В. Пелевина» (Л. А. Новосельцева, Елец), «Документ и грамота: к вопросу об историческом развитии терминологии» (У. И. Турко, Елец) и др.

Секция «Актуальные проблемы лингвокультурологии и лингвокогнитологии» объединяет доклады, посвящённые изучению взаимосвязи языка и культуры, языка и религии, языка и сознания, исследованию национальной картины мира и её составляющих, описанию языковых средств овнешнения концептов, концептуальному и лингвокультурологическому анализу художественного текста: «Восприятие национально-культурного смысла русского фольклорного текста иностранцами в условиях межкультурной коммуникации» (Е. Р. Корниенко, Москва), «Антропоцентричность пейзажа в рассказе И. С. Тургенева «Свидание» (Л. П. Плеханова, Липецк), «Провинциальный текст русской литературы: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (Е. А. Попова, Липецк), «Различия в культуре и языке между Китаем и Россией» (Су Лицзе, Аньшань, Китай), «Концептуальная метафора и моделирование мира (на материале российского и болгарского медиадискурсов)» (Е. В. Стоянова, Шумен, Болгария) и др.

Секция «Актуальные проблемы ономастологии и ономастики» включает доклады, основанные на наблюдениях учёных за языковыми средствами вторичной номинации на современном этапе развития языка, за традиционными и новыми объектами ономастики в разных аспектах, в синхронии и диахронии: «Зоонимы в ономастическом пространстве произведений М. М. Пришвина» (Н. А. Бородина, Елец), «Дериваты с компонентом *чудо-* в заголовках публицистических текстов» (Н. В. Гоннова, Самара), «Семантическая структурная организация дериватов народно-разговорной речи в малой прозе А. И. Солженицына» (О. И. Литвинникова, Каменец-Подольский, Украина), «Устойчивые тропические номинации дендронима *клён* в поэтическом языке XIX-XX веков» (М. Г. Соколова, Тольятти) и др.

Секция «Актуальные проблемы лингводидактики» объединила доклады, в центре внимания которых оказались вопросы создания развивающей среды средствами языка как метапредмета: «Анализ смысловых отношений текста при подготовке к ЕГЭ по русскому языку» (Т. Г. Бирюкова, Елец), «Фразеология педагогической речи: лингвоэкологический аспект» (Е. П. Иванян, Самара), «Виды интеграции на уроках русского языка» (Е. Э. Новикова, Липецк), «Воспитательный потенциал «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина» (Г. М. Шипицына, Белгород) и др.

Проведённая конференция открывает перспективы исследований в русле научных идей профессора Ивана Александровича Фигуровского.

Материал поступил в редакцию 30.09.19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Свиридова Тамара Михайловна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка, методики его преподавания и документоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина;
e-mail: kafedra.tirj@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara M. Sviridova – Doctor in Philological sciences, associate professor, head at the Department of Russian language, teaching methodology and records keeping, Bunin Yelets State University;;
e-mail: kafedra.tirj@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Свиридова Т. М. Иван Александрович Фигуровский: к 120-летию со дня рождения профессора // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 130–133.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-130-133

FOR CITATION

Sviridova T. M. Ivan Aleksandrovich Figurovsky: to the 120th Birthday of the Professor's Birth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 130–133.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-130-133



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2020. N 1

Над номером работали:

Литературный редактор Е. О. Духовнова
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,5, уч.-изд. л. 11.
Подписано в печать: 28.02.2020 г. Дата выхода в свет: 12.03.20 г. Заказ № 2020/02-04.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А